

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Социально-экономические
и правовые исследования

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Social, Economic, and Law Research

Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Том 10. № 1 (37)

2024

Vol. 10. No. 1 (37)

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

Л. М. Симонова, Тюмень, Россия

Заместители главного редактора

Е. В. Андрианова, Тюмень, Россия

Л. В. Зайцева, Тюмень, Россия

К. А. Захарова, Тюмень, Россия

Ответственный секретарь

Д. А. Авдеев, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

И. Акихиро, Токио, Япония

М. М. Акулич, Тюмень, Россия

В. В. Гамукин, Тюмень, Россия

В. А. Давыденко, Тюмень, Россия

Д. Сонг, Сеул, Южная Корея

В. Д. Драшкович, Котор, Черногория

Е. Казьмерчик, Познань, Польша

М. И. Клеандров, Москва, Россия

Е. Г. Комиссарова, Тюмень, Россия

Н. А. Костко, Тюмень, Россия

Ф. Крайсиг, Кемниц, Германия

М. С. Матейкович, Москва, Россия

Г. Ф. Ромашкина, Тюмень, Россия

Д. Ю. Руденко, Тюмень, Россия

Е. В. Смахтин, Тюмень, Россия

В. С. Собкин, Москва, Россия

А. В. Сумачев, Тюмень, Россия

Г. Н. Чеботарев, Тюмень, Россия

Л. Ф. Шилова, Тюмень, Россия

П. Ярвелейд, Таллин, Эстония

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press

625003, г. Тюмень, ул. Володарского, б

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-social-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.elibrary.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

По подписке

Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief:

L. M. Simonova, Tyumen, Russia

Deputy editors-in-chief:

E. V. Andrianova, Tyumen, Russia

L. V. Zaytseva, Tyumen, Russia

K. A. Zakharova, Tyumen, Russia

Executive secretary

D. A. Avdeev, Tyumen, Russia

Editorial board

M. M. Akulich, Tyumen, Russia

V. V. Gamukin, Tyumen, Russia

V. A. Davydenko, Tyumen, Russia

V. D. Drašković, Kotor, Montenegro

A. Ishikava, Tokyo, Japan

J. Kaźmierczyk, Poznań, Poland

M. I. Kleandrov, Moscow, Russia

E. G. Komissarova, Tyumen, Russia

N. A. Kostko, Tyumen, Russia

V. Kreissig, Chemnitz, Germany

M. S. Mateykovich, Moscow, Russia

G. F. Romashkina, Tyumen, Russia

D. Yu. Rudenko, Tyumen, Russia

E. V. Smakhtin, Tyumen, Russia

V. S. Sobkin, Moscow, Russia

J. Song, Seoul, South Korea

A. V. Sumachev, Tyumen, Russia

G. N. Chebotaryov, Tyumen, Russia

L. F. Shilova, Tyumen, Russia

P. Järvelaid, Tallinn, Estonia

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Founded by

University of Tyumen

Published, edited and printed by

UTMN-Press

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

For article submission

vestnik-social-r@utmn.ru

No publication charges

The journal is distributed

Accessed at

<http://www.elibrary.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Subscription to

Russian Post catalogue (No. IIA252)

Содержание

Социология

- 6 Цифровые «места обитания»: соседский чат как механизм конструирования социального статуса (на примере жилых комплексов Иркутска)
Иванов К. А.
- 24 Воспроизводство педагогических кадров в системе общего образования: тенденции и противоречия
Волегов В. С., Сомхишвили К. О.
- 39 Социальная стратификация пожилых онлайн-покупателей
Олумекор М.

Право

- 53 Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления: опыт Аргентины в контексте реформирования российского законодательства
Комлев Е. Ю.
- 71 Особенности назначения наказания судами Луганской Народной Республики в условиях проведения специальной военной операции
Жарикова Н. С., Жариков П. А.

Экономика

- 86 Региональные особенности налогового бремени компаний сферы информационных технологий в контексте повышения их устойчивости
Вылкова Е. С., Покровская Н. В., Жигалов В. М., Муравьева О. С., Вейнер И. Н.
- 103 Применение семантического анализа в стратегическом маркетинге при использовании инструмента интеллект-карт
Логина Ю. В., Логинов И. В.

Есть мнение

- 124 Сохранение и укрепление ценностно-мировоззренческих основ современной российской юридической науки
Кабьшев С. В.

Обзоры, рецензии, научные события

- 129 Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации (обзор выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции)
Чеботарёв Г. Н.
- 133 Peace and security in Africa
Kreißig V.
- 142 Содержание за 2023 год

Contents

Sociology

- 6 Digital “habitats”: neighborhood chat as a mechanism of social status construction (the case of housing estates in Irkutsk)
Ivanov, K. A.
- 24 Teacher training in secondary education: trends and contradictions
Volegov, V. S., & Somkhishvili, K. O.
- 39 The social stratification of older people in online shopping
Olumekor, M.

Law

- 53 Forms of public participation in local self-government: Argentina’s experience in the context of reforming the Russian legislation
Komlev, E. Yu.
- 71 The sentencing specifics of the courts in the Lugansk People’s Republic during the special military operation
Zharikova, N. S., & Zharikov, P. A.

Economics

- 86 Regional features of the tax burden of IT companies in the context of increasing their sustainability
Vylkova, E. S., Pokrovskaia, N. V., Zhigalov, V. M., Muraveva, O. S., & Veyner, I. N.
- 103 Application of semantic analysis in strategic marketing using the mind map tool
Loginova, Ju. V., & Loginov, I. V.

Point of View

- 124 Preserving and strengthening the value and attitudinal foundations of contemporary Russian legal science
Kabyshev, S. V.

Reviews, Critique, Events

- 129 Humanitarian potential of the RF Constitution (review of presentations at the All-Russian Research Conference)
Chebotarev, G. N.
- 133 Peace and security in Africa
Kreifsig, V.
- 142 Contents for 2023

Цифровые «места обитания»: соседский чат как механизм конструирования социального статуса (на примере жилых комплексов Иркутска)

Кирилл Андреевич Иванов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
Контакт для переписки: ivanov-ka@word.isu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и места соседского взаимодействия в мессенджерах в части конструирования социального статуса. Цифровизация повседневности и расширение строительства многоквартирных жилых объектов в российских городах ставят перед исследователями множество вопросов об особенностях протекания социальных процессов и складывания социальной структуры в данных условиях. Цель статьи — на основании опыта двухлетнего наблюдения и собранного эмпирического материала (более 60 000 сообщений пользователей) показать, как в дискурсе соседских обсуждений современных жилых комплексов Иркутска артикулируется нарратив социального благополучия. Основным методом исследования является дискурс-анализ, социальный статус жильцов представляется нам «пустым знаком», за наполнение которого «борется» дискурс соседских обсуждений. Для предобработки текстового массива применялся софт MAXQDA 2020, предобработка производилась с помощью тематического кодирования. Был выделен ряд кодов, так или иначе связанных с исследуемой проблематикой. Закодированная совокупность текстов была обобщена в три основных тропа, вокруг которых вращаются обсуждения интересующей нас тематики — финансовая состоятельность членов сообщества, материальные маркеры достатка и образ жителей сопредельных локальностей. Основным теоретическим ресурсом, используемым в исследовании, послужили идеи П. Бурдьё и «социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана. Соседский чат представляется нам механизмом, позволяющим инструментализировать атрибуты социального статуса в текстовых практиках, тем самым кристаллизуя сообщество изнутри. Основными факторами, детерминирующими самописание

и самовоображение сообществ в качестве носителей высокого социального статуса, выделены благополучие, предзаданное на этапе реализации застройщиками новой недвижимости, и расположение в городском пространстве.

Ключевые слова: социальный статус, соседское сообщество, мессенджер, жилой комплекс, дискурс, габитус, Иркутск

Цитирование: Иванов К. А. 2024. Цифровые «места обитания»: соседский чат как механизм конструирования социального статуса (на примере жилых комплексов Иркутска) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 1 (37). С. 6–23. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-6-23>

Поступила 25.11.2023; одобрена 27.01.2024; принята 10.04.2024

Digital “habitats”: neighborhood chat as a mechanism of social status construction (the case of housing estates in Irkutsk)

Kirill A. Ivanov✉

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Corresponding author: ivanov-ka@word.isu.ru✉

Abstract. The article analyzes the role and place of neighborhood interaction in messengers in terms of social status construction. The digitalization of everyday life and the expanded construction of multi-apartment housing objects in Russian cities raise many questions for researchers about the peculiarities of social processes and the formation of social structure in these conditions. The aim of the article is to show, based on two years of observation and collected empirical material (more than 60,000 user messages), how the discourse of neighborly discussions of modern apartment complexes in Irkutsk articulates the narrative of social well-being. The main method of research is discourse analysis; the social status of residents seems to us to be an “empty sign” for the filling of which the discourse of neighborhood discussions “struggles.” MAXQDA 2020 software was used to preprocess the text array, preprocessing was done using thematic coding. A number of codes were identified that were somehow related to the problematic under study. The coded set of texts was summarized into three main tropes around which discussions of the topic of interest revolve — financial solvency of community members, material markers of wealth, and the image of residents of neighboring localities. The main theoretical resources used in the research were the ideas of P. Bourdieu and the “social construction of reality”

of P. Berger and T. Luckmann. Neighborhood chat seems to us to be a mechanism that allows us to instrumentalize the attributes of social status in textual practices, thus crystallizing the community from within. The main factors determining the self-description and self-image of communities as carriers of high social status were identified as well-being and location in the urban space predetermined at the stage of realization by developers of new real estate.

Keywords: social status, neighborhood community, messenger, housing estate, discourse, habitus, Irkutsk

Citation: Ivanov, K. A. (2024). Digital “habitats”: neighborhood chat as a mechanism of social status construction (the case of housing estates in Irkutsk). *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(1), 6–23. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-6-23>

Received Nov. 25, 2023; Reviewed Jan. 27, 2024; Accepted Apr. 10, 2024

Введение

Пространственная сегрегация в ландшафте современного российского города является одним из распространенных сюжетов в социальных исследованиях [Обирин, 2011; Самойлова, 2005; Трущенко, 1994]. Как отмечают авторы, данная проблематика до сих пор остается относительно новой для постсоветского пространства, однако тенденция роста социального расслоения порождает образование своеобразных городских «анклавов», в первую очередь в виде жилых комплексов (далее ЖК), демонстрирующих высокую степень социальной однородности своих жителей [Петрина, 2020]. Принимая идею Пьера Бурдьё, что физическое пространство функционирует «как некая спонтанная метафора социального пространства» [Бурдьё, 2005в, с. 50], можно сделать вывод об определенной гомологии статусов данных городских локальностей и статусов сообществ, их населяющих.

Как правило, определенный тип социальности, присущий будущему сообществу жильцов, закладывается застройщиками еще на этапе проведения рекламной кампании новых объектов и конструируется в виде социально благополучного «воображаемого соседства» [Almatarneh, Mansour, 2013; Cheshire и др., 2010]. Таким образом, социальность, привязанная к локальности, становится товаром, своего рода привилегией «под ключ», идущей комплектом к недвижимости, наполняя собственность статусными смыслами, а ее владельца — определенной идентичностью. Обладание жильем такого рода формирует или закрепляет некоторые локусы габитуса, понимаемого нами в качестве системы устойчивых ментальных диспозиций, мотивирующих когнитивных структур [Бурдьё, 1998]. В таком случае жилые комплексы становятся своего рода «местами обитания» (habitat) — пространствами, формулируемыми определенным способом социального употребления, подталкиваемым габитусами обитателей [Бурдьё, 2005в, с. 59]. Кристаллизирующаяся при заселении в такое жилье форма повседневности становится для жильцов кусочком «мира здравого смысла», принимаемого обыденностью

a priori, занимающего «высшее положение среди разных областей реальности, ибо только в нем становится возможна коммуникация с другими» [Шюц, 2004, с. 463]. Заселяя ЖК, новые собственники уже обладают предварительно закрепленными установками повседневного знания о себе и «общим пониманием реальности», формируют разделяемый друг с другом intersубъективный мир, и в соответствии с этим выстраивают социальные структуры [Бергер, Лукман, 1995, с. 43–44].

Большинству жилых локальностей сегодня присуще наличие цифровой инфраструктуры, посредством которой выстраивается коммуникация соседей, формируются практики «гибридного соседства» [Gromasheva, 2021] — перетекающие друг в друга онлайн- и офлайн-активности. Пожалуй, наиболее распространенной формой цифрового взаимодействия соседей является использование групповых чатов в приложениях-мессенджерах. Особенностью данного механизма коммуникации является его частая закрытость от «чужаков», объясняемая нежеланием нарушения зоны предсказуемости и безопасности, другими словами, страхом, часто присущим дискурсу «закрытых сообществ» (gated communities) [Low, 2001].

Наша гипотеза состоит в том, что в чатах современных ЖК вместе с функциональными задачами решения бытовых и организационных вопросов воспроизводится нарратив социального благополучия. Другими словами, соседский чат потенциально выступает механизмом, посредством которого конституируется социальный статус собственников, приобретающих жилье в качестве определенного индикатора стиля жизни [Гидденс, Саттон, 2018, с. 185]. При этом социальный статус является лишь атрибутом внутренних социальных конструкций, то есть одной из объективаций повседневной жизни жителей ЖК. В соответствии с теорией социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, подобного рода объективации «поддерживаются главным образом с помощью лингвистических обозначений» [Бергер, Лукман, 1995, с. 65]. С нашей точки зрения, соседский чат инструментализирует подобные атрибуты, с одной стороны, кристаллизуя сообщество в коммуникативных практиках, с другой, предоставляя исследователю возможность путем наблюдения и анализа генерируемых соседями текстов «препарировать» некоторые основания проявляющихся в них конструкций. Цель статьи — воспользовавшись данной возможностью, проверить нашу гипотезу, определив, какую роль в конструировании социального статуса играет соседская коммуникация в мессенджерах. Для достижения нашей цели мы выявили и описали такие практики соседского взаимодействия, выраженные в транслировании его участниками окаймляющих данную коммуникацию дискурсивных структур [Кэмерон, 2015, с. 36], которые модулированы локальными социальными структурами и, соответственно, связаны с социально сконструированным «чувством собственного места» [Kyle, Chick, 2007].

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования служат массивы текстов четырнадцати соседских чатов пяти жилых комплексов г. Иркутска. Данная статья является частью более широкого исследования, посвященного месту и роли соседских чатов в конструировании

локальных сообществ, поэтому первоначальная задача, стоявшая на момент сбора материала, — вступить в некоторое количество цифровых площадок, привязанных к жилым локальностям, при этом сохранив анонимность исследователя. Набор возможных для «внедрения» чатов производился по методике «теплого круга». В целях предотвращения искажения будущего материала или отказа со стороны администраторов в добавлении нового пользователя, большинству «проводников» в цифровое сообщество пришлось представить автора как своего родственника или совладельца (созаящика/поручителя по ипотеке), поскольку реальная причастность к локальности в большинстве случаев является обязательным условием нахождения в ее цифровом ресурсе. Подготовительный процесс проходил в июле–сентябре 2021 г., в итоге было собрано 32 чата (в мессенджерах Viber, Whatsapp¹ и Telegram), но общая совокупность получилась довольно неоднородной, поскольку представляла абсолютно разные типы жилых локальностей: СНТ и ДНТ, многоквартирные дома советского периода и ЖК. Далее, с сентября 2021 по январь 2023 г. автором проводилось регулярное наблюдение за происходящими в чатах активностями. Наблюдение имело ретроспективный характер: раз в месяц автор производил выгрузку переписок при помощи встроенного функционала версии приложения для персонального компьютера (Telegram²) и в приложениях на мобильных устройствах (Viber и Whatsapp³) для последующего анализа.

По нашим наблюдениям, именно чаты ЖК оказались наиболее яркими примерами проявления в текстах соседских обсуждений элементов социальных конструкций. Одно из объяснений этого может заключаться в том, что соответствующие имеющимся в распоряжении чатам ЖК, как правило, являются новыми или относительно новыми объектами, возраста (с момента сдачи) от 10 до 2 лет (на момент написания текста), соответственно, заезжающие в них собственники только начинают выстраивать связи и производить ту или иную форму сообщества. Садовые товарищества качественно отличаются, в первую очередь, дискретностью своей социальной активности в связи с сезонным способом использования домов и участков в качестве летних дач, что в принципе делает бессмысленным выстраивание долговременных социальных структур. Дома советской застройки чаще всего представляют собой сложившийся коллектив соседей,

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

² В нужном чате нажатием на три вертикальные точки в верхнем правом углу выбрать в выпадающем списке «Экспорт истории чата», выбрать данные для выгрузки и интересующий период переписки. Отличительной особенностью является тот факт, что выгружаются все типы мультимедиа. На выходе выгрузка компонуется в HTML-файл.

³ Для Viber: «Настройки» → «Вызовы и сообщения» → «Отправить историю сообщений» → выбрать место для сохранения. Сохраняется весь массив переписок из аккаунта Viber в файле-архиве формата ZIP. Внутри архива все переписки разделены в отдельные файлы формата CSV и названы в соответствии с названием чата.

Для Whatsapp: В нужном чате нажатием на три вертикальные точки в верхнем правом углу выбрать в выпадающем списке «Еще» → «Экспорт чата» → выбрать вариант экспорта с медиа или без → выбрать место сохранения. Сохраняется файл в формате TXT и отдельно медиафайлы.

живущих в данном доме в первом, втором или даже третьем поколении. Определенные структуры там сложились довольно давно, даже учитывая периодические изменения состава жильцов, ядро сообщества сформировалось еще до широкого распространения цифровых технологий. Вероятно, между собой люди в домах старой застройки общаются посредством личных встреч или мало общаются в принципе, соответственно, чат используется только для оповещения по общим бытовым вопросам, от случая к случаю, когда происходят какие-то проверки от коммунальных служб или аварии.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в чатах пяти ЖК г. Иркутска: «Квадрум», «Родной берег», «Новый», «Сантоки» и «Атмосфера». За месяц в каждом чате генерировалось в среднем 200–300 сообщений довольно широкого круга тем, будь то выяснение отношений, дружеская болтовня, решение вопросов обустройства нового жилого пространства или обсуждение новостей. Одним из самых частых сюжетов оказались различные упоминания элементов особого социального статуса сообщества, регулярно проявляющиеся в тесной связке с локальностью.

При этом сами жилые комплексы достаточно сильно различаются по многим параметрам. ЖК «Новый» («квадрат», ограниченный ул. Депутатской, Зверева, Красноказачьей и Лыткина) и ЖК «Атмосфера» (блок-секции по ул. Лермонтова, 341 и 343, остановка «Поселок Энергетиков») отлично подходят под понятие «человекиник», часто применяемое критиками современной монофункциональной застройки — большие по площади, включающие несколько дворов, площади которых используются в качестве парковки, окруженных высотными одинаковыми зданиями. ЖК «Сантоки» (проспект Маршала Жукова, 5) — монолитный, «многосекционный высотный дом с переменной этажностью» [ЖК «Сантоки», 2023], с практически отсутствующей придомовой территорией, хотя на сайтах продажи недвижимости до сих пор «кочует» информация, что «в благоустройство придомовой территории, согласно генеральному проекту, вошли все необходимые площадки, включая детский городок, спортивный манеж и зону для отдыха» [там же]. В непосредственной близости от «Сантоки» находится транспортная развязка, стихийный продуктовый рынок, отграничивающий пространство ЖК от каскада позднесоветских пятиэтажек, и известное в Иркутске малосемейное общежитие 1981 г. постройки, ветшающий памятник необрутализма, построенный по проекту известного ленинградского архитектора Владимира Павлова, — «Дом-корабль». ЖК «Родной берег» (ул. Сибирская, 24, 26, 29 и ул. Семёна Лагоды, 5) — довольно компактный комплекс типовых многоэтажек, выстроенных по периметру прямоугольного двора, изрядную долю которого занимает крыша подземной парковки, которая делает оставшееся внутреннее пространство очень тесным, но при этом плотно заставленным автомобилями. Несмотря на удачное расположение на берегу р. Ангары, окружение пока остается довольно гетерогенным: с двух сторон от комплекса находятся частично заброшенные участки частных домов, с двух других — территория военной комендатуры и еще одно позднесоветское малосемейное общежитие, именуемое иркутянами «Муравейник» (переулок Пограничный, 1). «Квадрум» — единственный ЖК, качественно выделяющийся из описываемых: расположен в непосредственной близости к центру города (пересечение

ул. Трилиссера и Лебедева-Кумача); имеет закрытый от автотранспорта двор с зоной отдыха и детской площадкой; два корпуса высотой 10 этажей (что для современной типовой застройки мало), один — 15 этажей. Однако и он соседствует с полярным в визуальном и, вероятно, социальном отношении жилым массивом — кварталами частной деревянной застройки, расположенными по ул. Лебедева-Кумача.

Наличие такого разнообразия в расположении, окружении, развитости инфраструктуры, морфологии и других признаках только упрочили наш исследовательский вопрос: почему в столь разноплановых локальностях протекают настолько схожие процессы складывания дискурса в части самоописания сообщества? Гипотетически, что делает возможным регулярное проговаривание определенных ожиданий собственников от той социальной среды, частью которой они являются. В пользу этого аргумента говорит и тот факт, что чаты являются закрытыми группами, то есть всё происходящее там ориентировано только на самих участников, а значит, в нем проявляются контуры внутренних конструкций, становящихся коллективным знанием через общий доступ жильцов к тексту переписок.

Собранный на январь 2023 г. массив представляет собой общую совокупность в 66 982 текстовые единицы. Для обработки столь большого объема текстов использовался софт MAXQDA 2020. Предобработка проводилась посредством методики тематического кодирования. Коды, в свою очередь, выделялись исходя из 16 месяцев наблюдения: финансовая состоятельность жильцов, то есть упоминание размера доходов, высказывания с соответствующими прилагательными: «состоятельный», «обеспеченный», «богатый», «при деньгах»; финансовые девианты — те, кто не вписывается в общую канву воображаемого среднего уровня дохода: должники по ЖКХ, студенты, квартиранты, пенсионеры; обслуживающий персонал (упоминания практик взаимодействия с уборщицами, лифтерами, консьержами, дворниками); упоминаемые личные предметы роскоши: бытовая техника, дорогие строительные материалы, автомобили; обустройство мест общественного пользования: желаемое и фактическое наполнение подъездов, шлагбаумы; «другие» — маргинализуемые в обсуждениях жители сопредельных локальностей. Выделенный из общей совокупности материал был проанализирован с позиции дискурс-анализа: социальный статус обитателей жилых комплексов представлялся нам «пустым знаком» [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 60], за наполнение которого «борется» дискурс, артикулируемый в цифровом соседском общении.

Финансовая состоятельность как признак принадлежности

Высокий уровень финансовой состоятельности жителей рассматриваемых нами жилых комплексов предполагается еще на этапе покупки недвижимости. Цены за квадратный метр в иркутских новостройках в среднем выше, чем за вторичное жилье в аналогичных районах [Цены на жилье..., 2020]. С другой стороны, стоимость жилья в исследуемых ЖК на сегодня еще выше, чем средняя стоимость квартир в новостройках. Судя по сайтам с недвижимостью, цена за квадратный метр в рассматриваемых ЖК варьируется от 150 до 190 тыс. рублей, в то время как средняя цена за квадратный метр в иркутских новостройках на момент написания статьи составляет около 133 тыс. рублей [Цены

на недвижимость..., 2023]. Вкупе с продвигаемым в рамках рекламных кампаний девелоперов благополучным «воображаемым соседством», а также упоминаемыми на сайтах застройщиков удобным расположением, развитой инфраструктурой самого комплекса и района [ЖК «Новый», 2023; ЖК «Атмосфера», 2023; ЖК «Квадрум», 2023], возможность покупки жилья в рассматриваемых нами ЖК становится маркером достатка, а стоимость жилья выступает механизмом социального конструирования [Бурдьё, 2005б, с. 131], предполагая высокий доход участников сообщества на этапе «подключения» к новой локальности. Платежеспособность участников сообщества, окаймляясь дискурсом соседских обсуждений, трансформируется из данности в ценность, определяющуюся в качестве фундамента социального благополучия сообщества (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены):

«В нашем доме, в первую очередь, в большинстве своем большие квартиры большой площади, и бедных людей нет, или почти нет... это очень хорошо, когда хорошие, обеспеченные, приличные люди населяют дом» (из чата ЖК «Сантоки»).

Несоответствие отдельных жильцов предполагаемому «нормальному» уровню достатка соседского сообщества обозначается как опасность для его целостности и устойчивости. Институционализация социальных форм, закладываемых на этапе заселения новых ЖК, разделяемое большинством самописание и самовоображение себя как материально обеспеченных членов гомогенной группы, по сути, становится механизмом первичного социального контроля [Бергер, Лукман, 1995, с. 93]. Соседский чат, являясь, среди прочего, площадкой для проговаривания атрибутов групповой идентичности, часто становится инструментом применения санкций со стороны «правильных» соседей в отношении тех, на кого процессы социализации (вторичной в данном случае) срабатывают «не вполне успешно». В случае обнаружения «девиантов» участники чатов довольно часто придают «несоответствующее» поведение огласке и публичному порицанию. Подобного рода суждения, например, проявляются в ситуациях, когда речь заходит о формальных долгах за услуги ЖКХ. Жильцы, попадающие в списки должников, становятся объектом критики, а одним из обоснований становится несоответствие уровня доходов типу собственности, а значит, и статусу члена соседского сообщества:

«Не можешь оплачивать, не держи такую дорогую собственность... другие платят, мы же воспитанные» (из чата ЖК «Новый»).

В случаях, когда финансовая состоятельность владельцев не вызывает сомнений, но тем не менее человек попадает в подобные списки, данный факт встречается с недоумением, связанным с подозрением отсутствия у данного соседа «чувства положения, занимаемого в социальном пространстве» [Бурдьё, 2005в, с. 22]:

«Как так можно? В списках должников обеспеченные люди, у меня на площадке соседка сдаёт в аренду две квартиры и состоит в списках должников постоянно» (из чата ЖК «Атмосфера»).

Другой тип ситуаций, при которых материальное состояние жильцов актуализируется как разделяемая всеми ценность, — это обсуждения различного рода неформальных расходов на «коллективные нужды». Довольно ярко это формулируется в вариантах

дополнительного вознаграждения персонала, обслуживающего подъезды: уборщиц, вахтеров и дворников. Вероятно, через посредничество сформированного в рамках локализованных социальных структур габитуса, соответствующего особому положению жильцов привилегированного «места обитания» в обществе, материальная поддержка придомовой услуги видится обязанностью, продиктованной этим положением [Бурдьё, 2005б, с. 309]. В тех случаях, когда работа устраивает жильцов, чат выступает организационной площадкой для сбора дополнительных средств, что артикулируется в нем как своего рода акты щедрости и лояльности к тем, кто занимает более низкую социальную и имущественную позицию:

«В нашем доме много обеспеченных соседей, а они мало зарабатывают. Раз нравится — надо держать! Для сведения сообщая, всего мы собрали средств 32 000 р., положил в конверт» (из чата ЖК «Сантоки»).

Дополнительные траты выступают механизмом, настроенным на поддержание желаемого уровня общего комфорта. «Комфорт» при этом также социально конструируется: чистота в подъезде оценивается не с точки зрения отсутствия грязи, а с точки зрения субъективно установленного «приемлемого» количества раз уборки в неделю. Желаемый жильцами объем работ часто не совпадает с графиком управляющих компаний, поэтому жильцы при помощи чата самостоятельно координируют различного рода практики сверхурочного найма, дискурсивно обосновывая свои действия. Помимо внеочередных премий сотрудникам, также практикуются неформальные договоренности об услугах, обозначаемых как необходимость, например, частота уборки меньше трех раз в неделю проговаривается как несоответствующая уровню дома:

«Вот у всех моют пол на этажах 2 раза в неделю, у нас — три, у меня на этаже ещё чаще. И балконы раз в неделю моют и пепельницы чистят, как в отелях. А почему? — Сам из собственных средств уборщице доплачиваю уже год ... Зачем я это делаю? Да затем что считаю, что в „трюсбах“ и „грязи“ жить в 21 веке просто недопустимо» (из чата ЖК «Сантоки»).

Естественно, подобного рода практики не всегда встречают всеобщее одобрение. На почве несогласия с такими тратами возникают конфликты, но, что характерно, именно противники «сборов» обобщаются в нежелательные для соприсутствия вообразимые группы, маркируются различными уничижительными номинациями или определяются как представители неплатежеспособных слоев общества — пенсионеров или студентов:

«Наш дом не для пенсионеров. Я очень рад, что в нашей б. с. „нищих“ и пенсионеров почти нет» (из чата ЖК «Квадрум»).

В целом, можно сказать, что высокий уровень доходов жильцов в рассматриваемых нами ЖК репрезентуется в чатах как само собой разумеющееся качество его участников. Знание повседневной жизни в рамках локализованной социальной структуры и соответствующей социальной реальности обеспечивается за счет согласованности и релевантности между членами сообщества [Бергер, Лукман, 1995, с. 77]. «Самоочевидный» факт общего уровня достатка постоянно подчеркивается, выступая признаком принадлежности, ресурсом для обеспечения коллективной идентичности, неотъемлемой

частью социального статуса членов группы. Любое расхождение с данным тезисом воспринимается негативно и вызывает стремление дискурсивно отграничить сообщество от «не подходящих» под критерии участников.

Материальные маркеры «мест обитания»

Важнейшим условием для формирования статусного консенсуса, прилагаемого к непосредственному занятию единого физического пространства, является наличие материальных маркеров. Разнообразные атрибуты высокого достатка часто являются предметом обсуждения и проговаривания в соседских чатах, создающим ощущение соприсутствия символически маркированных предметов и агентов [Бурдьё, 2005в, с. 63]. В качестве данных маркеров могут выступать предметы личного пользования. Упоминание дорогой собственности часто может происходить между делом, без какой-либо практической значимости. Вероятно, фактором, порождающим подобные высказывания, является ощущение собственного места в социальном пространстве, проявляющееся в тексте и дискурсивно поддерживающее пространство стилей жизни отдельно взятой локальности [Бурдьё, 2005а]:

«- ...есть предположение что на кожаных пуховых итальянских диванах землетрясения совершенно не ощущается»))

- Также не чувствуется в гидромассажной ванне с бокалом холодного пива» (из чата ЖК «Сантоки»).

«Лексус крутой да, тащусь от него. Поставила точно так же как освободилась дырочка передо мной...» (из чата ЖК «Новый»).

В качестве атрибутов социального благополучия выступают и объекты в местах общего пользования. Жильцы нередко артикулируют необходимость создания и поддержания дорогого, эстетичного пространственного кода подъездов и придомовых территорий. Значимость данного фактора представляется как обязательное условие групповой и индивидуальной внешней репрезентации как для самих себя, так и для потенциальных посетителей локальности. Обустройство пространства общего пользования в желаемый вид становится созданием знака, то есть материальным выражением объективаций социальной реальности, «явной интенцией быть показателем субъективных значений» [Бергер, Лукман, 1995, с. 62]. Чат же позволяет перенести данный знак в текст, сигнифицируя означаемое в дискурсе, делая его общим для понимания:

«А вот информационный стенд на первом этаже нужно обновлять, вчера смотрел на него, на фоне новых дверей и свежего ремонта он как-то „по бичёвски“ выглядит... кто-то в гости придёт — не поймёт. Поменяем на новый современный...» (из чата ЖК «Атмосфера»).

Важно отметить, что эстетическая часть общего пространства поддерживается не только за счет визуальной составляющей, но иногда включает и другие средства:

«Товарищи соседи, с радостью сообщая — в лифтах и в лифтовом холле первого этажа нашего #самоголучшегодома вновь работает фоновая музыка» (из чата ЖК «Сантоки»).

Стремление жителей обустроить «место обитания» в соответствии с габитусом может предлагаться в качестве символического ресурса, работающего не только на внутренние

социальные конструкции, но и легитимизируя статус заселенного пространства для находящихся вне его. В чатах встречаются предложения «усилить» интерьер подъездов для их превращения в своего рода площадки для фотосессий с перспективой продвижения контента, сопровождаемого геометками и хештегами, в социальных сетях:

«- Сегодня девочки-соседки, проводившие фотосессию на нашем этаже, „подкинули“ одну классную идею — можно докупить мебель на этаж и предоставлять этаж для съёмки и фото „инстаграмщикам“...

- Очень круто что люди фотографируются для красивых фотографий на этаже, немножко горжусь этим, что удалось выйти в интерьере на такой уровень :)»

- Хэштег обязательно не забывайте ставить #luxuryHyattonthe10thfloorofSantoki :)» (из чата ЖК «Сантоки»).

В качестве важных компонентов маркирования «места обитания» в соседских чатах представлены разнообразные способы ограничения доступа к пространству и контроля над ним. Системы видеонаблюдения, шлагбаумы, домофоны, консьержи, по сути, выступают «инструментами», физически обеспечивающими границы пространства, но в первую очередь конституирующими присвоение и принадлежность его определенной социальной группе, то есть становятся «фиксаторами» пространственно выраженного социального факта [Simmel, 1908, с. 467]. Важность наличия подобных систем контроля упоминается именно в связке с оценкой статуса локальности:

«... человек может по-разному отреагировать на то, что ему подпортили дорогостоящую машину. И жаль, что в нашем хорошем (!) ЖК недостаточно камер, чтобы найти обидчика» (из чата ЖК «Квадрум»).

Обоснованием для повышенного уровня контроля также выступает «неблагоприятное» окружение. Жилые комплексы в представлении их обитателей выступают местами исключительности, потенциально представляющими интерес для остального населения. Сохраняющаяся дисперсность современного российского городского ландшафта, выраженная в нахождении рядом с новостройками домов советского периода, вызывает тревогу, часто проговариваемую в чатах. В целях принятия дополнительных мер безопасности жильцы готовы нести финансовые издержки, порой весьма существенные:

«Сейчас в целом у нас одна из самых „защищённых“ блок-секций города, но всё равно есть куда развиваться. Сегодня на велосипеде по октябрьскому району ездил смотрел — на улице нищих и малоприятных подозрительных личностей очень много, народ нищает ...на крайности видимо уже готовы идти...» (из чата ЖК «Сантоки»).

«Есть дорогостоящее решение закрыть доступ на этажи. Поставить электронный замок на дверь, идущую на лестницу (или балкон) на этаже. А кнопку в лифте сделать через ключ магнитный (или карточку как на видео ниже). <...> Решение дорогостоящее, но эффективное» (из чата ЖК «Родной берег»).

Наполненность жилого пространства соответствующими габитусу его жильцов материальными маркерами нередко выступает мотивом соседских обсуждений. Репертуар дискурсивных практик достаточно широк и фундируется соответствующим социальным статусом, часто воображаемым, но воображаемым коллективно. Упоминание тех

или иных материальных объектов объясняется по-разному и может принимать форму банального хвастовства, эстетических потребностей коллектива или вопросов безопасности, но вместе складывается в знаковую систему, делающую возможным опосредованное присутствие каждого отдельного члена соседского коллектива в общем символическом универсуме.

«Другие» как фактор различия

Одним из способов осуществления власти над физическим пространством является способность «установить дистанцию от вещей и людей, стесняющих или дискредитирующих» [Бурдьё, 2005в, с. 58]. В случае с соседскими чатами, данная дистанция устанавливается дискурсивно, выражаясь в «клеймении» [там же, с. 62] «других» — обычно жителей сопредельных локальностей, подозреваемых в качестве виновников многих бытовых и эстетических проблем новостроек, обвиняемых в асоциальном поведении и определяемых нежелательными и даже опасными для социального взаимодействия. Довольно часто «клеймятся» и сами локальности, презентуемые в нарративах как «рассадники» социально неприемлемого образа жизни, не соответствующего уровню культуры новых жителей района. Яркие и эмоционально окрашенные суждения подобного рода являются механизмом установления различия, способом внутригрупповой легитимации своего места в социальной иерархии, где «социальная идентичность определяется и утверждается в различии» [Бурдьё, 2005а].

Социальное отграничение локальностей и их обитателей в дискурсе соседских чатов хорошо проявляется на примерах ЖК («Родной берег» и «Сантоки»), соседствующих с известными в Иркутске малосемейными общежитиями начала 80-х гг. — «Муравейником» и «Домом-кораблем» [Тернер, Макотина, 2018]. Возведенные как идеализированные «дома-коммуны» для рабочих, данные строения находятся в привлекательных для девелоперов районах города, но в силу плотной заселенности очень проблематичны с точки зрения сноса и замены их на современную застройку. При этом сегодня, утратив свою функциональную значимость и постепенно разрушаясь физически, общежития визуально предстают своеобразными атавизмами ушедшей советской эпохи. Вынужденное соседство с данными городскими объектами порождает в соседских чатах множество суждений, стигматизирующих населяющий их контингент, часто обвиняемый в потенциальном или фактическом нарушении спокойствия жителей новостроек. Одним из распространенных дискурсивных приемов, усиливающих неблагополучие жильцов малосемеек, является приписывание им алкоголизма и наркомании:

«Ночью сборища обдолбаной молодёжи, бомжей... Их, кстати, хватает во дворе из-за соседства муравейника» (из чата ЖК «Родной берег»).

«Все знают в каком районе находится наш дом, рядом муравейник, да и не только. В подъезде будут постоянные пьяные сборища, от благоустройства дома вообще ничего не останется» (из чата ЖК «Родной берег»).

«Пара наркоманов из дома корабля сидит на детской площадке, тут же на качелях качаются дети. Такого жуткого зрелища давно не видела» (из чата ЖК «Сантоки»).

Моральная паника, вызываемая близостью данных локальностей, нередко выходит за пределы соседских обсуждений и может влиять на принятие жизненных решений отдельных жильцов, как, например, выбор школы для ребенка. Соседи периодически выносят подобные вопросы на всеобщее обсуждение, пытаются найти одобрение среди близкой по социальному статусу аудитории.

«— Соседи, добрый день! Поделитесь опытом у кого дети школьники. В какую школу детей отдавать? Наша 27 по прописке, я так понимаю, совсем печальная

— Здравствуйте, а почему печальная?

— Потому что туда дети из близлежащих общежитий ходят из неблагополучных семей. Я с директором разговаривала, говорит много брошенных детей» (из чата ЖК «Родной берег»).

Упомянутая в данном фрагменте СОШ № 27, вероятно, является среднестатистической российской школой. Среди отзывов, представленных, например, в справочнике информационной системы 2ГИС, мнения делятся примерно поровну [Средняя общеобразовательная..., 2023], но негативные оценки больше связаны с личностями отдельных сотрудников. Материальное обеспечение, контингент учащихся, общий уровень подготовки педагогического состава либо вовсе не упоминаются, либо оцениваются положительно.

В отсутствие по соседству устоявшихся вернакуляров, номинация «других» и мест их проживания выстраивается в соответствии с типом представленного жилья: «пятиэтажки», «хрущёвки», «деревяшки», «бараки» или просто нейтральным словом «район». Применяя, например, слово «район», жители жилых комплексов, живущие в том же административном районе, физически располагаясь на расстоянии нескольких десятков метров, тем не менее дискурсивно отделяют свое пространство. Также несмотря на то, что в таких случаях соседствующий жилой массив по сути остается для участников чата безликим, не содержащим каких-то устоявшихся стигм, в обсуждениях выходцы из него так же представляются носителями определенного типа поведения, от которого нужно огораживаться, в том числе физически:

«Так это переростки через дорогу с района. Матом общаются на корте, курят. На скамейках иногда и попивают. Поэтому им пофиг, что тут сломается или разобьётся» (из чата ЖК «Атмосфера»).

«Это с деревяшек собаки, вместе с детьми к нам приходят, вчера целый аул вечером у нас был с этих домов. Я за забор... дети с частного сектора будут вести себя по-другому. И камеры нужны» (из чата ЖК «Квадрум»).

Упоминания «других» как фактора проблем внутри ЖК всплывают даже тогда, когда «неприемлемые» события происходят внутри квартир или явно являются результатом действий «своих». Отрицая реальность того, что «социально родственными» соседями осознанно могут производиться «несоответствующие» общему статусу типы поведения, участники чатов транслируют объяснения этому через влияние «других». В ходе обсуждения плохого поведения одного из детей жителей ЖК «Сантоки» прозвучала такая фраза:

«Мальчик сам хороший, но попал под влияние детей из пятиэтажек» (из чата ЖК «Сантоки»).

«Пятиэтажками» в данном случае обозначаются «хрущёвки», которые расположены по соседству и составляют абсолютную массу всего жилого массива в данном районе. Вероятно, состав жителей этих домов разнотипный, однако в дискурсе «Сантоки» «пятиэтажки» и упомянутый уже «Дом-корабль» артикулируются как наиболее вероятные источники проблем.

Довольно часто ЖК строятся на зачищенных от деревянных построек локальностях, как бы «вклиниваясь» в оставшееся ветхое окружение. Жизнь на земле, где недавно стояли «баракы», порождает любопытные мифологемы об оставшейся от бывших обитателей негативной ауре, которой может объясняться частый шум от «гулянок» или отсутствие культуры выноса мусора:

«Это осталась аура от двухэтажек: „Снова пьют здесь, дерутся и плачут“» (из чата ЖК «Новый»).

«Во что превращается наш дом??? Сборище алкашей и поросят. К мусорке не подойти, все в мусоре. „Приведения с бывших домов“?» (из чата ЖК «Квадрум»).

Смещение фокуса на «неблагополучие» находящихся рядом локальностей наблюдается во всех исследуемых нами чатах. Распространенность данной практики как формы различения позволяет судить о ее функциональной значимости. Живущие по соседству от жилых комплексов «другие», знание о которых складывается в устойчивую и однозначно помеченную негативной коннотацией смысловую конструкцию, описываются соответствующим образом и становятся частью субъективной реальности сообщества. «Клеймение» выступает своеобразным способом дискурсивно наполнить «пустой знак» социального статуса, проводя границу между приемлемым и неприемлемым и четко располагая «своих» и «других» по разные стороны локализованного воображаемого сообщества.

Заключение

Дискурс статусности выступает одним из самых заметных лейтмотивов в соседских чатах. «Плотность» его может варьироваться от локальности к локальности, в рамках рекламных мероприятий каждый новый объект описывается как «островок безмятежности», «самодостаточный», «удобный» и заселенный только «благополучными» соседями. На практике главные отличительные качества рассмотренных ЖК — это новизна, универсальность и выгодное расположение в городском ландшафте. Используя расположение в качестве «козыря», создавая точки притяжения покупателей, застройщики лишь закладывают формирование будущих соседских сообществ в форме «пустого знака», предварительно насыщая его в рамках рекламных кампаний определенными коннотациями благополучия и устанавливая цену.

Расположение выступает важным ресурсом в наполнении «пустого знака» не только за счет близости к центру города или наиболее развитым его частям, но и за счет сохраняющегося от предыдущих эпох окружения. Характер окружающего городского ландшафта, отличающегося от новостроек по времени постройки, внешнему виду, социальному облику или устоявшемуся нарративу, становится фактором различения.

Наличие «других» не только позволяет переложить на них ответственность за часть бытовых проблем в формирующихся пространствах, но и становится тем контрастным фоном, что формирует у социальной группы понимание ее границ и соответствующих атрибутов «приемлемости».

На наш взгляд, именно расположение, цена и предзаданное благополучие становятся главными источниками социального консенсуса. Пройдя селекцию через стоимость жилья, соседи чувствуют себя в окружении «своих», где финансовая состоятельность и наличие разнообразных материальных признаков достатка в общем или индивидуальном пространстве становятся атрибутами «нормальности». Жильцы дискурсивно стараются поддерживать данный каркас, периодически проговаривая ценность общего уровня благосостояния и стараясь вытеснить тех, кто так или иначе не попадает под критерии. Процессы социального конструирования происходят самостоятельно в соответствии с предзаданными параметрами, и чаты в мессенджерах играют в них важную роль — становятся тем механизмом, что позволяет самим жильцам заполнять «пустой знак», наполняя соседские обсуждения различного рода социально значимыми объективациями, укрепляющими внутренние конструкции для самих себя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум. 323 с.
- Бурдьё П. 1998. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 1. № 2. С. 44–59. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17084983_73650338.pdf (дата обращения: 07.10.2023).
- Бурдьё П. 2005а. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. Том 6. № 3. С. 25–48. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204931/ecsoc_t6_n3.pdf (дата обращения: 15.10.2023).
- Бурдьё П. 2005б. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. 576 с.
- Бурдьё П. 2005в. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя. 288 с.
- Гидденс Э., Саттон Ф. 2018. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.
- ЖК «Атмосфера» // Новый город: оф. сайт. <https://new-gorod.ru/objects/zhk-atmosfera/> (дата обращения: 21.10.2023).
- ЖК «Квадрум» // СТРОЙГРАД-Иркутск: оф. сайт. <https://sr-irk.ru/constructions/zhk-kvadrum/> (дата обращения: 20.10.2023).
- ЖК «Новый» // Новый город: оф. сайт. <https://new-gorod.ru/objects/zhk-novyj/> (дата обращения: 22.10.2023).
- ЖК «Сантоки» // Найди квартиру.Ру: оф. сайт. <https://naydikvartiru.ru/irkutsk/zhk-santoki/> (дата обращения: 22.10.2023).
- Йоргенсен М., Филипс Л. 2008. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр. 352 с.
- Кэмерон Д. 2015. Разговорный дискурс. Интерпретации и практики. Харьков: Гуманитарный центр. 316 с.

- Обирин А. И. 2011. Неравенство в пространстве города. Элитное и социальное жилье, пространственная сегрегация г. Хабаровска // Вестник ТОГУ. Социология и философия. № 1 (20). С. 223–230. <https://pnu.edu.ru/media/vestnik/articles/523.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).
- Петрина О. А., Стадолин М. Е. 2020. О пространственной сегрегации в развитии городских агломераций // Муниципальная академия. № 1. С. 161–166. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42574511_80758492.pdf (дата обращения: 12.10.2023).
- Самойлова Н. А. 2005. «Богатство» и «Бедность»: контрасты полярных пространств города (на примере Самары и Нижнекамска) // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 8. № 4. С. 58–68. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17667469_30548226.pdf (дата обращения: 14.10.2023).
- Средняя общеобразовательная школа № 27: отзывы // 2GIS. <https://2gis.ru/irkutsk/firm/1548640652889948/tab/reviews> (дата обращения: 02.11.2023).
- Тернер К., Макотина С. А. 2018. Архитектура малосемейных общежитий 80–90-х годов в городе Иркутске // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. Том 8. № 4. С. 234–245. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2018-4-234-245>
- Трущенко О. Е. 1994. Престижный адрес: социально-пространственная сегрегация Москвы // Социологический журнал. № 4. С. 120–126. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23733841_13810555.pdf (дата обращения: 18.10.2023).
- Цены на жилье в Иркутской области. 2020 // Иркутскстат. https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%8B%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5_4%20%D0%BA%D0%B2-1.pdf (дата обращения: 25.10.2023).
- Цены на недвижимость в Иркутске // Росриэлт: оф. сайт. <https://rosrealt.ru/irkutsk/cena> (дата обращения: 19.10.2023).
- Шюц А. 2004. Избранное: мир, светящийся. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1056 с.
- Almatarneh R. T., Mansour Y. M. 2013. The role of advertisements in the marketing of gated communities as a new Western suburban lifestyle: a case study of the Greater Cairo Region, Egypt // Journal of Housing and the Built Environment. Vol. 28. Pp. 505–528. <https://doi.org/10.1007/s10901-012-9326-1>
- Cheshire L., Walters P., Rosenblatt T. 2010. The politics of housing consumption: renters as flawed consumers on a master planned estate // Urban Studies. Vol. 47 (12). Pp. 2597–2614. <https://doi.org/10.1177/0042098009359028>
- Gromasheva O. 2021. Hybrid neighborliness in action: the case of Kudrovo, Russia // Laboratorium: Russian Review of Social Research. Vol. 13. No. 2. Pp. 13–38. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-13-38>
- Kyle G., Chick G. 2007. The social construction of a Sense of Place // Leisure Sciences. Vol. 29 (3). Pp. 209–225. <https://doi.org/10.1080/01490400701257922>
- Low S. M. 2001. The edge and the center: gated communities and the discourse of urban fear // American Anthropologist. Vol. 103. No. 1. Pp. 45–58. <https://doi.org/10.1525/aa.2001.103.1.45>
- Simmel G. 1908. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Berlin: Duncker & Humblot. 782 pp. <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/54620> (дата обращения: 11.10.2023).

References

- Berger, P., & Luckman, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Medium. [In Russian]
- Bourdieu P. (1998). Structures, Habitus, Pratiques. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1(2), 44-59. Retrieved Oct. 7, 2023, from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17084983_73650338.pdf [In Russian]
- Bourdieu, P. (2005a). Distinction: a Social Critique of Judgment. *Journal of Economic Sociology*, 6(3), 25-48. Retrieved 15 October, 2023 from https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204931/ecsoc_t6_n3.pdf [In Russian]
- Bourdieu, P. (2005b). *Social Space: Fields and Practices*. Aletheia. [In Russian]
- Bourdieu, P. (2005c). *Sociology of Social Space*. Aletheia. [In Russian]
- Giddens, A., & Sutton, P. (2018). *Essential Concepts in Sociology*. HSE Publishing House. [In Russian]
- LCD "Atmosfera." (n.d.). Retrieved Oct. 21, 2023 from <https://new-gorod.ru/objects/zhk-atmosfera/> [In Russian]
- LCD "Kvadrum." (n.d.). Retrieved Oct. 20, 2023 from <https://sr-irk.ru/constructions/zhk-kvadrum/> [In Russian]
- LCD "Novy." (n.d.). Retrieved Oct. 22, 2023 from <https://new-gorod.ru/objects/zhk-novyj/> [In Russian]
- LCD "Santoki." (n.d.). Retrieved 22 October, 2023 from : <https://naydikvartiru.ru/irkutsk/zhk-santoki> [In Russian]
- Jorgensen, M., & Phillips, L. (2008). *Discourse Analysis as Theory and Method*. Gumanitarnyj Centr. [In Russian]
- Cameron, D. (2015). *Working with Spoken Discourse*. Gumanitarnyj Centr. [In Russian]
- Obirin, A. I. (2011). Inequality in the City Space. Elite and Social Housing, Spatial Segregation of Khabarovsk City. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociology and Philosophy*, 1(20), 223–230. Retrieved Oct. 5, 2023 from <https://pnu.edu.ru/media/vestnik/articles/523.pdf> [In Russian]
- Petrina, O. A., & Stadolin, M. E. (2020). On Spatial Segregation in the Development of Urban Agglomerations. *Municipal Academy*, (1), 161–166. Retrieved Oct. 12, 2023 from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42574511_80758492.pdf [In Russian]
- Samojlova, M. A., & Strizhakova, O. N. (2005). The "Wealth" and "Penury": The Contrasts of Polar Urban Spaces. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 8(4), 58–68. Retrieved Oct. 14, 2023 from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17667469_30548226.pdf [In Russian]
- 2GIS. (n.d.). *Secondary school No. 27*. Retrieved Nov. 2, 2023 from <https://2gis.ru/irkutsk/firm/1548640652889948/tab/reviews> [In Russian]
- Terner, K., & Makotina, S. A. (2018). Architecture of Small Family Resident Housing Built During 1980s-90s in the City of Irkutsk. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real Estate*, 8(4), 234–245. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2018-4-234-245> [In Russian]
- Trushchenko, O. E. (1994). Prestigious Address: Moscow's Socio-Spatial Segregation. *Sociological Journal*, (4), 120–126. Retrieved Oct. 18, 2023 from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23733841_13810555.pdf [In Russian]

- Irkutskstat. (n.d.). *Housing Prices in the Irkutsk Region*. Retrieved Oct. 25, 2023 from https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%8B%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5_4%20%D0%BA%D0%B2-1.pdf [In Russian]
- Real Estate Prices in Irkutsk*. (n.d.). Retrieved Oct. 19, 2023 from <https://rosreal.ru/irkutsk/cena> [In Russian]
- Schütz, A. (2004). *Selected Writings: A World Luminous with Meaning*. Russian Political Encyclopedia. [In Russian]
- Almatarneh, R. T., & Mansour, Y. M. (2013). The Role of Advertisements in the Marketing of Gated Communities as a New Western Suburban Lifestyle: A Case Study of the Greater Cairo Region, Egypt. *Journal of Housing and the Built Environment*, 28, 505–528. <https://doi.org/10.1007/s10901-012-9326-1>
- Cheshire, L., Walters, P., & Rosenblatt, T. (2010). The Politics of Housing Consumption: Renters as Flawed Consumers on a Master Planned Estate. *Urban Studies*, 47(12), 2597–2614. <https://doi.org/10.1177/0042098009359028>
- Gromasheva, O. (2021). Hybrid Neighborliness in Action: The Case of Kudrovo, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 13(2), 13–38. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-13-38>
- Kyle, G., & Chick, G. (2007). The Social Construction of a Sense of Place. *Leisure Sciences*, 29(3), 209–225. <https://doi.org/10.1080/01490400701257922>
- Low, S. M. (2001). The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear. *American Anthropologist*, 103(1), 45–58. <https://doi.org/10.1525/aa.2001.103.1.45>
- Simmel, G. (1908). *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Duncker & Humblot. Retrieved Oct. 11, 2023 from <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/54620>

Информация об авторе

Кирилл Андреевич Иванов, старший преподаватель, кафедра китайведения; сотрудник, Научно-исследовательский центр трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
ivanov-ka@word.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>

Information about the author

Kirill A. Ivanov, Senior Lecturer, Chinese Studies Department; Researcher, Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia-Pacific Region, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
ivanov-ka@word.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>

Воспроизводство педагогических кадров в системе общего образования: тенденции и противоречия

Владимир Сергеевич Волегов[✉], Кристина Отариевна Сомхишвили

Пермский государственные национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия
Контакт для переписки: wsvolegov@mail.ru[✉]

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции воспроизводства педагогических кадров в системе общего образования России. На основании анализа теоретико-методологических подходов и ряда эмпирических работ авторами делается вывод о значимости стабильного восполнения профессиональной структуры, в т. ч. на уровне общего образования, а также наличии ряда факторов, влияющих на его успешность. К подобным факторам относят территориальные условия, в т. ч. социально-экономические и демографические, динамику уровня образования населения и специфику работы системы образования (например, наличие предпрофильного образования как механизма рекрутинга потенциальных работников), а также влияние иных групп факторов. В работе анализируются статистические данные Министерства просвещения Российской Федерации о численности, структуре и динамике движения кадров в организациях, реализующих программы общего образования. Авторы показывают ряд негативных тенденций, связанных с ростом численности учителей, уволившихся со своего рабочего места, увеличением количества ставок, приходящегося на одного штатного работника образования, а также роста числа ставок, вакантных на начало учебного года. Описанные тенденции имеют специфику проявления в городских и сельских общеобразовательных организациях, а также с разной степенью интенсивности проявляются в различных предметных областях, усиливая проблемы с подготовкой, в первую очередь, по естественнонаучным предметам.

Ключевые слова: социально-профессиональная структура, общее образование, воспроизводство кадров, педагоги, старение кадров, кадровый дефицит, территориальная специфика

Цитирование: Волегов В. С., Сомхишвили К. О. 2024. Воспроизводство педагогических кадров в системе общего образования: тенденции и противоречия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 1 (37). С. 24–38. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-24-38>

Поступила 20.02.2024; одобрена 05.03.2024; принята 10.04.2024

Teacher training in secondary education: trends and contradictions

Vladimir S. Volegov[✉], Kristina O. Somkhishvili

Perm State University, Perm, Russia

Corresponding author: wsvolegov@mail.ru[✉]

Abstract. This article examines the main trends teacher training in the Russian secondary education. Based on the analysis of theoretical and methodological approaches and several empirical works, the authors draw a conclusion about the importance of stable replenishment of the professional structure, including at the level of general education, as well as the presence of a number of factors influencing its success. Such factors include territorial conditions, (as well as socio-economic and demographic ones), changes in the population's education level and the education system's specifics (e. g., the presence of pre-vocational education as a mechanism for recruiting potential employees), among other groups of factors. This article analyzes the statistical data from the RF Ministry of Education on the number, structure, and dynamics of personnel movement in organizations implementing general education programs. The authors show several negative trends associated with an increase in the number of teachers who have left their jobs and an increase in the number of rates per full-time education worker, as well as an increase in the number of positions vacant at the beginning of the school year. The described trends have specific manifestations in urban and rural educational organizations, and manifest themselves with varying degrees of intensity in various subject areas, increasing problems with training, primarily in natural science subjects.

Keywords: socio-professional structure, general education, personnel reproduction, teachers, aging of personnel, personnel shortage, territorial specificity

Citation: Volegov, V. S., & Somkhishvili, K. O. (2024). Teacher training in secondary education: trends and contradictions. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(1), 24–38. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-24-38>

Received Feb. 20, 2024; Reviewed Mar. 5, 2024; Accepted Apr. 10, 2024

Введение

В целях повышения престижа педагогических работников Указом Президента России 2023 год был объявлен «Годом педагога и наставника» [Указ, 2022]. Указанная инициатива является логичным продолжением и развитием существующих мер, направленных на воспроизводство кадров в системе образования, прежде всего на дошкольном и общем его уровнях. Реализуемые меры государственной поддержки выглядят довольно разнообразными и включают в себя механизмы совершенствования профессиональной подготовки и профессионального развития учителей, их привлечения и закрепления в образовательных организациях, методического сопровождения молодых педагогов, финансовой поддержки и иные меры, в т. ч. прямого материального обеспечения [Александрова, 2021; Бородулин, 2021].

Постоянное развитие государственных и правовых механизмов привлечения педагогических работников, тем не менее, не является единственной тенденцией. Исследователи [Отчет, 2019; Заир-Бек и др., 2020] фиксируют комплекс негативных изменений, связанных со структурой учительских кадров на уровне Российской Федерации: в отчете по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey) описывается сокращение доли педагогических работников в возрасте до 30 лет, наблюдается и постепенное повышение среднего возраста педагогических кадров.

Представленные результаты характеризуют ситуацию на общенациональном уровне, что ограничивает понимание тенденций в образовании. Без должного внимания остаются специфика воспроизводства учительских кадров, имеющих различную предметную область. Так же требуют рассмотрения тенденции, фиксируемые на уровне различных территорий и территориальных групп.

Обзор литературы

Формирование и поддержание профессиональной структуры традиционно рассматривается социологией как один из важнейших социальных процессов, обеспечивающих стабильность и общественное развитие. В классической работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда» усложнение специализированных форм труда и формирующихся на их основах структур рассматривается как ключевой фактор консолидации общества. Более того, феномен профессиональных групп рассматривается в данной работе не просто как номинальное объединение специалистов, выполняющих схожую деятельность, или способ нормирования труда, а в качестве «моральной силы, способной сдерживать натиск разных форм индивидуального эгоизма» [Дюркгейм, 1996а, с. 12, 15]. Для Дюркгейма важно рассматривать специализацию, как ответ на усложнение реальности. Однако его работа не позволяет выйти непосредственно на уровень устройства отдельных профессий.

Непосредственно рассмотрение профессиональной деятельности дает концепция М. Вебера, который под профессией понимает «длительную профессиональную деятельность, которая (обычно) служит источником дохода человека и тем самым является

прочной экономической основой его существования» [Вебер, 1990, с. 123]. Помимо собственно технологических причин возникновения профессиональной деятельности Вебером указывается и значимость культурных факторов, которые обосновываются с позиций религиозной этики и «обретения уверенности в спасении посредством деятельности в рамках своей профессии» [Вебер, 1990, с. 125].

Рассмотрение профессиональной структуры и ее роли в рамках теорий структурного функционализма также обращает внимание на сложившийся общественный («альтруистический») характер профессиональной деятельности. Указывая на уникальное значение профессий для современного общества, Т. Парсонс констатировал принципиальную зависимость последнего от стабильного функционирования и воспроизводства профессиональных групп [Парсонс, 2015, с. 154]. Парсонс рассматривает профессии как «институциональную рамку, в которой выполняются многие наши важнейшие социальные функции, особенно занятия наукой и ее практическое применение в медицине, технологии, праве и преподавании» [Парсонс, 2015, с. 170].

Таким образом, в рамках классических теоретико-методологических подходов к описанию сущности и роли социально-профессиональной структуры общества можно отметить принципиальный консенсус. Прежде всего, профессии рассматриваются как один из существенных элементов социальной структуры, обеспечивающий стабильность общества и его поступательное развитие. Социально-профессиональная структура отражает особенности развития общества и те социально значимые задачи, которые должны выполняться в соответствующий момент времени. В качестве одного из механизмов, поддерживающих это выполнение функций, рассматривается социальное неравенство [Davis, Moore, 1945].

Образование занимает особенное место, в т. ч. и в ранних работах по социологии профессий. Эта специфическая роль обусловлена двойственной природой образования: с одной стороны оно выступает в качестве института, обеспечивающего восполнение всех остальных профессий и социальных институтов (более подробно о функциях образования см. [Дюркгейм, 1996б]); с другой — преподавание представляет собой одну из классических профессий, воспроизводство которой имеет для общества принципиальное значение.

Среди актуальных эмпирических исследований можно выделить достаточно большую группу работ, посвященных проблеме воспроизводства различных профессиональных групп. Чаще всего они сосредоточены на вопросе профессиональной адаптации работников и рассматривают профессиональные группы, испытывающие стабильный дефицит кадров, сотрудников здравоохранения и образования. Среди основных аспектов, которые рассматриваются авторами, следует выделить: анализ территориальной специфики; организационно-педагогические механизмы воспроизводства кадров; влияния социально-экономических и иных внешних факторов.

Применительно к кадровым проблемам образования, в первую группу следует выделить работы, рассматривающие неравномерность воспроизводства кадров. Так, С. Д. Капелюк с соавторами указывают, что число учительских вакансий на платформе «Работа в России» неоднородно по субъектам федерации и не совпадает

с численностью образовательных организаций, а «в регионах с более высокой заработной платой практически отсутствует дефицит школьных учителей» [Капелюк и др., 2022, с. 41].

В работах отечественных исследователей [Буркова и др., 2021; Осипова, Горохов, 2021; Ценюга и др., 2023] территориальные особенности анализируются на уровне отдельных регионов и макрорегионов. Констатируя неоднородность картины, авторы, тем не менее, касаются одинаковых характеристик: высокий удельный вес педагогов, возраст старше 55 лет, недостаточная численность молодых педагогов, а также слабая эффективность федеральных и региональных мер привлечения учителей. Еще одна важная характеристика, фиксируемая в данных работах, касается внутренних различий: административные центры субъектов федерации испытывают существенно меньшие проблемы, чем удаленные муниципальные образования [Ценюга и др., 2023].

Второе важное направление исследований констатирует важность предварительной системной работы для привлечения и удержания педагогических кадров. Данные работы рассматривают профессиональную адаптацию как длительный процесс, включающий в себя в т. ч. период школьного образования и формирования ориентации на педагогику как будущую профессиональную деятельность [Блинов, 2009; Pišova, 2013; Ревякина, Костюкова, 2022].

Третья группа исследований обращает внимание на вопросы внешних социально-экономических и иных объективных факторов. Несмотря на их кажущуюся разнородность, логично выделить уровень образования [Аптекина, Митина, 2016, с. 2; Mutluer, Yüksel, 2019], этническую и расовую неоднородность [McKenna, 2018], рождаемость и меры по ее поддержке [Vera, 2013, с. 2], уровень социально-экономического благополучия территории, в которой находится школа [Sutcher и др., 2016].

Приведенный анализ позволяет сделать несколько промежуточных выводов. Во-первых, проблемы с воспроизводством педагогических кадров характерны не только для российской системы образования, но и для многих стран, достигших высокого уровня социально-экономического развития. Во-вторых, процесс привлечения и удержания педагогов является длительным и во многом связан еще с этапом профильного обучения в старших классах. В-третьих, для значительного числа современных работ, посвященных проблемам кадрового дефицита в системе общего образования, основной акцент делается на недостаточности привлечения молодых педагогов (в сопоставлении с долей педагогов, достигших 55 лет), прежде всего, выпускников педагогических направлений подготовки. При этом практически отсутствует анализ проблем удержания уже пришедших специалистов. В-четвертых, восполнение педагогических кадров имеет не только возрастное или территориальное измерение. Важным аспектом может являться специфика привлечения педагогов по различным предметным областям [Sutcher и др., 2016], в первую очередь естественнонаучного цикла.

Методы

Из представленного выше обзора методологических и прикладных исследований, посвященных проблемам восполнения социально-профессиональной структуры общества, можно сделать вывод о высокой актуальности заявленной темы. При этом необходимо

обратить внимание не только на общую динамику в воспроизводстве педагогических кадров, но и на специфику, которая может быть связана с особенностями развития процессов урбанизации, демографических тенденций в городской и сельской местности, влиянием предметного содержания и других факторов.

В данном исследовании акцент делается именно на описании внутренней специфики воспроизводства педагогических кадров в системе образования, а также определение проявлений кадрового дефицита в системе общего образования. Анализ проводится на уровне страны (Российской Федерации) с выделением специфики территориально-го типа образовательных организаций. Данный выбор связан с возможным влиянием на исследуемые процесс различных региональных мер поддержки образования и привлечения педагогов.

Эмпирическую базу исследования составляют данные Министерства просвещения РФ по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало соответствующего учебного года [Банк документов]. Данные взяты за период с 2019 по 2022 г. Подобный диапазон сведений позволит описать развитие кадровой ситуации как в доковидный, так и послековидный периоды. Отсутствие в выборке 2023 г. связано с отсутствием актуальных официальных данных на момент подготовки статьи. В связи с тем, что на предыдущих этапах исследования была установлена разница между показателями кадрового развития городских и сельских общеобразовательных организаций [Волегов, 2023], результаты будут преимущественно рассматриваться отдельно для разных территориальных условий.

Результаты и обсуждение

По данным Министерства просвещения РФ за период с 1.09.2019 г. по 1.09.2022 г., в кадровом потенциале системы образования наблюдается несколько тенденций, не всегда согласующихся друг с другом. Во-первых, за указанный срок произошло увеличение количества ставок учителей в общеобразовательных организациях (суммарно на 5,59%). Основным источником роста численности ставок являются школы, расположенные в городской местности: в среднем прирост год к году составляет 2,3%, при фактически стабильной ситуации в сельских населенных пунктах.

Во-вторых, наблюдается минимальное сокращение (менее 1% за три года) количества учителей, работающих на этих ставках по основному месту работы (без учета внешних совместителей и лиц, работающих по договорам гражданско-правового характера). Наибольшими темпами сокращение числа учителей происходит по таким учебным предметам, как немецкий и французский язык (на 16,34 и 13,90% соответственно), а также основ безопасности жизнедеятельности (7,28%), химии (5,20%) и изобразительного искусства, черчения (5,06%). При этом увеличилось количество учителей английского языка (+2,93%), русского языка, а также численность педагогических работников (+1,99%), реализующих программы начального общего образования (+1,01%). Наибольшими темпами численность учителей сокращалась в сельской местности, в то время

как для городских ОО сокращение наблюдается по предметам, не предполагающих сдачу экзаменов государственной итоговой аттестации: физической культуры, трудового обучения (технологии), музыки и пения, изобразительного искусства, черчения, основ безопасности жизнедеятельности и прочих предметов (кроме уже упомянутых немецкого и французского языков).

В-третьих, в статистических данных выделяется группа предметов, численность преподавателей по которым оказывается ниже, чем численность организаций, реализующих образовательные программы общего образования (39908 организаций в 2021–2022 учебном году [Индикаторы, 2023, с. 188]). Помимо предметов, не связанных с государственной итоговой аттестацией, в данную группу относятся все предметы естественнонаучного цикла, информатика и ИКТ. Иными словами, выделяется группа общеобразовательных организаций, в которых отсутствуют штатные учителя соответствующих предметов и предметных областей, а потребности учебного плана закрываются либо через внутреннее совмещение или благодаря привлечению работников иных организаций.

Отдельно стоит рассмотреть динамику показателей по учителям начальной школы. Причина подобного внимания связана с увеличением численности обучающихся по программам начального общего образования. По данным ведомственной статистики численность обучающихся 1–4 классов за четыре года выросла на 5,2%, достигнув 7519089 человек в 2022–2023 учебном году. Характерно, что рост численности учащихся наблюдается исключительно в городских образовательных организациях, в сельской местности, напротив, наблюдается отрицательная динамика. При этом среднее количество классов на одного учителя начальной школы остается стабильным: 1 для городских школ и 1,14 для сельских. Однако наблюдается отличия в поведении других показателей: прежде всего они связаны с ростом средней наполняемости класса, а также количеством обучающихся, приходящихся на одного учителя. Так, средняя наполняемость классов в сельской местности выросла с 12,98 до 13,31 обучающегося, а в городских — с 26,89 до 27,35. Заметно, что во втором случае наблюдается более высокая наполняемость классов, причем постепенно увеличивающаяся, и средняя педагогическая нагрузка (количество обучающихся, приходящегося на одного учителя) в городских школах оказывается примерно в два раза выше, чем в сельских.

Одно из последствий расхождений в динамике ставок и фактического количества работников, реализующих образовательные программы, является увеличение количества часов аудиторной нагрузки в расчете на педагогический коллектив школы и, как следствие, рост фактической нагрузки на имеющихся педагогических работников. В таблице 1 отражены данные о среднем количестве ставок, приходящемся на одного трудоустроенного учителя (без учета внешних совместителей и лиц, работающих по договорам гражданско-правового характера). В таблице сведения сгруппированы по предметным областям, зафиксированным в Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования как наиболее массовой ступени образования, включающей максимальное количество предметов школьной программы. В отдельные группы выделены учителя начальной школы и учителя, реализующие учебные программы по иным предметам, не включенным в уже выделенные группы. В скобках указаны отдельные предметы, включенные в соответствующую предметную область.

Таблица 1. Соотношение ставок учителей к фактической численности работников (без учета внешних совместителей)

Table 1. Ratio of teachers' official rate to the actual employees' no. (excl. external part-time workers)

Предметная область	Сельские ОО				Городские ОО			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Начальная школа	1,24	1,25	1,26	1,27	1,26	1,27	1,28	1,30
Русский язык и литература	1,41	1,43	1,46	1,50	1,54	1,57	1,60	1,63
Родной язык и литература	1,24	1,30	1,35	1,35	1,47	1,54	1,63	1,62
Иностранные языки (английский, немецкий, французский языки)	1,40	1,44	1,45	1,44	1,43	1,44	1,46	1,45
Математика и информатика (математика, информатика и ИКТ)	1,31	1,34	1,38	1,43	1,47	1,50	1,55	1,59
Общественно-научные предметы (история, экономика, право, обществознание, география)	1,25	1,27	1,30	1,33	1,47	1,49	1,52	1,56
Естественнонаучные предметы (биология, физика, химия)	1,18	1,20	1,24	1,28	1,43	1,45	1,48	1,52
Искусство (музыка и пение, изобразительное искусство, черчение)	1,31	1,35	1,39	1,42	1,39	1,42	1,46	1,50
Технология	1,18	1,22	1,26	1,30	1,46	1,51	1,56	1,60
Физическая культура и основы безопасности жизнедеятельности	1,30	1,31	1,34	1,36	1,50	1,51	1,52	1,56
Прочие предметы	4,73	4,77	4,95	5,44	4,16	4,29	4,46	4,96

Таблица 1 показывает, что практически по всем предметным областям наблюдается увеличение числа ставок, приходящихся на одного штатного учителя. При этом показатель в расчете на педагогического работника в сельской местности оказывается ниже, что может быть объяснено меньшим количеством класс-комплектов сельских школах.

Наибольшее соотношение количества ставок на одного педагогического работника наблюдается в группе «прочие предметы». В данную группу могут входить предметы, отражающие региональный компонент (например, Краеведение), новые предметные области, введенные в образовательный процесс (Основы религиозных культур и светской этики), отдельные предметы (Астрономия), а также новые направления педагогической деятельности (в т. ч. педагоги-библиотекари). Помимо этих групп, существенный рост нагрузки наблюдается и среди учителей, реализующих программы родного языка и литературы, технологии, а также математики и информатики (в основном за счет учителей информатики). Нагрузка на первую группу может быть связана с изменениями нормативной базы, а также малым количеством специалистов, имеющих необходимую квалификацию по данной группе предметов.

Менее всего показатель вырос среди учителей начальной школы и иностранных языков. В первом случае относительно слабая динамика может быть объяснена сокращением числа детей соответствующего возраста в сельской местности и увеличим наполняемости классов в городской. Слабая динамика во второй группе отражает отказ Федеральных государственных стандартов от нормы обязательного второго иностранного языка, что сократило потребность в данной группе специалистов. В разрезе отдельных предметов наименьшая динамика количества ставок, приходящихся на одного штатного педагога, среди учителей химии, что логично, учитывая относительно короткий период изучения данного предмета, и малого количества часов.

Помимо структуры ставок и их фактического заполнения, важным показателем, связанным с воспроизводством кадров в системе общего образования является движение сотрудников: выбытие и принятие на работу учителей. По данным ведомственной статистики (рис. 1), количество принятых на работу учителей выросло с 136 тыс. в 2019–2020 учебном году до 149 тыс. в 2022–2023 уч. г. Изменение показателя достигается за счет увеличения количества вновь принятых сотрудников в городских школах, где они превышают число выбывших. Для школ, находящихся в сельской местности, ситуация выглядит иначе: на 100 принятых сотрудников приходится от 103 до 112 уволившихся.

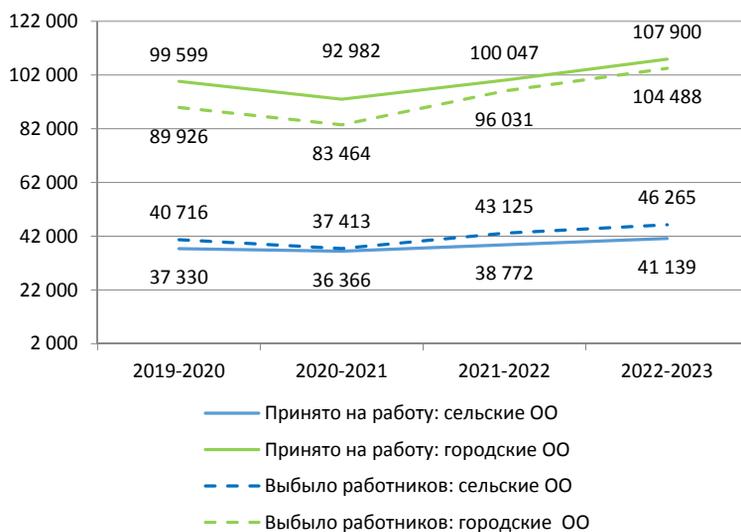

Рис. 1. Динамика движения кадров по учебным годам

Fig. 1. Staff changes by academic year

На графике видно явное отличие 2020–2021 г. от остальных. В целом прослеживается рост как принятых, так и выбывших педагогов, однако в указанный период зафиксировано сокращение по обоим показателям. Одним из возможных объяснений этой аномалии можно считать влияние санитарно-эпидемиологической ситуации, т. к. указанные данные отражают ситуацию по состоянию на 20 сентября 2020 г. Спад движения кадров для данного периода довольно распространен как для российской экономики, так и для мирового опыта

[Bryant и др., 2023]. В последующий период динамика трудоустройства новых педагогов для городских и сельских школ вернулась прежнему тренду, в отличие от показателей выбытия, которые существенно ускорились для городских школ.

Наиболее активно в период ковидных ограничений увольнялись учителя городских общеобразовательных организаций, в первую очередь основ безопасности жизнедеятельности, физики и информатики. Менее всего увольнениям были подвержены педагоги начальной школы и учителя, преподающие языки и литературу народов России. В целом похожее распределение сохраняется и в 2022–2023 уч. г. с единственным исключением: наибольшие показатели увольнения педагогов наблюдаются среди учителей немецкого и французского языков.

Если в абсолютном выражении движение учительских кадров в городских и сельских школах выглядит относительно сбалансированным, то относительно общего количества педагогов в указанных группах (рис. 2) ситуация выглядит иначе. Во-первых, доля выбывающих учителей неуклонно увеличивается темпами, превышающими принятие новых сотрудников. Во-вторых, наибольшая нестабильность кадров (принятие и увольнение) наблюдается именно в городских образовательных организациях. В среднем в педагогическом коллективе городских школ за год сменяется каждый седьмой сотрудник, что может влиять на реализацию как учебных, так и воспитательных функций, поскольку должность учителя, как правило, предполагает и классное руководство. Наиболее существенное обновление кадров (более 15% от общей численности педагогов) наблюдается среди учителей «прочих предметов» (20,14% в городских и 19,83% в сельских школах).

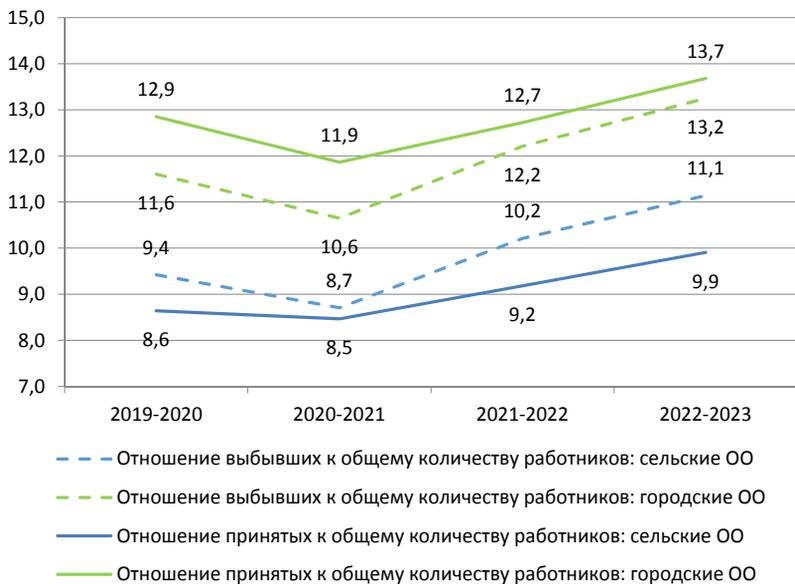

Рис. 2. Доля принятых и выбывших учителей к общей численности учителей в соответствующем учебном году

Fig. 2. Share of hired and dismissed teachers to the total no. of teachers in the corresponding academic year

На фоне обозначенных тенденций возникает еще одна характеристика восполнения кадров в системе общего образования: наличие ставок, вакантных на начало учебного года (рис. 3). Можно заметить неуклонный рост количества незадействованных ставок, который характерен как для городских, так и для сельских общеобразовательных организаций. Если в 2019–2020 г. доля ставок учителей, вакантных в общеобразовательных организациях, от общего количества ставок на начало учебного года составляла 0,95 и 1,08 для города и села соответственно, то к 2022–2023 г. он был 1,39 и 1,52, что дает ежегодный прирост показателя минимум на 10%.

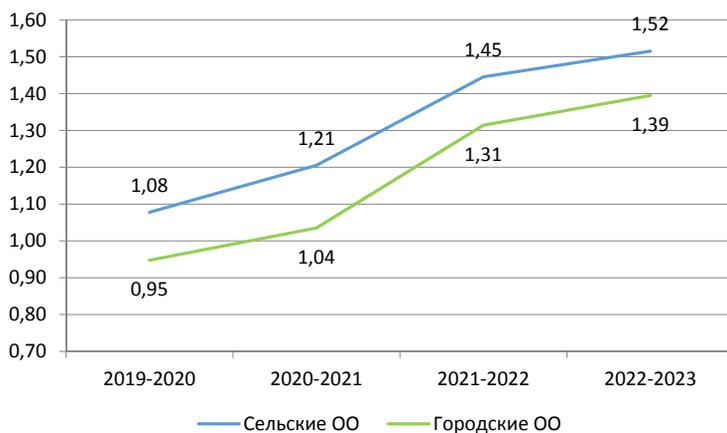

Рис. 3. Доля ставок учителей, вакантных в общеобразовательных организациях, от общего количества ставок на начало учебного года

Fig. 3. Share of teacher positions vacant in secondary education organizations of the total no. of positions at the beginning of the academic year

Наблюдается резкое увеличение показателя между 2020–2021 и 2021–2022 уч. гг., что может отражать влияние пандемии COVID-19 и усиление напряженности среди педагогического сообщества, вызванной ограничительными мерами и внедрением дистанционного образования.

Если оценивать ситуацию по учебным предметам, то практически по всем позициям наблюдается рост кадровой напряженности и увеличение количества вакантных должностей в начале периода обучения. Отклонения от общей картины редки: в основном это сельские школы, учителя иностранных языков в (кроме учителей французского), музыки и пения. Еще одна группа, демонстрирующая относительно позитивную ситуацию — преподаватели предметной области «Общественные науки». В то же время для городских школ, наоборот, возросла потребность практически во всех учителях, но особенно сильно это проявляется в группе «прочих предметов».

Заключение

Подводя итог рассмотрению тенденций воспроизводства учительских кадров в системе общего образования России, необходимо зафиксировать несколько выводов.

Прежде всего, необходимо констатировать, что проблема привлечения и удержания работников в системе школьного образования является существенной и актуальной, причем не только на уровне России, но и для значительно числа экономически развитых стран. Несмотря на ограниченный объем обзора эмпирических исследований, заметно, что исследователи фиксируют примерно одинаковый набор тенденций, связанный с падением престижа профессии учителя, проблемам с привлечением молодых педагогов, резкому росту увольнений работников школ на фоне пандемии COVID-19, а также влиянием социально-экономических условий конкретной территории, в которой расположены образовательные организации.

В данной работе описывается ряд негативных тенденций, связанных с увеличением числа вакантных ставок, постепенным ростом числа педагогов, уволившихся из школ, а также ростом потенциальной нагрузки на оставшихся педагогов, необходимостью скрытого внутреннего совмещения. Фактическая реализация этих негативных тенденций может усиливать напряженность внутри педагогических коллективов и стимулировать дальнейший отток кадров, прежде всего в городской местности.

Еще одна особенность восполнения педагогических кадров, выделенная в статье, касается предметной специфики: наибольшие проблемы наблюдаются среди учителей естественнонаучных предметов и предметной области «Информатика и ИКТ», в связи с их большими возможностями к трудоустройству в смежных профессиях и отраслях экономики.

Зафиксированные различия, проявляющиеся между городскими и сельскими образовательными организациями, а также между учителями различных предметных областей, задает направление для продолжения исследования. Во-первых, они связаны с необходимостью комплексного анализа на уровне регионов России, в т. ч. в сочетании с их социально-экономическими показателями и мерами по привлечению педагогических кадров. Во-вторых, необходим анализ мотивов и социокультурных факторов, влияющих на трудоустройство и закрепление (или, напротив, уход) молодых учителей в образовательных организациях, расположенных в различных социально-территориальных условиях.

Список источников

- Александрова Н. Н. 2021. Дефицит педагогических кадров и недостаточная компетентность педагогов как риски низких образовательных результатов обучающихся // Вопросы педагогики. № 12-1. С. 21–26.
- Банк документов / Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru> (дата обращения: 08.07.2023).
- Блинов В. И. 2009. Дефицит педагогических кадров: прошлое, настоящее и будущее проблемы // Образование и наука. № 11 (68). С. 13–23.
- Бородулин С. С. 2021. Проблема дефицита молодых специалистов в сфере образования // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы VIII Всероссийской (с междунар. уч.) научно-практической конференции (7–8 декабря 2021 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь. С. 276–280.

- Вебер М. 1990. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Волегов В. С. 2023. Численность молодых учителей и показатели социально-экономического развития регионов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 4. С. 579–591.
- Дюркгейм Э. 1996а. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
- Дюркгейм Э. 1996б. Социология образования / пер. с франц. Т. Астаховой; под ред. В. Собкина, В. Нечаева. М.: ИНТОР, 1996. 80 с.
- Заир-Бек С. И., Мерцалова Т. А., Анчиков К. М. 2020. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // Информационно-аналитические материалы Мониторинга экономики образования по результатам статистических и социологических обследований. М.: Высшая школа экономики. Вып. № 18. 17 с.
- Индикаторы образования: 2023: статистический сборник. 2023 / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 432 с.
- Капелюк С. Д., Лищук Е. Н., Капелюк З. А. 2022. Дефицит педагогических кадров в российских школах // Эффективность сферы товарного обращения и труда: сборник научных статей VIII Писаренковских чтений. Гомель. С. 37–41.
- Осипова О. П., Горохов С. А. 2021. Педагогические кадры на локальном рынке труда: проблемы и дефициты (на примере Дальневосточного федерального округа) // Наука и школа. № 2. С. 136–146.
- Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey). 2019. М. Том 1. 41 с.
- Парсонс Т. 2015. Профессии и социальная структура / пер. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия II: Социология. № 4. С. 153–170.
- Ревякина В. И., Костюкова Т. А. 2022. Кадровые дефициты российской системы образования в XXI веке // Информация и образование: границы коммуникаций. № 14 (22). С. 13–15.
- Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003?ysclid=lr1vodpd5x466366407> (дата обращения: 15.12.2023).
- Ценюга С. Н., Ценюга И. Н., Яроцкая Н. В. 2023. Социальный статус сельского учителя в Красноярском крае: реальность и перспективы // Педагогика. № 7. С. 87–96.
- Bryant J., Ram S., Scott D., Williams C. 2023. K–12 teachers are quitting. What would make them stay? URL: <https://www.mckinsey.com/industries/education/our-insights/k-12-teachers-are-quitting-what-would-make-them-stay#/> (дата обращения 14.10.2023).
- Davis K., Moore W. 1945. Some Principles of Stratification. // American Sociological Review. Vol. 10. № 4. Pp. 242–249.
- McKenna B. 2018. U. S. Teacher Shortages — Causes and Impacts. Learning Policy Institute. URL: https://learningpolicyinstitute.org/sites/default/files/body/Teacher_Shortages_Causes_Impacts_2018_MEMO.pdf

- Mutluer, Ö., Yüksel, S. 2019. The Social Status of the Teaching Profession: A Phenomenological Study // *Journal of Teacher Education and Educators*. Vol. 8. Pp. 183–203.
- Pišova M. 2013. Teacher Professional Socialisation: Objective Determinants // *Orbis Scholae*. № 7 (2). Pp. 67–80.
- Sutcher L., Darling-Hammond L., Carver-Thomas D. 2016. A coming crisis in teaching? Teacher supply, demand, and shortages in the U. S. Palo Alto, CA: Learning Policy Institute.
- Vera C. P. 2013. Career Mobility Patterns of Public School Teachers. University Library of Munich, Germany. 45 pp.

References

- Aleksandrova, N. N. (2021). Shortage of teaching staff and insufficient competence of teachers as risks of low educational results of students. *Voprosy pedagogiki*, (12-1), 21–26. [In Russian]
- RF Ministry of Education. (2023). *Bank of documents*. Retrieved Jul. 8, 2023, from <https://docs.edu.gov.ru> [In Russian]
- Blinov, V. I. (2009). Shortage of teaching staff: past, present and future problems. *Obrazovanie i nauka*, (11), 13–23. [In Russian]
- Borodulin, S. S. (2021). The problem of shortage of young specialists in the field of education. In *Relevant Issues of Human Potential Development in the Modern Society: Proceedings of the 7th All-Russian (with international participants) Research Conference (Dec. 7–8, 2021)* (pp. 276–280). [In Russian]
- Weber, M. (1990). *Selected Works*. (Yu. N. Davydov, Ed., Afterword; P. P. Gaydenko, Foreword). Progress. [In Russian]
- Volegov, V. S. (2023). Number of young teachers and indicators of socio-economic development of the regions. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, (4), 579–591. [In Russian]
- Durkheim, É. (1996). *On the Division of Social Labor* (A. B. Goffman, Trans.; V. V. Sapov, Notes). Kanon. [In Russian]
- Durkheim, É. (1996). *Sociology of Education* (T. Astakhova, Trans.; V. Sobkin & V. Nechaev, Eds.). INTOR. [In Russian]
- Zair-Bek, S. I., Mertsalova, T. A., & Anchikov, K. M. (2020). School education personnel: opportunities and gaps. In *Information and Analytical Materials of the Monitoring of Education Economy based on the results of statistical and sociological surveys. Vol. 18*. Higher School of Economics. [In Russian]
- Bondarenko, N. V., Varlamova, T. A., Gokhberg, L. M., et al. (2023). *School Education Personnel: Opportunities and Gaps: 2023: Data Book*. HSE. [In Russian]
- Kapelyuk, S. D., Lishchuk, E. N., & Kapelyuk, Z. A. (2022). Shortage of teaching staff in Russian schools. In *Efficiency of the Sphere of Commodity Circulation and Labor: Collection of Research Articles of the 8th Pisarenkov Readings* (pp. 37–41). [In Russian]
- Osipova, O. P., & Gorokhov, S. A. (2021). Teaching staff in the local labor market: problems and shortages (using the example of the Far Eastern Federal District). *Nauka i shkola*, (2), 136–146. [In Russian]
- OECD. (2019). *TALIS 2018 Results (Vol. 1): Teachers and School Leaders as Lifelong Learners*. [In Russian]

- Parsons, T. (2015). Professions and social structure. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, (4), 153–170. [In Russian]
- Revyakina, V. I., Kostyukova, T. A. (2022). Personnel shortages in the Russian education system in the 21st c. *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsiy*, (14), 13–15. [In Russian]
- On the Year of Educator and Mentor in the Russian Federation, RF President Decree, No. 401 (2022). *Official Internet Portal of Legal Information*. Retrieved December 15, 2023 from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003?ysclid=lr1vodpd5x466366407> [In Russian]
- Tsenyuga, S. N., Tsenyuga, I. N., & Yarotskaya, N. V. (2023). Social status of a rural teacher in the Krasnoyarsk Territory: reality and prospects. *Pedagogika*, (7), 87–96. [In Russian]
- Bryant, J., Ram, S., Scott, D., & Williams, C. (2023). *K–12 Teachers Are Quitting. What Would Make Them Stay?* Retrieved Oct. 14, 2023, from <https://www.mckinsey.com/industries/education/our-insights/k-12-teachers-are-quitting-what-would-make-them-stay#/>
- Davis, K., & Moore, W. (1945). Some Principles of Stratification. *American Sociological Review*, 10(4), 242–249.
- McKenna, B. (2018, Aug.). *U. S. Teacher Shortages—Causes and Impacts*. https://learningpolicyinstitute.org/sites/default/files/body/Teacher_Shortages_Causes_Impacts_2018_MEMO.pdf
- Mutluer, Ö., & Yüksel, S. (2019). The Social Status of the Teaching Profession: A Phenomenological Study. *Journal of Teacher Education and Educators*, 8, 183–203.
- Pišova, M. (2013). Teacher Professional Socialisation: Objective Determinants. *Orbis Scholae*, (7), 67–80.
- Sutcher, L., Darling-Hammond, L., & Carver-Thomas, D. (2016). *A Coming Crisis in Teaching? Teacher Supply, Demand, and Shortages in the U. S.* Learning Policy Institute.
- Vera, C. P. (2013). *Career Mobility Patterns of Public School Teachers*. University Library of Munich, Germany.

Информация об авторах

Владимир Сергеевич Волегов, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
wsvolegov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8610-6126>

Кристина Отариевна Сомхишвили, старший преподаватель, кафедра социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
skristina13@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6051-3129>

Information about the authors

Vladimir S. Volegov, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociology, Perm State University, Perm, Russia
wsvolegov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8610-6126>

Kristina O. Somkhishvili, Senior Lecturer, Department of Sociology, Perm State University, Perm, Russia
skristina13@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6051-3129>

Социальная стратификация пожилых онлайн-покупателей

Майкл Олумекор

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
Контакт для переписки: molumekor@urfu.ru

Аннотация. Интернет становится всё более значимым для эффективного функционирования экономики и общества. Однако исследования показали наличие цифрового разрыва, заключающегося в том, что пожилые люди являются неравноправными участниками онлайн-торговли. Поэтому наше исследование направлено на изучение социальных факторов, которые способствуют или ограничивают поведение пожилых людей при совершении покупок в Интернете, а также предлагается авторская стратификация пожилых пользователей / не пользователей онлайн-сервисов на основе этих социальных факторов. Эмпирическая часть исследования включала опрос с выборкой из 320 пожилых людей, по результатам которого был проведен корреляционный и кластерный анализ. Полученные результаты показывают, что наиболее сильным фактором, определяющим адаптивность пожилых людей к онлайн-торговле, является место их жительства (сельская либо городская местность).

Ключевые слова: электронная коммерция, Интернет, онлайн-торговля, поведение, социальная стратификация, пожилые люди, интернет-магазин, онлайн-покупки

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Цитирование: Олумекор М. 2024. Социальная стратификация пожилых онлайн-покупателей // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 1 (37). С. 39–52. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-39-52>

Поступила 18.06.2023; одобрена 20.10.2023; принята 10.04.2024

The social stratification of older people in online shopping

Michael Olumekor

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Corresponding author: molumekor@urfu.ru

Abstract. The internet is important for the proper functioning of modern economies and societies. However, studies show the presence of an age-related digital divide with older people as unequal participants. This research investigates the social factors promoting or limiting the behaviour of older people in online shopping, and if older users/non-users of online shopping can be stratified based on these social factors. Following a survey with a sample size of 320 older people, we use a correlation and cluster approach to analyse the data. The results show that the strongest factor in determining if older people belong to a higher social stratum in online shopping is their place of residence or if they live in rural or urban areas.

Keywords: electronic commerce, e-commerce, internet, behaviour, social stratification, older people, online shops, online shopping

Acknowledgements: The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Citation: Olumekor, M. (2024). The social stratification of older people in online shopping. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(1), 39–52. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-39-52>

Received Jun. 18, 2023; Reviewed Oct. 20, 2023; Accepted Apr. 10, 2024

Введение

Онлайн-экономика в России развивается быстрыми темпами. По данным Statista [E-commerce market value ..., 2023], в 2022 г. рынок интернет-торговли в России достиг 5,7 трлн российских рублей и, как ожидается, продолжит быстрый рост в будущем. Кроме того, уровень проникновения интернет-торговли в России в 2022 г. составил 52,4%, а это означает, что более половины населения России использовало онлайн-платформы для покупки товаров или услуг в 2022 г. В то же время пожилые люди в России составляют значительную долю населения, но их активность в Интернете значительно ниже, чем у молодежи. По данным Росстата, в 2020 г. в России проживало 26,8 млн человек в возрасте 65 лет и старше, что составляло 18,3% всего

населения. Ожидается, что эта доля увеличится до 21,7% к 2030 г. и до 25,2% к 2050 г. [Численность населения РФ..., 2020]. Это число намного больше, если измерять его по определению Организации Объединенных Наций, согласно которому пожилые люди — это люди старше 60 лет [Older persons, 2020]. На старение в России влияют различные факторы, такие как низкая рождаемость, высокая смертность, миграционные потоки и региональное неравенство и др. [Strizhitskaya, 2016]. Кроме того, российское правительство через «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» стремится создать в России информационное общество мирового уровня. Поэтому целью данного исследования является изучение приспособленности и отношения пожилых людей к онлайн-торговле.

Теории социальной стратификации существуют давно. Некоторые из наиболее известных подходов к стратификации основаны на работах Карла Маркса [1992] и Макса Вебера [1978]. Тем не менее последние исследования также показали, что социальная стратификация может различаться между странами, а также между секторами и социальными группами в обществе. Например, исследования показывают, что общества стратифицируются, среди прочего, на основе [House и др., 1994] старения и здоровья, образования [Buchmann, Hannum, 2001; Goldthorpe, 1996] и жилищной системы [Wu, Treiman, 2004]. Известные подходы к социальной стратификации России включают социально-экономический подход Т. И. Заславской [1998], неовеберовскую концепцию жизненных шансов [Anikin и др., 2017; Аникин, 2020] и стратификацию по субъективной оценке, или восприятию [Tikhonova, 2018]. Эти исследования показали, что на социальное расслоение людей могут влиять многие факторы, в том числе такие как возраст, состояние здоровья, состав семьи и региональное развитие [Tikhonova, 2018; Тихонова, 2021].

Кроме того, для объяснения поведения пожилых людей в России в онлайн-торговле можно использовать ряд теорий. Прежде всего это сетевая теория Мануэля Кастельса [Castells, 1996, 1997, 1998], автор которой утверждает, что мы сейчас живем в сетевом обществе, а в нем информация является самым важным активом. Таким образом, люди, контролирующие сеть/информацию, приобретут власть и возможности, а те, кто этого не делает, окажутся в невыгодном положении. По словам М. Кастельса, на вершине этого нового общества есть две основные группы, «которые благодаря своему положению в социальной структуре обладают властью по созданию сетей — высшей формой власти в сетевом обществе» [Castells, 2011]. Их называют переключателями и программистами. В то время как переключатели являются посредниками, которые соединяют различные группы/интересы в сети вместе, программисты — это те, кто программирует или создает сеть. Другая известная теория — теория социальной адаптации.

Также многочисленные исследования описывают наличие цифрового разрыва в характере онлайн-покупок и использования Интернета [Elena-Bucea и др., 2021; van Dijk, 2020; van Dijk, Hacker, 2003]. Согласно Й. Ван Дейку [van Dijk, 2017, 2020], цифровой разрыв — это разделение между людьми, имеющими доступ к Интернету, и людьми, у которых его нет; его основным аспектом является неравенство в доступе к Интернету,

интернет-навыках или грамотности и использовании Интернета. Одним из наиболее значимых факторов, влияющих на цифровой разрыв и цифровое неравенство, является возраст [Cresci и др., 2010]. Исследования показали, что пожилые люди испытывают постоянное неравенство в Интернете из-за проблем, с которыми они сталкиваются в области цифровых навыков или грамотности [Yu и др., 2015; McDonough, 2016; Choudrie и др., 2020], а также при совершении покупок в Интернете [Seifert, 2020]. Более того, цифровой разрыв и связанное с ним неравенство делают пожилых людей неравноправными участниками социальной, экономической и культурной жизни современного общества, что приводит к гораздо более глубоко укоренившемуся неравенству в общем распределении ресурсов в обществе [van Dijk, 2017].

Некоторые исследования показали, что в области онлайн-торговли/покупок для пожилых людей на их доступ и включение в электронную торговлю могут влиять регионы и районы их проживания: сельские и городские [The Internet..., 2016]. На него также могут влиять образование, род занятий и другие социально-экономические переменные. Например, в России Deloitte обнаружила, что уровень образования является важным фактором, определяющим людей, совершающих покупки в Интернете [Deloitte, 2019], в то время как Data Insight обнаружила, что пункты выдачи заказов и другая инфраструктура онлайн-покупок в подавляющем большинстве случаев расположены в городах [E-commerce..., 2021], что ставит сельских жителей в невыгодное положение. Таким образом, цель данной статьи состоит в том, чтобы исследовать, можно ли стратифицировать пожилых людей при использовании услуг онлайн-покупок/торговли на основе их социально-экономических и демографических характеристик. Для этого в Свердловской области России был проведен опрос в рамках более широкого изучения поведения пожилых людей в Сети. На основе последних данных об интернет-торговле в России [E-commerce..., 2021; Deloitte, 2019] в данном исследовании изучалось влияние следующих социальных переменных: уровень образования, место жительства, возраст, пол и состояние здоровья.

Методология

Прежде чем приступить к эмпирическому исследованию, нам необходимо было установить концептуальные рамки исследования. В этих рамках мы определяем онлайн-торговлю, коммерцию и покупки как любую деловую операцию, осуществляемую исключительно через Интернет, которая включает покупку или продажу товаров/услуг и когда за такую транзакцию происходит финансовый платеж (деньги). Поэтому мы исключаем другие действия в Интернете/онлайн, такие как онлайн — государственные службы, службы электронной почты, службы социальных сетей и приложения/службы обмена сообщениями.

Кроме того, необходимо было также точно определить, кого можно отнести к пожилым людям для включения в это исследование. Во многих исследованиях используются разные возрастные категории для пожилых людей (например, в отдельных странах используется пенсионный возраст). Однако при данном подходе есть проблемы, поскольку пенсионный возраст у мужчин и женщин различается. Кроме того,

трудовой стаж людей, а также продолжительность работы также влияют на возраст, в котором они имеют право на получение пенсии. Таким образом, в качестве объективного базового возраста для всех респондентов было выбрано международно используемое определение возраста Организации Объединенных Наций [Older persons, 2020]. В результате в исследование были включены люди старше 60 лет.

В рамках эмпирического исследования нами был проведен опрос в Свердловской области России в период с октября 2022 по март 2023 г. Опрос был частью более широкого исследования поведения пожилых людей при совершении покупок в Интернете. Бумажные анкеты были розданы пожилым людям нескольких сёл и городов Свердловской области. Респонденты должны были дать ответы по 5-балльной шкале Лайкерта. Чтобы измерить использование респондентами услуг онлайн-торговли, мы попросили их оценить частоту покупок в Интернете от «всегда» до «никогда». Всего было получено 320 действительных ответов. Затем данные были обработаны в электронной таблице Microsoft Excel, прежде чем они были закодированы и проанализированы с использованием языка компьютерного программирования и программного обеспечения R. Чтобы проанализировать, можно ли стратифицировать пожилых людей на основе их поведения в онлайн-торговле, мы использовали корреляцию и методы кластерного анализа.

Перед началом исследования мы выдвинули ряд гипотез о том, что следующие социальные факторы будут оказывать влияние на покупательское поведение пожилых людей:

- **Гипотеза 1:** существует корреляция между уровнем образования и поведением пожилых людей при совершении покупок в Интернете.
- **Гипотеза 2:** существует корреляция между местом жительства — сельским или городским — и поведением пожилых людей при совершении покупок в Интернете.
- **Гипотеза 3:** существует корреляция между полом и поведением пожилых людей при совершении покупок в Интернете.
- **Гипотеза 4:** существует корреляция между возрастом и поведением пожилых людей при совершении покупок в Интернете.
- **Гипотеза 5:** существует корреляция между состоянием здоровья и поведением пожилых людей при совершении покупок в Интернете.

Результаты

Первая часть полученных в ходе исследования данных состояла из результатов корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Пирсона [Schober и др., 2018]. Цель состояла в том, чтобы проверить корреляцию вышеупомянутых социальных переменных с использованием покупок в Интернете пожилыми людьми. Результаты представлены ниже (см. таблицу 1).

Результаты корреляционного анализа Пирсона (таблица 1) показывают, что возраст, образование и место жительства положительно коррелируют с использованием услуг онлайн-торговли среди пожилых людей с разным уровнем статистической значимости. Однако пол и состояние здоровья не были статистически значимыми. Поэтому

мы исключаем эти две переменные из второй части нашего исследования, которая представляет собой кластерный анализ. Для нашего кластерного анализа мы используем кластер К-средних [Hartigan, Wong, 1979] и анализ основных компонентов [Abdi, Williams, 2010; Wold и др., 1987]. Мы представляем векторный анализ и анализ графика ниже. Результаты кластерного векторного анализа после стандартизации переменных приведены в таблице 2.

Таблица 1. Корреляционный анализ социальных факторов в онлайн-покупках по Пирсону

Table 1. Pearson correlation analysis of social factors in online shopping

	Пол	Возраст	Образование	Место жительства	Состояние здоровья
Коэффициент корреляции Пирсона r	-0,096	0,103*	0,100*	0,159**	-0,035
СС	318,000	318,000	318,000	318,000	318,000
P-значение	0,957	0,033	0,036	0,002	0,736
95% ДИ выше	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
95% ДИ ниже	-0,187	0,011	0,008	0,068	-0,127
N ^o	320,000	320,000	320,000	320,000	320,000

Примечание: *p < 0,05, **p < 0,01, ***p < 0,001. СС — степень свободы; ДИ — доверительный интервал.

Notes: *p < 0.05, **p < 0.01, ***p < 0.001. СС — degree of freedom; ДИ — trust interval.

Таблица 2. Кластерно-векторный анализ социальных факторов

Table 2. Cluster vector analysis of social factors

	Количество кластеров	Образование	Место жительства	Возраст	Поведение
Кластер 1	226	-0,444	-0,395	-0,244	-0,176
Кластер 2	94	1,068	0,951	0,586	0,423

Таблица 2 показывает, что 226 ответов сгруппированы в первом кластере, тогда как 94 ответа находятся во втором кластере. Графический анализ кластеров представлен на рис. 1, 2 ниже.

Результаты, представленные на рис. 1 и 2, показывают наличие двух основных кластеров в поведении пожилых людей при совершении покупок в Интернете. Есть два графика. На первом показан график К-средних, в то время как на втором — график анализа главных компонент. На графиках отчетливо прослеживается расслоение среди пожилых людей. Мы видим, что место жительства или то, жили ли пожилые люди в сельской местности или в городах, было самым сильным фактором при определении того, пользовались ли они услугами онлайн-покупок и принадлежат ли к более высоким социальным слоям.

Обсуждение и заключение

Мы живем в условиях цифровой экономики и цифрового общества, и развитие искусственного интеллекта означает, что Интернет, вероятно, станет еще более важным [Olumekor, Polbitsyn, 2021a, 2022]. Однако фактические данные свидетельствуют о наличии цифрового разрыва, при котором пожилые люди являются неравноправными участниками этой важной социально-экономической среды [McDonough, 2016; Choudrie и др., 2020; Olumekor, Polbitsyn, 2021a, b]. Таким образом, целью данного исследования был анализ социальных факторов, которые поощряли или ограничивали использование пожилыми людьми услуг онлайн-торговли. В частности, мы исследовали, можно ли стратифицировать пожилых людей на основе их поведения при совершении покупок в Интернете и влияния социальных факторов. Были исследованы пять социальных факторов: возраст, пол, место жительства, уровень образования и состояние здоровья. Для достижения цели исследования мы сначала использовали корреляционный анализ (для определения взаимосвязи между наблюдаемыми переменными), а затем кластерный анализ, состоящий из кластера К-средних и анализа главных компонент (для изучения уровня стратификации).

Результаты анализа показали, что возраст и состояние здоровья не были статистически значимыми, что заставило нас отклонить гипотезы 4 и 5. Однако пол, место жительства и уровень образования имели различные уровни значимости, и мы приняли гипотезы 1, 2 и 3. Результаты корреляционного анализа согласуются с результатами предыдущих исследований. Например, исследования по всему миру, в том числе в Соединенных Штатах, Латинской Америке и всех странах Европейского союза, выявили уровень образования как одну из наиболее существенных причин существования неравенства в использовании онлайн-сервисов [Elena-Bucea и др., 2021; Cresci и др., 2010; Razmiño-Sarango и др., 2022]. Исследования также показали, что пол [van Dijk, Hacker, 2003; Yu и др., 2015] и место жительства [De Blasio, 2008; Newing и др., 2022] могут влиять на онлайн-поведение людей.

Кроме того, проведенный кластерный анализ выявил существование двух основных слоев пожилых онлайн-покупателей. Первый — это высший социальный слой, представители которого готовы активно совершать онлайн-покупки и демонстрируют высокую адаптивность при совершении покупок в Интернете, а второй — низший слой с низкой адаптивностью к совершению онлайн-покупок. Наши результаты показывают, что наиболее значимым социальным фактором, ответственным за социальную стратификацию пожилых людей при совершении покупок в Интернете, является их место жительства. Ранее проведенные исследования показали различия в использовании онлайн-торговли среди людей, живущих в городских районах, и среди жителей сельской местности [De Blasio, 2008; Newing и др., 2022; Cullen, 2003]. Основной причиной этого является низкий уровень инфраструктуры в сельской местности. Это включает инфраструктуру доставки, такую как пункты самовывоза, транспортно-логистическую инфраструктуру [De Blasio, 2008; Newing и др., 2022] и инфраструктуру Интернета [Cullen, 2003]. Например, без центров самовывоза у пожилых людей может не быть возможности

проверить товар, который они купили онлайн, прежде чем платить за него. А поскольку пожилые люди могут счесть покупки в Интернете рискованными [Corbitt и др., 2003], они вообще отказываются от их использования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аникин В. А. 2020. Социальные классы новой России — неравные и разные // Социологические исследования. № 2. С. 31–42.
- Тихонова Н. Е. 2021. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х — конец 2010-х гг. // Социологические исследования. № 8. С. 22–32. <https://doi.org/10.31857/S013216250014308-1>
- Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. 2020 // Росстат. Федеральная служба государственной статистики: оф. сайт. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 25.03.2023).
- Abdi H., Williams L. J. 2010. Principal Component Analysis // Wiley Interdisciplinary Reviews: Computational Statistics. Vol. 2. No. 4. Pp. 433–459. <https://doi.org/10.1002/wics.101>
- Anikin V. A., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Tikhonova N. N. 2017. Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia. Basic Research Program. Working Papers. Series: Sociology WP BRP 80/SOC/2017 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: оф. сайт. <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/213507230.pdf>
- Buchmann C., Hannum E. 2001. Education and stratification in developing countries: a review of theories and research // Annual Review of Sociology. Vol. 27. No. 1. Pp. 77–102. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.77>
- Castells M. 1996. The rise of the Network Society // The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3. 2nd ed. Oxford; Malden, Mass: Blackwell Publishers. 594 pp.
- Castells M. 1997. The power of identity // The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2. Malden, Mass: Blackwell. 461 pp.
- Castells M. 1998. End of Millennium // The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3. Malden, MA: Blackwell Publishers. 418 pp.
- Castells M. 2011. A Network Theory of Power // International Journal of Communication. Vol. 5. Pp. 773–787.
- Choudrie J., Pheeraphuttrangkoon S., Davari S. 2020. The Digital Divide and older adult population adoption, use and diffusion of mobile phones: a quantitative study // Information Systems Frontiers. Vol. 22. No. 3. Pp. 673–695. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10796-018-9875-2>
- Corbitt B. J., Thanasankit T., Yi H. 2003. Trust and e-commerce: a study of consumer perceptions // Electronic Commerce Research and Applications. Vol. 2. No. 3. Pp. 203–215. [https://doi.org/10.1016/S1567-4223\(03\)00024-3](https://doi.org/10.1016/S1567-4223(03)00024-3)
- Cresci M. K., Yarandi H. N., Morell R. W. 2010. The Digital Divide and urban older adults // CIN: Computers, Informatics, Nursing. Vol. 28. No. 2. Pp. 88–94. <https://doi.org/10.1097/NCN.0b013e3181cd8184>
- Cullen R. 2003. The Digital Divide: a global and national call to action // The Electronic Library. Vol. 21. No. 3. Pp. 247–257. <https://doi.org/10.1108/02640470310480506>

- De Blasio G. 2008. Urban–rural differences in Internet usage, e-Commerce, and e-Banking: evidence from Italy // *Growth and Change*. Vol. 39. No. 2. Pp. 341–367. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2257.2008.00422.x>
- Deloitte. 2019. Consumption in Russia — 2019. <https://rspp.ru/upload/uf/ede/cis-impact-report-fy2019-ru.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).
- E-commerce in Russia 2020. 2021 // *Data Insights*. Moscow. https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Ecommerce2020_eng.pdf (дата обращения: 09.03.2022).
- E-commerce market value in Russia from 2011 to 2022 (in trillion Russian rubles) // Statista: off. website. 2023. <https://www.statista.com/statistics/1016094/russia-e-commerce-market-value/> (дата обращения: 25.03.2023).
- Elena-Bucea A., Cruz-Jesus F., Oliveira T., Coelho P. S. 2021. Assessing the role of age, education, gender and income on the digital divide: evidence for the European Union // *Information Systems Frontiers*. Vol. 23. No. 4. Pp. 1007–1021.
- Goldthorpe J. H. 1996. Class analysis and the reorientation of class theory: the case of persisting differentials in educational attainment // *British Journal of Sociology*. Vol. 47. No. 3. P. 481.
- Hartigan J. A., Wong M. A. 1979. Algorithm AS 136: A K-Means Clustering Algorithm // *Journal of the Royal Statistical Society. Series C (Applied Statistics)*. Vol. 28. Pp. 100–108. <https://doi.org/10.2307/2346830>
- House J. S., Lepkowski J. M., Kinney A. M., Mero R. P., Kessler R. C., Herzog A. R. 1994. The social stratification of aging and health // *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 35. No. 3. Pp. 213–234.
- Marx K. 1992. *Capital: A Critique Of Political Economy*. New York: Penguin Books. 1152 pp.
- McDonough C. C. 2016. The effect of ageism on the Digital Divide among older adults // *Journal of Gerontology & Geriatric Medicine*. Vol. 2 (008). <https://doi.org/10.24966/GGM-8662/100008>
- Newing A., Hood N., Videira F., Lewis J. 2022. ‘Sorry we do not deliver to your area’: geographical inequalities in online groceries provision // *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*. Vol. 32. No. 1. Pp. 80–99. <https://doi.org/10.1080/09593969.2021.2017321>
- Older persons. 2020. 18 May // *UNHCR Emergency Handbook*: off. website. <https://emergency.unhcr.org/protection/persons-risk/older-persons> (дата обращения: 03.04.2023).
- Olumekor M., Polbitsyn S. 2021a. Covid-19 and consumer behaviour: a review of recent literature // *Bulletin of South Ural State University. Series: Economics and management*. Vol. 15. Pp. 183–189. <https://doi.org/10.14529/em210319>
- Olumekor M., Polbitsyn S. 2021b. Online consumer behaviour: opportunities and challenges for the elderly // *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship 2021*. Academic Conferences International Ltd. Pp. 1190–1195. <https://doi.org/10.34190/eie.21.027>
- Olumekor M., Polbitsyn S. N. 2022. A review of the development of electronic commerce in Russia and its implications for small businesses // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*. Vol. 16. No. 1. Pp. 143–148. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48208119>
- Pazmiño-Sarango M., Naranjo-Zolotov M., Cruz-Jesus F. 2022. Assessing the drivers of the regional digital divide and their impact on eGovernment services: evidence from a South American country // *Information Technology & People*. Vol. 35. No. 7. Pp. 2002–2025. <https://doi.org/10.1108/ITP-09-2020-0628>

- Schober P., Boer C., Schwarte L. A. 2018. Correlation Coefficients: appropriate use and interpretation // *Anesthesia & Analgesia*. Vol. 126. No. 5. Pp. 1763–1768. <https://doi.org/10.1213/ane.0000000000002864>
- Seifert A. 2020. The digital exclusion of older adults during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Gerontological Social Work*. Vol. 63. No. 6–7. Pp. 674–676. <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1764687>
- Strizhitskaya O. 2016. Aging in Russia // *Gerontologist*. Vol. 56. Iss. 5. Pp. 795–799. <https://doi.org/10.1093/geront/gnw007>
- The Internet and Older People in the UK — Key Statistics. 2016 // Age UK. https://www.ageuk.org.uk/globalassets/age-uk/documents/reports-and-publications/reports-and-briefings/active-communities/rb_july16_older_people_and_internet_use_stats.pdf (дата обращения: 26.03.2023).
- Tikhonova N. E. 2018. Income stratification in Russia: the specific features of the model and the vector of changes // *Sociological Research*. Vol. 57. Iss. 5–6. Pp. 266–285. <https://doi.org/10.1080/10610154.2018.1688078>
- van Dijk J. 2017. Digital Divide: impact of access // *The International Encyclopedia of Media Effects* / Rössler P. (ed.). Wiley. Pp. 1–11. <https://doi.org/10.1002/9781118783764.wbieme0043>
- van Dijk J. 2020. *The Digital Divide*. Cambridge, UK: Polity. 208 pp.
- van Dijk J., Hacker K. 2003. The Digital Divide as a complex and dynamic phenomenon // *The Information Society*. Vol. 19. No. 4. Pp. 315–326.
- Weber M. 1978. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press. 1469 pp.
- Wold S., Esbensen K., Geladi P. 1987. Principal Component Analysis // *Chemometrics and Intelligent Laboratory Systems*. Vol. 2. No. 1–3. Pp. 37–52. [https://doi.org/10.1016/0169-7439\(87\)80084-9](https://doi.org/10.1016/0169-7439(87)80084-9)
- Wu X., Treiman D. J. 2004. The Household Registration System and social stratification in China: 1955–1996 // *Demography*. Vol. 41. No. 2. Pp. 363–384.
- Yu R. P., Ellison N. B., McCammon R. J., Langa K. 2015. Mapping the two levels of digital divide: Internet access and social network site adoption among older adults in the USA // *Information, Communication and Society*. Vol. 19. No. 10. Pp. 1–20. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1109695>
- Zaslavskaja T. I. 1998. The Social Structure of Contemporary Russian Society // *Sociological Research*. Vol. 37. No. 1. Pp. 5–31. <https://doi.org/10.2753/SOR1061-015437015>

References

- Anikin, V. (2020). Social Classes of the New Russia: Unequal and Different. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2, 31–42. <https://doi.org/10.31857/S013216250008492-4> [In Russian]
- Tikhonova, N. (2021). Transformations of the Social Structure of Russian Society in late 1980s–late 2010s. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 8. <https://doi.org/10.31857/S013216250016781-2> [In Russian]
- Rosstat. (2021). *Population of the Russian Federation by sex and age 2020*. Population of the Russian Federation by Sex and Age. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> [In Russian]
- Abdi, H., & Williams, L. J. (2010). Principal component analysis. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Computational Statistics*, 2(4), 433–459. <https://doi.org/10.1002/wics.101>

- Anikin, V. A., Lezhnina, Y. P., Mareeva, S. V., & Tikhonov, N. N. (2017). *Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia*. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 80/SOC/2017. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3093022>
- Buchmann, C., & Hannum, E. (2001). Education and Stratification in Developing Countries: A Review of Theories and Research. *Annual Review of Sociology*, 27(1), 77–102. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.77>
- Castells, M. (1996). *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society* (2nd ed.). Blackwell Publishers.
- Castells, M. (1997). *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2. The Power of Identity* (2nd ed.). Blackwell Publishers.
- Castells, M. (1998). *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3. End of Millennium* (2nd ed.). Blackwell Publishers.
- Castells, M. (2011). A Network Theory of Power. *International Journal of Communication*, 5, 773–787. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/1136>
- Choudrie, J., Pheeraphuttrangkoon, S., & Davari, S. (2020). The Digital Divide and older adult population adoption, use and diffusion of mobile phones: a quantitative study. *Information Systems Frontiers*, 22(3), 673–695. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10796-018-9875-2>
- Corbitt, B. J., Thanasankit, T., & Yi, H. (2003). Trust and e-commerce: a study of consumer perceptions. *Electronic Commerce Research and Applications*, 2(3), 203–215. [https://doi.org/10.1016/S1567-4223\(03\)00024-3](https://doi.org/10.1016/S1567-4223(03)00024-3)
- Cresci, M. K., Yarandi, H. N., & Morell, R. W. (2010). The Digital Divide and urban older adults. *CIN: Computers, Informatics, Nursing*, 28(2), 88–94. <https://doi.org/10.1097/NCN.0b013e3181cd8184>
- Cullen, R. (2003). The Digital Divide: a global and national call to action. *The Electronic Library*, 21(3), 247–257. <https://doi.org/10.1108/02640470310480506>
- De Blasio, G. (2008). Urban–Rural Differences in Internet Usage, e-Commerce, and e-Banking: Evidence from Italy. *Growth and Change*, 39(2), 341–367. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2257.2008.00422.x>
- Deloitte. (2019). *Consumption in Russia — 2019*. Retrieved Jan. 19, 2020, from <https://www2.deloitte.com/ru/en/pages/consumerbusiness/articles/2019/consumption-in-russia.html>
- Data Insights. (2021). *E-commerce in Russia 2020*. https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Ecommerce2020_eng.pdf
- Statista. (2022). *E-commerce market value in Russia from 2011 to 2022*. Key Figures of E-Commerce. <https://www.statista.com/statistics/1016094/russia-e-commerce-market-value/>
- Elena-Bucea, A., Cruz-Jesus, F., Oliveira, T., & Coelho, P. S. (2021). Assessing the role of age, education, gender and income on the digital divide: evidence for the European Union. *Information Systems Frontiers*, 23(4), 1007–1021.
- Goldthorpe, J. H. (1996). Class Analysis and the Reorientation of Class Theory: The Case of Persisting Differentials in Educational Attainment. *The British Journal of Sociology*, 47(3), 481. <https://doi.org/10.2307/591365>
- Hartigan, J. A., & Wong, M. A. (1979). Algorithm AS 136: A K-Means Clustering Algorithm. *Applied Statistics*, 28(1), 100. <https://doi.org/10.2307/2346830>

- House, J. S., Lepkowski, J. M., Kinney, A. M., Mero, R. P., Kessler, R. C., & Herzog, A. R. (1994). The Social Stratification of Aging and Health. *Journal of Health and Social Behavior*, 35(3), 213. <https://doi.org/10.2307/2137277>
- Marx, K. (1867). *Capital : A Critique of Political Economy*. Penguin Books.
- McDonough, C. C. (2016). The effect of ageism on the Digital Divide among older adults. *Journal of Gerontology & Geriatric Medicine*, 2(008). <https://doi.org/10.24966/GGM-8662/100008>
- Newing, A., Hood, N., Videira, F., & Lewis, J. (2022). 'Sorry we do not deliver to your area': geographical inequalities in online groceries provision. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*, 32(1), 80–99. <https://doi.org/10.1080/09593969.2021.2017321>
- UNHCR. (2020, May 18). *Older persons*. Persons at Risk. <https://emergency.unhcr.org/protection/persons-risk/older-persons>
- Olumekor, M., & Polbitsyn, S. (2021a). Covid-19 and consumer behaviour: a review of recent literature. *Bulletin of South Ural State University Series "Economics and Management,"* 15, 183–189. <https://doi.org/10.14529/em210319>
- Olumekor, M., & Polbitsyn, S. (2021b). Online Consumer Behaviour: Opportunities and Challenges for the Elderly. *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship 2021* (pp. 1190–1195). <https://doi.org/10.34190/EIE.21.027>
- Olumekor, M., & Polbitsyn, S. N. (2022). A review of the development of electronic commerce in Russia and its implications for small businesses. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*, 16(1). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48208119>
- Pazmiño-Sarango, M., Naranjo-Zolotov, M., & Cruz-Jesus, F. (2022). Assessing the drivers of the regional digital divide and their impact on eGovernment services: evidence from a South American country. *Information Technology & People*, 35(7), 2002–2025. <https://doi.org/10.1108/ITP-09-2020-0628>
- Schober, P., Boer, C., & Schwarte, L. A. (2018). Correlation Coefficients. *Anesthesia & Analgesia*, 126(5), 1763–1768. <https://doi.org/10.1213/ANE.0000000000002864>
- Seifert, A. (2020). The digital exclusion of older adults during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Gerontological Social Work*, 63(6–7), 674–676. <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1764687>
- Strizhitskaya, O. (2016). Aging in Russia. *The Gerontologist*, 56(5), 795–799. <https://doi.org/10.1093/geront/gnw007>
- Age UK. (2016). *The Internet and Older People in the UK — Key Statistics*. https://www.ageuk.org.uk/globalassets/age-uk/documents/reports-and-publications/reports-and-briefings/active-communities/rb_july16_older_people_and_internet_use_stats.pdf
- Tikhonova, N. E. (2018). Income Stratification in Russia: The Specific Features of the Model and the Vector of Changes. *Sociological Research*, 57(5–6), 266–285. <https://doi.org/10.1080/10610154.2018.1688078>
- van Dijk, J. (2017). Digital Divide: impact of access. In P. Rössler (Ed.). *The International Encyclopedia of Media Effects* (pp. 1–11). <https://doi.org/10.1002/9781118783764.wbieme0043>
- van Dijk, J. (2020). *The Digital Divide*. Polity.
- van Dijk, J., & Hacker, K. (2003). The Digital Divide as a complex and dynamic phenomenon. *The Information Society*, 19(4), 315–326.

- Weber, M. (1922). *Economy and Society. An Outline of Interpretative Sociology*. https://books.google.com/books/about/Economy_and_Society.html?hl=ro&id=pSdaNuIaUUEC
- Wold, S., Esbensen, K., & Geladi, P. (1987). Principal component analysis. *Chemometrics and Intelligent Laboratory Systems*, 2(1–3), 37–52. [https://doi.org/10.1016/0169-7439\(87\)80084-9](https://doi.org/10.1016/0169-7439(87)80084-9)
- Wu, X., & Treiman, D. J. (2004). The household registration system and social stratification in China: 1955–1996. *Demography*, 41(2), 363–384. <https://doi.org/10.1353/dem.2004.0010>
- Yu, R. P., Ellison, N. B., McCammon, R. J., & Langa, K. (2015). Mapping the two levels of digital divide: Internet access and social network site adoption among older adults in the USA. *Information, Communication and Society*, 19(10), 1–20. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1109695>
- Zaslavskaja, T. I. (1998). The Social Structure of Contemporary Russian Society. *Sociological Research*, 37(1), 5–31. <https://doi.org/10.2753/SOR1061-015437015>

Информация об авторе

Майкл Олумекор, научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория «Стратегии регионального развития: устойчивость и безопасность экономических систем», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
molumekor@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1764-2240>

Information about the author

Michael Olumekor, Researcher, Scientific Laboratory “Regional Development Strategies: Sustainability and Security of Economic Systems,” Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
molumekor@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1764-2240>

Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления: опыт Аргентины в контексте реформирования российского законодательства

Евгений Юрьевич Комлев^{1, 2}✉

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
Контакт для переписки: komleve@mail.ru✉

Аннотация. Автор полагает, что в условиях проводимой муниципальной реформы в России совершенствование механизмов общественного участия в муниципальном управлении должно стать одним из приоритетных направлений. Данное обстоятельство актуализирует вопрос о комплексном исследовании релевантного зарубежного опыта. В работе впервые в рамках отечественной науки муниципального права исследуется региональное (провинциальное) законодательство Аргентины в части регулирования форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. Научная новизна работы обусловлена комплексным системным исследованием правовых основ обеспечения участия населения в осуществлении местного самоуправления в Аргентине. В указанной части исследуются нормативные источники, которые ранее в отечественной науке муниципального права исследованы не были. Актуальность исследования связана с потребностью и своевременностью анализа зарубежного опыта муниципального строительства в контексте реализованной в России конституционной и продолжающейся муниципальной реформы. Акцент в работе сделан на таких формах участия, как выборы, референдум, отзыв выборных должностных лиц, участие населения в обсуждении различных вопросов посредством использования различных механизмов, создание децентрализованных территориальных образований. На основе сочетания сравнительно-правового и комплексного методов исследования автор приходит к выводу, что отдельные механизмы вовлечения населения в принятие решений на местном уровне могут быть приняты во внимание в рамках отечественного правопорядка. В частности, обращается

внимание на совершенствование процедуры отзыва выборных должностных лиц, повышение степени участия населения при реформировании территориальных основ организации муниципальной власти, обеспечение участия жителей отдельных населенных пунктах в осуществлении местного самоуправления при укрупнении муниципальных образований, институционализацию локальных сообществ. Анализ аргентинского опыта в указанной части может служить подспорьем для совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: муниципальная власть, местное самоуправление, муниципальные выборы, местный референдум, отзыв выборных должностных лиц, муниципальное образование, муниципальная реформа

Цитирование: Комлев Е. Ю. 2024. Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления: опыт Аргентины в контексте реформирования российского законодательства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 1 (37). С. 53–70. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-53-70>

Поступила 29.09.2023; одобрена 10.12.2023; принята 12.04.2024

Forms of public participation in local self-government: Argentina's experience in the context of reforming the Russian legislation

Evgeny Yu. Komlev^{1,2}✉

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

² Higher School of Economics, Moscow, Russia

Corresponding author: komleve@mail.ru✉

Abstract. In the context of the ongoing municipal reform in Russia, improving the mechanisms of public participation in municipal governance should become one of the priority areas. This circumstance raises the issue of a comprehensive study of relevant foreign experience. This article examines the regional legislation of Argentina in terms of regulating the forms of participation of the population in the implementation of local self-government. The author provides a comprehensive systematic study of the legal framework for ensuring public participation in the implementation of local self-government in Argentina. The article puts emphasis on such forms of participation forms, as elections, referendums, recall of elected officials,

participation of the population in the discussion of various issues through the use of various mechanisms, and the creation of decentralized territorial entities. Based on a combination of comparative legal and comprehensive research methods, the author concludes that certain mechanisms for involving the population in decision-making at the local level can be considered within the framework of the Russian legal order. Attention is drawn to improving the procedure for recalling elected officials, increasing the degree of population participation in reforming the territorial foundations of the organization of municipal government, ensuring the participation of residents of individual localities in the implementation of local self-government during the consolidation of municipalities, and the institutionalization of local communities. An analysis of the Argentine experience in this part can serve as an aid for improving Russian legislation.

Keywords: municipal authority, local self-government, municipal elections, local referendum, recall of elected officials, municipal formation, municipal reform

Citation: Komlev, E. Yu. (2024). Forms of public participation in local self-government: Argentina's experience in the context of reforming the Russian legislation. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(1), 53–70. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-53-70>

Received Sep. 29, 2023; Reviewed Dec. 10, 2023; Accepted Apr. 12, 2024

Введение

Организацию публичной власти на местном уровне на демократических началах справедливо рассматривать в качестве важнейшего элемента публично-властного устройства государства в целом.

Проведенная в 2020 г. конституционная реформа, а также инициированная в дальнейшем, но пока поставленная «на паузу» реформа муниципальная [Проект федерального закона ...] свидетельствуют о стремлении отечественного законодателя к совершенствованию системы организации местного самоуправления в стране.

При правовом регулировании института местного самоуправления важно учитывать его двойственный характер: местное самоуправление рассматривается и как институт гражданского общества, и как обязательный элемент в рамках единой системы публичной власти, своего рода «ступень властной вертикали» [Тарабан, 2018, с. 44]. Не случайно в условиях конституционной реформы на указанное обстоятельство в доктрине обращалось особое внимание [Приходько, Федорова, 2021]. Это связано с тем, что в последние несколько лет в законотворческой [Васильев, 2015] и правоприменительной практике [Чихладзе, Болдырев, 2020] основной акцент делается именно на той составляющей местного самоуправления, которая связана с его публично-властной частью.

Отчасти это, вероятно, связано с тем, что при подготовке текста Конституции 1993 г. была предпринята весьма решительная попытка по «разрыву» муниципальной власти

с государственной, однако соответствующей нормативно-правовой почвы для этого подготовлено не было. Некоторые авторитетные авторы, в частности, рассматривают редакцию статьи 12 Конституции России как основание для противопоставления двух видов публичной власти [Авакьян, 2020, с. 37].

Как бы то ни было, в контексте реформирования законодательства о муниципальной власти вопрос об участии населения в организации и осуществлении этой самой власти заслуживает не меньшего внимания, чем публично-властная ее, муниципальной власти, функция. В рамках отечественной доктрины муниципального права последнее время активное внимание в этом смысле уделяется институту территориально-общественного самоуправления, в том числе в контексте разграничения публичной и общественной власти [Гордеева, 2023], или, напротив, преимущественно в качестве формы общественного самоуправления [Братцева, 2019]. При этом об иных формах участия населения в осуществлении местного самоуправления говорится реже.

Указанные обстоятельства предопределяют актуальность исследования соответствующего зарубежного опыта. И если опыт европейских государств в рамках отечественной доктрины муниципального права изучен достаточно подробно, то, например, опыт государств Латинской Америки в этом смысле несколько незаслуженно обделен. Помимо комплексных и масштабных исследований профессора В. В. Еремяна [Еремян, 2016], вопросы муниципально-правового устройства латиноамериканских стран не получают должного внимания. В связи с этим опыт Аргентины — федеративного государства с большими полномочиями субъектов федерации по правовому регулированию института местного самоуправления — заслуживает отдельного анализа.

Методы

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, в которые вступают как население муниципального образования, так и отдельные граждане при осуществлении местного самоуправления в Аргентине. В качестве предмета исследования выступают нормы права, регулирующие формы и порядок участия населения в осуществлении местного самоуправления в Аргентине. Федеративный характер аргентинского государства предполагает активное участие субъектов федерации в отношении правового регулирования института местного самоуправления. В связи с этим в работе исследуются преимущественно региональные законодательные акты, регламентирующие рассматриваемые в статье вопросы.

Особенностью настоящей статьи является сочетание сравнительно-правового и комплексного методов исследования. В работе проводится сравнительный анализ подходов к правовому регулированию форм участия населения в осуществлении местного самоуправления в разных субъектах аргентинской федерации. Выявленные особенности отдельных провинций соотносятся с релевантными российскими подходами, оценивается возможность заимствования отдельных положений отечественным правовым порядком. В основу такой оценки положен комплексный учет особенностей муниципальных правоотношений в целом, а также тенденции развития института местного в России.

Результаты исследования и их обсуждение

Развитие законодательства Аргентины о местном самоуправлении имеет довольно интересные для анализа тенденции. Одним из вопросов, заслуживающих внимания, является определение природы муниципальной автономии. Если до 1994 г. такая автономия рассматривалась преимущественно как административная (по аналогии, в частности, с Испанией, где на политический характер региональной автономии и административный характер автономии местной указал Конституционный суд страны [Комлев, 2020]), то после конституционной реформы 1994 г. в Национальной Конституции прямо закреплён именно политический характер муниципальной автономии.

Примечательно, что «политизация» муниципальной автономии в Аргентине началась с указания на это в провинциальном законодательстве и практике Верховного суда страны [Gabriela Ábalos, 2022]. При этом в Аргентине на федеральном уровне отсутствует единое правовое регулирование института местного самоуправления, а законодательство субъектов федерации (двадцати трех провинций и Автономного города Буэнос-Айрес) отличается разнообразием. Не является в этом смысле и регламентация форм участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Выборы и референдум как форма непосредственного участия населения в осуществлении публичной власти

Говоря о формах непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления, в качестве основных зачастую справедливо указывают выборы и референдум. В части правового регулирования указанных форм участия населения законодательство Аргентины отличается определенными особенностями.

В первую очередь важно отметить, что участие в выборах в Аргентине (в том числе выборах муниципальных) является обязательным. Причем обязательное избирательное право закреплено как в тексте Конституции, так и в провинциальном законодательстве. Последнее, дополняя соответствующее федеральное регулирование, закрепляет некоторые обстоятельства, наличие которых предоставляет гражданам право не участвовать в выборах. Например, в провинции Мендоса обязательный характер избирательного права не распространяется на следующих лиц:

- лица в возрасте от 16 до 18 лет или в возрасте старше 70 лет;
- судьи и их помощники, работающие в день проведения выборов;
- лица, находящиеся в день проведения выборов на расстоянии более пятисот километров от места голосования, при условии надлежащего обоснования отсутствия в месте обоснования в день проведения выборов;
- лица, которые в связи с болезнью или иными чрезвычайными обстоятельствами не имеют возможности проголосовать на выборах¹.

¹ Mendoza. Elecciones: website. URL: <https://www.mendoza.gov.ar/elecciones/informacion-general-para-el-votante/#:~:text=El%20voto%20en%20Argentina%20tiene,los%2018%20a%C3%B1os%20de%20edad> [дата обращения: 25.09.2023].

При этом федеральное законодательство (в частности, Национальный избирательный кодекс, утвержденный Законом № 19.945) обязывает лиц, которые не голосуют по причине отсутствия в месте проведения выборов, зафиксировать факт отсутствия посредством явки в ближайшее отделение полиции.

В России вопрос об обязательном характере голосования достаточно давно исследуется в доктрине конституционного права [Гамбашидзе, 2001]. Интересна в этой связи позиция К. В. Арановского, который отмечает, что «обязанность голосовать, установленная в некоторых странах, обеспечивает всеобщие выборы под страхом наказания. В России не склонны к подобным мерам и до сих пор полагались на информирование и повышение правовой культуры силами избирательных комиссий. Но, как бы хорошо эта работа ни велась, избирателю в ней предложено быть получателем услуг, объектом воспитания, а не главным интересантом» [Арановский, 2010].

Всё же представляется, что в России потенциал по повышению явки на выборах, особенно муниципальных, еще не исчерпан. Например, заслуживает внимания и дополнительного анализа позиция о публикации списков проголосовавших и не проголосовавших граждан по результатам выборов, что потенциально может стимулировать явку и обеспечить повышение доверия к результатам выборов [Осейчук, 2016].

Кроме того, обязательность голосования на выборах нельзя рассматривать обособленно от комплексного подхода к правовому регулированию института местного самоуправления в целом и вопросов об участии населения в осуществлении местного самоуправления в частности. Вышеуказанные положения в Аргентине подкрепляются и иными, которые связаны также с механизмами обеспечения вовлечения населения в процесс осуществления муниципальной власти.

Например, в некоторых провинциях, помимо обязательного участия в выборах, отдельно указывается и на обязательный характер голосования на референдуме. Такое требование закреплено, в частности, Органическим законом провинции Рио-Негро от 15.12.1989 № 2.353 «О муниципиях».

При этом провинциальное законодательство в ряде случаев обязывает муниципальные власти выносить на местный референдум ряд весьма специфичных вопросов. Например, целая группа провинций в качестве обязательного предусматривает проведение местного референдума по вопросу о заключении долгосрочных концессионных соглашений. Такие положения закреплены, к примеру, в Органическом законе провинции Мисьонес от 20.10.2011 № XV «О муниципалитетах», Законе провинции Неукен «О муниципальном режиме».

Отдельного внимания заслуживает и вопрос участия иностранных граждан в голосовании на местных выборах и на местном референдуме. Законодательство всех субъектов аргентинской федерации в том или ином виде допускает участие иностранцев в голосовании при соблюдении некоторых (довольно лояльных) условий. Так, в соответствии с Органическим законом провинции Санта-Крус от 17.10.1958 № 55 «О муниципалитетах», иностранцы включаются в списки избирателей при условии соблюдения ими возрастного ценза и ценза оседлости (один год постоянного проживания в муниципальном образовании), а также одного из следующих требований: быть плательщиком

налогов в муниципальном образовании; иметь супруга/супругу или детей — граждан Аргентины; иметь работу или заниматься преподавательской деятельностью; иметь руководящую должность в профсоюзе или организации работников. Схожие требования закреплены и законодательством других субъектов федерации.

Указанный опыт заслуживает анализа применительно его использования в рамках российского правового порядка. Имеющиеся в российском законодательстве о местном самоуправлении положения об участии иностранцев в муниципальных выборах (в частности, привязка возможности реализации активного избирательного права к наличию соответствующего международного договора) значительно затрудняют их реализацию, и такие нормы в текущей редакции следует в лучшем случае рассматривать в качестве «спящих».

Отзыв выборных должностных лиц

Одним из изменений, предлагаемых вышеупомянутым проектом федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», является отказ от предусмотренного действующим законодательством механизма отзыва выборных должностных лиц.

С одной стороны, стоит признать, что действующие нормы являются в большей степени декларативными и на практике практически не применяются, в том числе из-за сложности реализации процедуры отзыва и низкого уровня вовлечения населения в избирательный процесс на муниципальном уровне.

Однако в условиях усиления публично-властной составляющей местного самоуправления, несомненно, требуются и меры, направленные на усиление второй составляющей института местного самоуправления — общественной. В связи с этим возможным видится некоторое реанимирование механизма отзыва выборных должностных лиц на муниципальном уровне. Если сложности реализации этой процедуры связаны в том числе с некоторыми законодательными противоречиями (как, например, некоторые противоречия в части оснований для отзыва), то в этой части законодательство может быть усовершенствовано. Особенно учитывая природу отзыва как механизма ответственности муниципальной власти непосредственно перед населением [Болдырев, 2022]. Потенциально можно рассмотреть и возможность изменения оснований для отзыва. Например, в условиях перехода к одноуровневой модели территориальной организации местного самоуправления правом на инициирование отзыва можно было бы наделить жителей отдельных населенных пунктов или избирательных округов.

Дифференцированный подход к рассматриваемому механизму предусмотрен и в Аргентине. Разные субъекты федерации по-разному регулируют основания для отзыва муниципальных выборных должностных лиц.

Например, Конституцией Автономного города Буэнос-Айрес и Органическим законом от 01.09.2005 № 1.777 «О коммунах» предусмотрено, что инициативу об отзыве может выдвинуть 20% населения соответствующего муниципального образования — коммуны. При этом законодательство не указывает конкретных оснований для отзыва, отмечая лишь, что отзыв может быть связан с деятельностью соответствующих должностных лиц.

После инициирования процедуры Верховный суд автономного города Буэнос-Айрес проводит проверку в части процедуры, и при отсутствии нарушений назначается голосование. Примечательно, что участие в голосовании по отзыву является обязательным, а отзыв считается состоявшимся, если за него проголосовали более половины избирателей.

Законодательство провинции Энтре-Риос исходит из того, что отозвать выборное должностное лицо можно за несоблюдение предвыборной программы или за нарушение должностными лицами обязанностей. При этом отзыв считается состоявшимся, если за сохранение выборным лицом проголосовало менее 80% от количества полученных на выборах голосов.

В свою очередь Конституцией провинции Огненная земля, Антарктида и острова Южной Атлантики предусмотрено получение согласия законодательного органа провинции для реализации процедуры отзыва.

Таким образом, провинциальное законодательство в Аргентине применяет различные подходы в части определения как оснований, так и процедуры отзыва. Данный опыт может быть использован при дальнейшей реализации муниципальной реформы в России в целях повышения степени участия населения в осуществлении муниципальной власти и контроля за деятельностью выборных должностных лиц. Альтернативой предложенному исключению института отзыва из законодательства могла бы стать дифференциация оснований для отзыва. В действующем законе о местном самоуправлении имеется норма о закреплении оснований для отзыва в уставах муниципальных образований, которая фактически неприменима в том числе из-за иных положений данного федерального закона. В контексте необходимости вовлечения жителей в управленческий процесс видится возможным предоставление субъектам федерации и муниципальным образованиям устанавливать собственное регулирование относительно оснований и процедуры отзыва при сохранении на федеральном уровне гарантий от злоупотребления.

Децентрализованные территориальные образования

Укрупнение муниципальных образований создает проблему отдаления жителей от местных органов публичной власти, что, как следствие, приводит к сокращению степени вовлеченности граждан в принятие управленческих решений на муниципальном уровне. Указанная проблема, как правило, решается либо посредством образования особых территориальных образований (без наделения их статусом муниципального образования), либо формированием децентрализованных муниципальных органов в отдельных населенных пунктах.

В России, например, в 2018 г. в законе о местном самоуправлении появилась статья 27.1, которая допускает назначение старост в сельских населенных пунктах, входящих в состав поселений, муниципальных или городских округов. Однако, несмотря на справедливо позитивную оценку такого механизма взаимодействия жителей отдельных населенных пунктов и органов муниципальной власти [Булгакова, Крупкин, 2022], он не решает комплексно проблему отдаления муниципальной власти от населения.

В аргентинском законодательстве предпринимаются разные попытки решить указанную проблему. Прежде всего стоит отметить, что провинции в этом смысле используют

две модели территориального устройства. В рамках первой предполагается категоризация муниципиев в зависимости (преимущественно) от количества жителей, проживающих в них. В таком случае нередко создаются небольшие муниципии, в которых проблема отдаления муниципальной власти от населения столь остро не встает. Второй подход — создание помимо муниципиев иных территориальных образований (нередко они именуется коммунами), в которых также формируются избранные органы муниципальной власти. При этом статус таких территориальных образований отличается от статуса муниципия как с институциональной точки зрения (в части сокращенного количества членов представительных органов, например), так и с точки зрения их самостоятельности (в том числе ввиду сокращенной компетенции и отсутствия политической автономии).

В других ситуациях, когда создаются более крупные муниципальные образования, обозначенная выше проблема решается разными способами. Так, в Автономном городе Буэнос-Айрес муниципальные образования именуется коммунами (которые не следует путать с коммунами в большинстве других субъектов федерации). При этом законодательство Буэнос-Айреса указывает, что коммуны разделяются на районы (*исп. barrios*). Такие районы не имеют какого-то специального статуса, они скорее являются исторически естественным образом сложившимися территориями, но без юридического статуса. В них не формируются собственные органы власти, но их жители вовлекаются в процесс управления коммуной. В условиях обязательного избирательного права органы власти коммуны, как правило, не игнорируют сложившийся порядок.

Законодательство Буэнос-Айреса содержит ряд положений, способствующих вовлечению жителей районов в процедуру принятия решений на уровне коммуны. Так, Органическим законом «О коммунах» закреплено, что органы управления коммун располагаются в наиболее доступном для ее жителей районном центре; также указывается на возможность образования представительств коммунальных органов в районах с учетом, среди прочего, идентичности района и интересов жителей. Кроме того, среди полномочий, осуществляемых коммуной совместно с городом, упоминается разработка рекламных акций, помощь и консультации негосударственным организациям жителей, обществ развития, кооперативным ассоциациям, потребителям и пользователям, районным клубам и другим некоммерческим гражданским объединениям, действующим на территории коммуны. Законом предусматривается и образование консультативных коммунальных советов при органах власти, которые, среди прочего, участвуют в обсуждении бюджета коммуны. При этом отдельно указывается, что заседания таких советов проводятся в разных районах, чтобы обеспечить вовлеченность жителей всех районов в управленческий процесс.

В свою очередь, Конституции провинции Сан-Луис устанавливает, что в сельских населенных пунктах с более чем 80 избирателями могут формироваться муниципальные делегации, которые зависят от ближайшего муниципия и управляются избираемым населением делегатом и его заместителем. Делегат, среди прочего, отвечает за выполнение общественных работ, контроль частных работ, соблюдение и обеспечение исполнения правовых актов муниципалитета.

В соответствии с Органическим законом провинции Огненная земля, Антарктида и острова Южной Атлантики от 28.09.1984 № 236 «О муниципалитетах», районные (соседские) комиссии воспринимаются как формирования, помогающие главе муниципального образования в выполнении им своих полномочий. Им могут быть предоставлены полномочия по наблюдению за выполнением публичных работ и оказанием публичных услуг, а муниципии регулируют порядок взаимодействия с ними в целях повышения качества работ и услуг.

Законодательство провинции Риоха (Органический закон от 09.12.1999 «О муниципалитетах») предусматривает возможность создания так называемых промежуточных территориальных образований для взаимодействия с населением, а также обязывает вести их учет. Среди прочего, в таких территориальных образованиях назначаются делегаты органов местного самоуправления.

Принимая во внимание тенденции правового регулирования в России, свидетельствующие об укрупнении муниципальных образований (в частности, целый ряд субъектов федерации полностью или частично перешли к одноуровневой модели муниципально-территориального устройства (Московская область, Удмуртская Республика, Ставропольский край и др.)), а также соответствующие положения законопроекта о местном самоуправлении (предлагающие отказ от двухуровневой модели муниципально-территориального устройства на всей территории России), соответствующий опыт Аргентины может быть адаптирован к российским реалиям. В случае полного перехода к одноуровневой муниципально-территориальной модели представляется целесообразным предоставить субъектам федерации дополнительные возможности по определению механизмов вовлечения населения в управленческий процесс. Вместе с тем на федеральном уровне видится уместным закрепление общих минимальных требований к вовлечению населенных пунктов и их жителей в деятельность органов местного самоуправления.

Участие населения в обсуждении различных вопросов

Законодательство Аргентины предусматривает и классические формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Практически все субъекты федерации закрепляют минимальный перечень форм непосредственной демократии — выдвижение правотворческой инициативы, участие в публичных слушаниях и общественных обсуждениях.

В ряде случаев такие формы участия населения в осуществлении местного самоуправления подкрепляются гарантиями нормативного характера.

Так, Органическим законом провинции Чако от 06.12.1995 № 4233 «О муниципиях» закреплено, что жители муниципиев должны в обязательном порядке участвовать в обсуждении проекта бюджета. Формы участия закрепляются в муниципальных правовых актах, но минимальная степень участия обеспечивается, в частности, посредством:

- обеспечения информированности граждан о возможности участия в обсуждении;
- обеспечением возможности личного присутствия;
- при необходимости — разделением города на «части» и обсуждением отдельных вопросов по частям.

Также указанный закон провинции Чако наделяет определенной субъектностью так называемые соседские общины (*исп. vecindario*), представители которых имеют право участвовать в принятии управленческих решений. Например, они могут инициировать общественные обсуждения, им также предоставляется право участвовать в заседаниях представительных органов, представляя доклады и участвуя в дискуссии по темам, представляющим для них интерес.

В свою очередь, Органическим законом провинции Жужуй от 25.10.1989 № 4466 «О муниципиях» закреплена обязанность муниципиев сотрудничать при принятии управленческих решений с различного рода образованиями, такими как профсоюзы рабочих, профессиональные и деловые организации. Примечательно, что и для такого рода организаций сотрудничество с муниципальными органами власти также рассматривается в качестве обязанности.

Схожие положения закреплены в Органическом муниципальном законе провинции Сан-Хуан от 19.11.2014 № 430-Р, где среди полномочий соседских общин указаны следующие:

- обращаться к властям с петициями по вопросам, представляющим их соответствующие интересы, и предлагать меры, которые они считают целесообразными;
- требовать технической и/или экономической помощи для выполнения общественных работ и услуг, имея возможность суброгации в таких задачах;
- заключать соглашения между собой и с муниципалитетом для достижения зональных целей;
- предлагать проекты постановлений, связанных с вопросами, представляющими муниципальный интерес.

Конституция провинции Сантьяго-дель-Эстеро также предусматривает возможность образования местных сообществ, обладающих субъектностью и участвующих в выработке управленческих решений.

Примечательно, что во всех изложенных случаях провинциальное законодательство не требует юридического оформления статуса таких сообществ, что упрощает коммуникацию представителей гражданского общества и муниципальной власти.

Важнейшим вопросом в части организации местного самоуправления является вопрос о территориальных основах. Российское законодательство исходит из того обязательного учета мнения населения при изменении границ или преобразовании муниципальных образований. При этом от имени населения позицию зачастую выражает представительный орган муниципального образования. При этом процедура изменения границ и преобразования муниципальных образований предполагает и проведение публичных слушаний. Однако представительный орган при выражении согласия на соответствующие изменения не связан результатами публичных слушаний. Несмотря на то, что такой подход признается судами оправданным [Определение КС РФ, 2020; Решение Моск. обл. суда, 2019], это явно свидетельствует о наличии проблем в части степени вовлеченности населения в решение столь важного вопроса.

В Аргентине в этой части ряд провинций устанавливают требование об обязательном проведении голосования жителей при изменении территориальных основ

организации муниципальной власти. Например, Органическим законом провинции Рио-Негро от 15.12.1989 № 2353 «О муниципиях» проведение референдума является обязательным условием как для объединения муниципальных образований, так и для их разделения.

В условиях наличия в России неоднозначной (с точки зрения ее оценки) тенденции на укрупнение муниципальных образований, подходов, складывающихся в правоприменительной практике, опыт Аргентины в этой части однозначно заслуживает внимания. Среди прочего, отдельного анализа заслуживают положения о наделении определенной субъектностью соседских общин. Проблема наделения местных сообществ субъектностью широко обсуждается и в рамках отечественной доктрины муниципального права, признается важность анализа соответствующего зарубежного опыта [Ларичев, 2019]. В последних исследованиях локальные сообщества предложено рассматривать в качестве средства преодоления городских конфликтов [Ларичев и др., 2023]. Институционализация таких сообществ могла бы стать важным шагом по вовлечению населения в управленческий процесс, сближения муниципальной власти и населения, что крайне важно в условиях тенденции на централизацию публичной власти.

Заключение

Анализ аргентинского законодательства о местном самоуправлении демонстрирует разнообразие подходов к регулированию форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. Такое разнообразие обусловлено отсутствием единого федерального регулирования рассматриваемого института и передачей соответствующих нормотворческих функций субъектам федерации — провинциям и автономному городу Буэнос-Айрес.

Аргентинский подход к организации муниципальной власти отличается прямым нормативным признанием муниципальной автономии в качестве политической. Такой подход нельзя назвать распространенным среди современных государств. В некоторых государствах (Испания, Германия) предполагается преимущественно административная самостоятельность местного самоуправления, что следует из законодательства или правоприменительной практики. В России на этот счет не сформулировано однозначной позиции: Конституционный суд Российской Федерации не отрицает наличия у муниципальной власти политической функции, но и не дает оснований считать, что органы местного самоуправления обладают полной политической автономией.

Восприятие политической автономии муниципальных образований предполагает наличие особенностей к правовому регулированию отдельных институтов. В частности, аргентинское законодательство исходит из обязательности участия в выборах всех уровней, в том числе муниципальных. Такой подход предполагает императивное вовлечение населения в осуществление местного самоуправления, что, вероятно, имеет позитивное влияние как минимум с точки зрения общественного контроля за деятельностью муниципальной власти. Тем не менее применительно к России такой подход на данном этапе не видится оправданным. Во-первых, он не решит, а замаскирует проблему низкой

вовлеченности жителей муниципальных образований в муниципальный избирательный процесс. Кроме того, это может вызвать отторжение в обществе, что не способствует сохранению консенсуса между властью и гражданским обществом.

В этой связи в большей степени заслуживает дополнительного анализа опыт Аргентины в части регулирования отдельных форм участия населения в осуществлении местного самоуправления (с точки зрения возможности его учета и заимствования при должной адаптации).

Так, провинциальное законодательство Аргентины демонстрирует различные подходы к институту отзыва выборных должностных лиц. В России, в условиях усиления влияния региональной власти на муниципальную (в том числе в части формирования органов местного самоуправления и назначения должностных лиц местных администраций), актуализируется вопрос о повышении влияния и населения на деятельность муниципальных чиновников. В настоящее время предусмотренный в отечественном законодательстве механизм отзыва муниципальных выборных должностных лиц практически нереализуем. В этой связи альтернативой его полного исключения из законодательства (как это предусмотрено проектом нового закона о местном самоуправлении) является корректировка подходов как в части оснований отзыва (например, отказ от обязательного судебного решения), так и в части процедуры. Видится целесообразным наделить субъекты федерации и муниципальные образования правом определения как оснований для отзыва, так и процедуры, с сохранением общих требований на уровне федеральном в качестве гарантии от злоупотреблений.

В отечественной доктрине муниципального права нередко встречается точка зрения о необходимости расширения перечня вопросов, которые подлежат решению на местном референдуме. Позиция, несомненно, заслуживает критического анализа, однако в этой части опыт Аргентины также весьма показателен: нередко на местный референдум выносятся вопросы, связанные с долгосрочным планированием экономической деятельности.

В развитие данной темы стоит отметить, что однозначно заслуживает внимания практика аргентинских провинций, предусматривающих обязательное проведение референдума или голосования по вопросу об изменении территориальных основ организации местного самоуправления. В условиях практики преобразования муниципальных образований и упразднения поселенческого уровня муниципальной власти данный вопрос в высшей степени актуален в рамках отечественного правопорядка. В условиях пока сохраняющейся двухуровневой модели муниципально-территориального устройства представляется актуальным включение соответствующих положений в федеральный закон о местном самоуправлении в целях повышения степени вовлеченности населения в решение столь важного вопроса.

Следствием укрупнения муниципальных образований является отдаление муниципальной власти от населения. В подобных случаях аргентинское законодательство нередко наделяет субъектностью либо отдельные образования внутри муниципиев, либо объединения граждан в том или ином виде. Обращает на себя внимание наделение статусом субъекта муниципальных правоотношений местных сообществ. Нельзя сказать,

что данный вопрос в рамках аргентинского правового порядка получил комплексную регламентацию, однако такой подход заслуживает внимания и дополнительного изучения с точки зрения возможности его заимствования. Проблема институционализации локальных сообществ широко обсуждается в отечественной доктрине. В связи с этим на основе в том числе исследования аргентинского опыта представляется целесообразным включение в законодательство о местном самоуправлении положений, направленных на признание субъектности локальных сообществ. Учитывая опыт зарубежных федеративных государств, предоставление полномочий субъектам федерации в указанной части также выглядит вполне возможным и обоснованным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Авакьян С. А. 2020. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. № 1. С. 31–44. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-1-31-44>
- Арановский К. В. 2010. Всеобщее избирательное право в его ценностных основаниях и издержках // Российский юридический журнал. № 4. С. 67–75.
- Болдырев О. Ю. 2022. Проект нового Закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. № 2. С. 65–70.
- Братцева Е. А. 2019. Территориальное общественное самоуправление — самостоятельный и автономный общественный институт // Государственная власть и местное самоуправление. № 5. С. 40–44.
- Булгакова Е. В., Крупкин П. Р. 2022. Институт сельского старосты в системе местного самоуправления: история и современность // Государственная власть и местное самоуправление. № 10. С. 29–34.
- Васильев В. И. 2015. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности // Журнал российского права. № 9. С. 149–161. <https://doi.org/10.12737/13047>
- Гамбашидзе И. А. 2001. Предвыборная агитация: правовые аспекты // Право и власть. № 1. С. 65–72.
- Гордеева И. В. 2023. Территориальное общественное самоуправление в России как национальная модель общественного участия в осуществлении публично-властных полномочий // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 83–108. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-83-108>
- Еремян В. В. 2016. Публичное право стран Латинской Америки: в 2 т. Т. 1. Становление и развитие институтов местного самоуправления (от городов-государств до конца XX века). М.: Международные отношения. 624 с.
- Комлев Е. 2020. Защита местной автономии в Конституционном суде Испании // Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (138). С. 89–111.
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.01.2023)
- Ларичев А. 2019. Вниз по лестнице, ведущей вверх: локальные сообщества и преодоление муниципального кризиса // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (130). С. 85–97.

- Ларичев А. А., Солдатова Л. В., Таболин В. В. 2023. Локальные сообщества как средство разрешения городских конфликтов // RUDN Journal of Law. Vol. 27. No. 4. Pp. 902–918. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918>
- Определение Конституционного суда Российской Федерации от 29.10.2020 № 2414-О. <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision501717.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
- Осейчук В. И. 2016. О лучших представителях народа, чистых и честных выборах // Конституционное и муниципальное право. № 3. С. 31–36.
- Приходько Т. В., Федорова О. В. 2021. Местное самоуправление в контексте поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года // Муниципальная служба: правовые вопросы. № 1. С. 16–19.
- Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 14.02.2024).
- Решение Московского областного суда от 14 августа 2019 г. по делу № 3а-839/2019 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
- Тарабан Н. А. 2018. Местное самоуправление в России: институт гражданского общества или ступень властной вертикали? // Государственная власть и местное самоуправление. № 3. С. 44–49.
- Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
- Чихладзе Л. Т., Болдырев О. Ю. 2020. Местное самоуправление в правовых позициях Конституционного Суда РФ и его судей в контексте конституционной реформы 2020 // Антиномии. Т. 20. Вып. 3. С. 71–87. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10304>
- Constitución de la Ciudad Autónoma de Buenos Aires de 1996 [Конституция Автономного города Буэнос-Айрес 1996 г.] // Congreso de la Nación Argentina: off. website. <https://www.congreso.gov.ar/constituciones/CABA.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
- Constitución de la provincia de San Luis de 1987 [Конституции провинции Сан-Луис 1987 г.] // Congreso de la Nación Argentina: off. website. <https://www.congreso.gov.ar/constituciones/SAN-LUIS.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
- Constitución de la provincia de Santiago del Estero de 2005 [Конституция провинции Сантьяго-дель-Эстеро 2005 г.] // Congreso de la Nación Argentina: off. website. <https://www.congreso.gov.ar/constituciones/SANTIAGO-DEL-ESTERO.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
- Constitución de la provincia de Tierra del Fuego, Antártida e islas del Atlántico Sur de 1991 [Конституция провинции Огненная земля, Антарктида и острова Южной Атлантики 1991 г.] // Congreso de la Nación Argentina: off. website. <https://www.congreso.gov.ar/constituciones/TIERRA-DEL-FUEGO.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
- Código electoral nacional, Ley de 18 de agosto de 1983 [Национальный избирательный кодекс Аргентины, утвержденный Законом от 18.08.1983 № 19.945] // Официальный бюллетень от 6 октября 1983 г.
- Gabriela Ábalos M. 2022. Fundamentos para la autonomía municipal de la mano de un obiter dictum // Forum. No. 13. Pp. 79–102.
- La Constitución de la Nación Argentina de 1853, reformada en 1994 [Национальная Конституция Аргентины 1853 г. (в редакции 1994 г.)] // Argentina.gov.ar: off. website. <https://www.argentina.gov.ar/normativa/nacional/804/texto> (дата обращения: 19.03.2024).

- Ley orgánica de la Ciudad Autónoma de Buenos Aires de 1 de septiembre de 2005 № 1.777 “De comunas” [Органический закон Автономного города Буэнос-Айрес от 01.09.2005 № 1.777 «О коммунах»] // Официальный бюллетень от 7 октября 2005 г.
- Ley orgánica de la Provincia de Chaco de 6 de diciembre de 1994 № 6.843 “De municipios” [Органический закон провинции Чако от 06.12.1995 № 4233 «О муниципиях»] // Официальный бюллетень от 11 декабря 1995 г.
- Ley orgánica de la Provincia de Jujuy de 25 de octubre de 1989 № 4.466 “De municipios” [Органический закон провинции Жужуй от 25.10.1989 № 4466 «О муниципиях»] // Официальный бюллетень от 28 марта 1990 г.
- Ley orgánica de la Provincia de la Rioja de 9 de diciembre de 1999 № 6.843 “De municipalidades” [Органический закон провинции Риоха от 09.12.1999 № 6.843 «О муниципалитетах»] // Официальный бюллетень от 11 января 2000 г.
- Ley orgánica de la Provincia de Misiones de 20 de octubre de 2011 № XV “De municipalidades” [Органический закон провинции Мисьонес от 20.10.2011 № XV «О муниципалитетах»] // Официальный бюллетень от 13 декабря 2011 г.
- Ley orgánica de la Provincia de Provincia de Tierra del Fuego, Antártida e Islas del Atlántico Sur de 28 de septiembre de 1984 № 236 “De municipalidades” [Органический закон провинции Огненная земля, Антарктида и острова Южной Атлантики от 28.09.1984 № 236 «О муниципалитетах»] // Официальный бюллетень от 14 мая 1985 г.
- Ley orgánica de la Provincia de Río Negro de 15 de diciembre de 1989 № 2.353 “De municipios” [Органический закон провинции Рио-Негро от 15.12.1989 № 2.353 «О муниципиях»] // Официальный бюллетень от 6 ноября 1990 г.
- Ley orgánica de la Provincia de Santa Cruz de 17 de octubre de 1958 № 55 “De municipalidades” [Органический закон провинции Санта-Крус от 17.10.1958 № 55 «О муниципалитетах»] // Официальный бюллетень от 30 октября 1958 г.
- Ley orgánica municipal de la Provincia de San Juan de 19 de noviembre de 2014 № 430-P [Органический муниципальный закон провинции Сан-Хуан от 19.11.2014 № 430-P] // Официальный бюллетень от 16 мая 2015 г.

References

- Avakyan, S. A. (2020). Drafts of laws on amendments to the constitution of the Russian Federation: is round four coming? *Constitutional and Municipal Law*, (1), 31–44. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-1-31-44> [In Russian]
- Aranovskiy, K. V. (2010). Universal suffrage and its value grounds and costs. *Russian Juridical Journal*, (4), 67–75. [In Russian]
- Boldyrev, O. Yu. (2022). The Draft of a New Law on Local Self-Government without Self-Government. *Constitutional and Municipal Law*, 65–70. [In Russian]
- Brattseva, E. A. (2019). Territorial Public Self-government: an Independent and Autonomous Public Institution. *State power and Local Self-Government*, (5), 40–44. [In Russian]
- Bulgakova, E. V., & Krupkin, P. R. (2022). The Village Elder Institution in the System of Local Self-Government: History and Modern Times. *State Power and Local Self-Government*, (10), 29–34. [In Russian]
- Vasiliev, V. I. (2015). Local self-government on the way to centralization and reduction of electivity. *Journal of Russian Law*, 3(9), 149–161. <https://doi.org/10.12737/13047> [In Russian]

- Gambashidze, I. A. (2001). Election campaign: legal aspects. *Law and Power*, (1), 65–72. [In Russian]
- Gordeeva, I. V. (2023). Territorial self-government in Russia as a national model of public participation in the exercise of public authority. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 83–108. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-83-108> [In Russian]
- Eremyan, V. V. (2016). *Public law of Latin American Countries in 2 vols. Vol. 1. Formation and Development of Local Self-Government Institutions (From City-States to the End of the Twentieth Century)*. International Relations. [In Russian]
- Komlev, E. (2020). Defense of local autonomy in the Constitutional Court of Spain. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 29(5), 89–111. [In Russian]
- Constitution of the Russian Federation (1993). Retrieved Jan. 31, 2023, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [In Russian]
- Larichev, A. (2019). Down the stairs leading up: local communities and overcoming the municipal crisis. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 28(3), 85–97 [In Russian]
- Larichev, A. A., Soldatova, L. V., & Tabolin, V. V. (2023). Local communities as a tool for urban conflict resolution. *RUDN Journal of Law*, 27(4), 902–918. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918> [In Russian]
- Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation, No. 2414-O (2020). Retrieved Mar. 19, 2024, from <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision501717.pdf>
- Oseychuk, V. I. (2016). On the Best Representatives of the People, Net and Fair Elections. *Constitutional and Municipal Law*, (3), 31–36. [In Russian]
- Prikhodko, T. V., & Fedorova, O. V. (2021). Local Self-Government within the Framework of the Amendments to the Constitution of the Russian Federation Adopted in 2020. *Municipal Service: Legal Issues*, (1), 16–19. [In Russian]
- On the general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority, Draft Federal Law, No. 40361-8 (n.d.). Retrieved Feb. 14, 2024, from <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> [In Russian]
- Sertakov v. Voronezh Region Government, Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography in Voronezh Region, FSSRCC Federal Cadastral Chamber, (Moscow Regional, 2019). [In Russian]
- Taraban, N. A. (2018). Local self-government in Russia: a civil society institution or a step in the power vertical? *State Power and Local Self-Government*, (3), 44–49. [In Russian]
- On the general principles of the organization of local self-government in the RF (with amendments and additions), RF Federal Law, No. 131-FZ (2003). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (40), art. 3822. [In Russian]
- Chikhladze, L. T., & Boldyrev, O. Yu. (2020). Local self-government in legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and its judges in the context of Constitutional reform 2020. *Antinomii=Antinomies*, 20(3). 71–87. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10304> [In Russian]
- Constitución de la Ciudad Autónoma de Buenos Aires de 1996. Retrieved Mar. 19, 2024, from <https://www.congreso.gov.ar/constituciones/CABA.pdf> [In Spanish].
- Constitución de la provincia de San Luis de 1987. Retrieved Mar. 19, 2024, from <https://www.congreso.gov.ar/constituciones/SAN-LUIS.pdf> [In Spanish].
- Constitución de la provincia de Santiago del Estero de 2005. Retrieved Mar. 19, 2024, from <https://www.congreso.gov.ar/constituciones/SANTIAGO-DEL-ESTERO.pdf> [In Spanish].

- Constitución de la provincia de Tierra del Fuego, Antártida e islas del Atlántico Sur de 1991. Retrieved Mar. 19, 2024, from <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/TIERRA-DEL-FUEGO.pdf> [In Spanish].
- Código electoral nacional, Ley de 18 de agosto de 1983 // Boletín Oficial, 6 de Septiembre de 1983. [In Spanish]
- Gabriela Ábalos, M. (2022). Fundamentos para la autonomía municipal de la mano de un obiter dictum. *Forum*, (13), 79–102.
- La Constitución de la Nación Argentina de 1853, reformada en 1994. Retrieved Mar. 19, 2024, from <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/804/texto> [In Spanish].
- Ley orgánica de la Ciudad Autónoma de Buenos Aires de 1 de septiembre de 2005 № 1.777 “De comunas” // Boletín Oficial, 7 de Octubre de 2005 [In Spanish].
- Ley orgánica de la Provincia de Chaco de 6 de diciembre de 1994 № 6.843 “De municipios” // Boletín Oficial, 11 de Diciembre de 1994 [In Spanish].
- Ley orgánica de la Provincia de Jujuy de 25 de octubre de 1989 № 4.466 “De municipios” // Boletín Oficial, 28 de Marzo de 1990 [In Spanish].
- Ley orgánica de la Provincia de la Rioja de 9 de diciembre de 1999 № 6.843 “De municipalidades” // Boletín Oficial, 11 de Enero de 2000 [In Spanish].
- Ley orgánica de la Provincia de Misiones de 20 de octubre de 2011 № XV “De municipalidades” // Boletín Oficial, 13 de Diciembre de 2011 [In Spanish].
- Ley orgánica de la Provincia de Provincia de Tierra del Fuego, Antártida e Islas del Atlántico Sur de 28 de septiembre de 1984 № 236 “De municipalidades” // Boletín Oficial, 14 de Mayo de 1985 [In Spanish].
- Ley orgánica de la Provincia de Río Negro de 15 de diciembre de 1989 № 2.353 “De municipios” // Boletín Oficial, 6 de Noviembre de 1990 [In Spanish].
- Ley orgánica de la Provincia de Santa Cruz de 17 de octubre de 1958 № 55 “De municipalidades” // Boletín Oficial, 30 de Octubre de 1958 [In Spanish].
- Ley orgánica municipal de la Provincia de San Juan de 19 de noviembre de 2014 № 430-P // Boletín Oficial, 16 de Mayo de 2015 [In Spanish].

Информация об авторе

Евгений Юрьевич Комлев, кандидат юридических наук, заместитель директора юридического института по научной работе, доцент кафедры муниципального права, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; доцент департамента публичного права, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», Москва, Россия komleve@mail.ru

Information about the author

Evgeny Yu. Komlev, Cand. Sci. (Jur.), Deputy Dean for Research, Associate professor, Department of Municipal Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; Associate Professor, School of Public Law, Faculty of Law, Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia komleve@mail.ru

Особенности назначения наказания судами Луганской Народной Республики в условиях проведения специальной военной операции

Нелли Станиславовна Жарикова¹✉, Павел Александрович Жариков²

¹ Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганск, ЛНР, Россия

² Прокурор Каменновобродского района г. Луганска, Луганск, ЛНР, Россия
Контакт для переписки: nellilug91@gmail.com✉

Аннотация. В данной статье освещены исторические аспекты присоединения Луганской Народной Республики к Российской Федерации. Авторами рассмотрены особенности применения судами Луганской Народной Республики уголовного закона Российской Федерации в период интеграции нового субъекта в правовую систему Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем раскрывается механизм индивидуализации наказания подсудимых, являющихся участниками специальной военной операции по защите гражданского населения Донецкой и Луганской Народных Республик, в том числе реализованный путем назначения условного осуждения. В статье раскрываются особенности применения судами в качестве смягчающего наказание обстоятельства участие в специальной военной операции. Исследована складывающаяся практика назначения наказания лицам за совершение криминальных деяний до дня вхождения ЛНР в состав Российской Федерации. Также изучены вопросы формирования судебной практики применения норм уголовного и международного права при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных в отношении мирного населения ЛНР. Сделано заключение о том, что судами обоснованно и справедливо применяются нормы уголовного кодекса ЛНР, которые улучшают положение осужденных.

Ключевые слова: суд, приговор, наказание, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности, смягчающие обстоятельства, условное осуждение, обратная сила уголовного закона, ультраактивность

Цитирование: Жарикова Н. С., Жариков П. А. 2024. Особенности назначения наказания судами Луганской Народной Республики в условиях проведения специальной военной операции // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 1 (37). С. 71–85. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-71-85>

Поступила 19.10.2023; одобрена 26.01.2024; принята 12.04.2024

The sentencing specifics of the courts in the Lugansk People’s Republic during the special military operation

Nelli S. Zharikova¹✉, Pavel A. Zharikov²

¹ Lugansk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Lugansk, LPR, Russia

² Prosecutor of Kamennobrodskiy district of Lugansk, Lugansk, LPR, Russia
Corresponding author: nellilug91@gmail.com✉

Abstract. This article highlights the historical aspects of integrating the Lugansk People’s Republic (LPR) into the Russian Federation. The authors consider the specifics of the application of Russian criminal law by the courts of the LPR during its integration into the Russian legal system. The mechanism is shown which provides a unique punishment for the defendants who participated in special military operation for protecting the civilian population of Donetsk and Lugansk People’s Republics that is realized by giving suspended sentences. The article reveals the specifics of the courts acknowledging the defendant’s participation in a special military operation as a mitigating circumstance. The current practice of imposing punishment upon those who committed crimes before the day of LPR’s incorporation into the RF is examined. The issues of the formation of judicial practice of applying the norms of criminal and international law when dealing cases of crimes against civilians of the LPR were examined. The results show that the courts reasonably equally apply the provisions of the criminal law of LPR if it does not worsen the status of the convicted persons.

Keywords: court, sentence, punishment, differentiation and individualization of criminal liability, mitigating circumstances, suspended sentence, retroactive force of criminal law, ultraactivity

Citation: Zharikova, N. S., & Zharikov, P. A. (2024). The sentencing specifics of the courts in the Lugansk People's Republic during the special military operation. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(1), 71–85. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-71-85>

Received Oct. 19, 2023; Reviewed Jan. 26, 2024; Accepted Apr. 12, 2024

Введение

С 2014 г. украинские власти проводят агрессивную политику в отношении граждан Луганской Народной Республики (далее — ЛНР), выразившуюся в принятии дискриминационных нормативных актов, практике агрессивного национализма и русофобии.

В ответ на украинскую агрессию, в соответствии с закрепленным в Уставе ООН принципом равноправия и самоопределения народов [Устав ООН, п. 2 ст. 1], население ЛНР реализовало законное право на создание собственного государства и свободное присоединение к другому независимому государству [Декларация о принципах международного права ...].

Реализация названных международных норм выразилась в провозглашении независимости ЛНР, издании 27 апреля 2014 г. Декларации о суверенитете республики. В тот же день объявлено о государственной самостоятельности республики. По итогам состоявшегося 12 мая 2014 г. референдума провозглашена независимость ЛНР. Этот день является государственным праздником — Днем Луганской Народной Республики.

Несмотря на принятое решение о независимости и самоопределении, украинские власти не оставляют попыток насильственного захвата территории ЛНР, продолжают вооруженную агрессию, в том числе против мирного населения республики.

Руководствуясь нормами международного права, 21 февраля 2022 г. Россия признала независимость ЛНР. С целью обеспечения мира и безопасности 21 февраля 2022 г. ратифицирован Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между государствами (далее — Договор). Во исполнение указанного Договора, а также в целях защиты мирного населения Донбасса от военного вторжения украинских формирований 24 февраля 2022 г. президентом Российской Федерации объявлено о начале специальной военной операции.

Противодействуя внешней вооруженной агрессии, Народный Совет ЛНР принял решение о проведении 27 сентября 2022 г. референдума, по итогам которого большинство жителей республики выразили намерение о воссоединении с Российской Федерацией. После оглашения результатов референдума 30 сентября 2022 г. подписан двусторонний Договор о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта — Луганской Народной Республики.

С момента подписания вышеуказанного договора в ЛНР применяется законодательство Российской Федерации. На территории ЛНР до окончания переходного периода, установленного до 1 января 2026 г. [О принятии в Российскую Федерацию..., ч. 3 ст. 4], действуют законы ЛНР, до принятия новых законодательных актов.

В данной статье рассмотрены особенности применения судами ЛНР российского законодательства при рассмотрении уголовных дел, назначении наказаний, в том числе гражданам — участникам специальной военной операции.

Методы

При написании статьи использовались диалектический, сравнительно-правовой и формально-логический методы исследования. В работе проведен сравнительный анализ уголовно-правовых норм Российской Федерации и ЛНР, в которых определена категория преступлений и размеры наказаний за конкретные преступные деяния.

Результаты и обсуждение

Функция по отправлению правосудия в Российской Федерации является исключительной прерогативой суда.

В данный момент в ЛНР происходит формирование судебной ветви власти, созданные судебные органы интегрируются в правовую систему Российской Федерации. В условиях переходного периода задачи по осуществлению правосудия осуществляют федеральные суды общей юрисдикции, подлежат решению задачи по формированию корпуса мировых судей.

Конституцией Российской Федерации закреплено, что только суд может признать лицо виновным либо невиновным в совершении преступления и подвергнуть наказанию в установленном законом порядке. Итогом судебного разбирательства является приговор суда, которым гражданин может быть оправдан либо признан виновным с назначением наказания [О судебном приговоре]. Одним из условий справедливого правосудия является соответствие приговора требованиям закона, а также его обоснованность и справедливость. В приговоре реализуется правоохранительная функция государства, связанная с обеспечением правопорядка и защитой интересов общества.

Определенные Уголовным законом цели наказания направлены на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, а также недопущение совершения преступником новых противоправных деяний (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

В науке в качестве целей наказания выделяется общая и специальная превенция [Фисюн, 2020]. Первая заключается в информировании общества о карательных мерах, применяемых к лицам, совершившим уголовное преступление. Задачей специальной превенции выступает предотвращение (профилактика) совершения новых криминальных деяний лицами, ранее совершавшими преступления.

Уголовная политика государства наиболее полно отражается в форме криминализации (декриминализации), гуманизации и либерализации уголовного закона.

В современном обществе особую обеспокоенность вызывают преступления, носящие межгосударственный характер, проявляющиеся в агрессивной политике, направленной на подавление воли населения силовым методом, и захвате суверенных территорий.

События, связанные с вооруженной агрессией Украины, и преступные военные деяния, вызвавшие в попытках завладения территориями Донбасса, находят соответствующую

уголовно-правовую оценку как на досудебной стадии, так и по итогам судебного рассмотрения дел. Это проявляется в принятии органами предварительного следствия решений о возбуждении уголовных дел о совершенных военнослужащими ВСУ запрещенных деяний против мира и человечества, в том числе по фактам гибели населения ЛНР и применения запрещенных методов ведения войны, проведении объективного предварительного следствия и последующих судебных разбирательствах.

Такие преступные деяния посягают на гарантированные нормами международного права мир и безопасность всего человечества. Данные деяния представляют собой значительную общественную опасность, поскольку нарушают и дестабилизируют принцип мирного сосуществования людей на планете. Более того, подобные действия причиняют вред национальным, этническим, расовым, религиозным интересам различных социальных групп, а также создают реальную угрозу для выживания человечества.

Одним из основных способов достижения задач по поддержанию мирового порядка является установление строгой уголовной ответственности за преступления указанной категории в национальном праве страны.

В отечественном правовом поле ответственность за противоправные деяния против мира и безопасности человечества введена Уголовным кодексом 1996 г. Защита, поддержание мира и безопасности человечества является одной из основных и приоритетных целей уголовного закона.

К преступлениям данного вида относятся деяния, посягающие на мирное сосуществование и безопасность человечества (ст. 353–360 УК РФ).

Дополнение уголовного законодательства новыми нормами обусловлено соблюдением норм международного права, являющихся средством сохранения международного мира и предупреждения войн. Основными источниками норм международного права, устанавливающими ответственность за совершение вышеупомянутых преступлений, являются Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, а также Устав Токийского международного военного трибунала.

Среди преступлений против мира и безопасности человечества выделяют преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности [Устав Международного Военного Трибунала ..., ст. 6]. К данной группе преступлений следует также отнести пытки, терроризм, геноцид, применение ядерного оружия, разжигание расовой розни.

Последствиями многочисленных военных преступлений со стороны вооруженных формирований Украины стали многочисленные человеческие жертвы, разрушенные жилые дома и объекты гражданской инфраструктуры.

Анализ складывающейся судебной практики показал, что судами ЛНР по результатам рассмотрения дел о противоправных деяниях, совершенных против мирного населения ЛНР, дается принципиальная, справедливая оценка противоправным действиям членов вооруженных формирований Украины. Полагаем, что принимаемые решения являются правосудными, справедливыми и основаны на законе.

К примеру, в процессе рассмотрения Верховным Судом ЛНР уголовного дела в отношении механика-водителя отдельной механизированной бригады войсковой части ВСУ, обвиняемого в жестоком обращении с гражданским населением, применении запрещенных средств и методов ведения войны, а также в умышленном повреждении чужого имущества, путем взрыва, судом установлено, что с апреля 2014 г. в юго-восточной части Украины имел место вооруженный конфликт немеждународного характера между ополчением самопровозглашенной ЛНР с одной стороны и Вооруженными силами Украины с другой стороны.

На основании Соглашения Минской группы (далее — Соглашение) с 15 февраля 2015 г. в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины (в настоящее время — ДНР и ЛНР) подлежал прекращению режим ведения огня, отвод тяжелых вооружений, а также выполнение иных мероприятий при содействии Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ.

Несмотря на это, в указанных регионах достигнутые соглашения не выполнялись. Военнослужащие вооруженных формирований Украины продолжали обстрелы жилых кварталов с применением запрещенных средств, что привело к гибели и причинению вреда здоровью граждан, проживающих в ДНР и ЛНР, разрушению жилых домов и иных объектов гражданской инфраструктуры и жизнеобеспечения населения.

Учитывая волеизъявление жителей ДНР и ЛНР, отказ украинских властей от выполнения достигнутого Соглашения, в соответствии с изданными 21 февраля 2022 г. указами президента Российской Федерации, ДНР и ЛНР признаны в качестве суверенных и независимых государств [О признании...]. В связи с этим продолжавшийся вооруженный конфликт между Украиной с одной стороны, а также ДНР и ЛНР с другой стороны, приобрел статус международного.

В ходе развивающегося вооруженного конфликта в населенных пунктах ЛНР, находившихся под контролем ВСУ, на гражданское население распространялись гарантии, предусмотренные ст. 27 и 32 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «О защите гражданского населения во время войны» (ратифицирована 10 мая 1954 г., вступила в силу для СССР 10 ноября 1954 г.), в силу которых запрещено причинять физические страдания либо совершать иные действия, которые могут привести к уничтожению покровительствуемых лиц. Такой запрет установлен не только на убийства, пытки, причинение телесных повреждений и увечий, но и на любое иное насилие со стороны гражданских или военных лиц.

Также на гражданское население указанных территорий распространялись гарантии, предусмотренные п. 2 ст. 51, п. 1 и 2 ст. 75 Дополнительного протокола I от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (подписан СССР 12 декабря 1977 г., ратифицирован 4 августа 1989 г., вступил в силу для СССР 29 марта 1990 г.), согласно которым гражданское население и отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений; запрещается насилие над жизнью и здоровьем, в частности убийства лиц, находящихся под властью одной из сторон конфликта.

В нарушение вышеуказанных гарантий, 17 мая 2022 г. около 16 часов 50 минут солдатом Н., находящимся на крыше многоквартирного жилого дома в одном из населенных

пунктов ЛНР, принято не обусловленное военной необходимостью решение об уничтожении объектов гражданской инфраструктуры, находящихся на территории данного города, а также имущества проживающих в указанном населенном пункте граждан, повлекшее причинение значительного ущерба.

Таким образом, у солдата, негативно относившегося к жителям ЛНР, занимавшим пророссийские позиции, преследовавшего политические мотивы и идеологическую вражду, возникло преступное желание, направленное на жестокое обращение с гражданским населением и применение запрещенных методов ведения боевых действий, а также на повреждение чужого имущества граждан с причинением значительного ущерба.

Во исполнение преступного намерения Н., находясь в вышеуказанном месте, действуя умышленно, общественно опасным способом — путем взрыва, в целях устрашения мирного населения путем уничтожения и повреждения объектов гражданской инфраструктуры и чужого имущества граждан в значительном размере, достоверно зная об отсутствии воинских подразделений ЛНР и Российской Федерации в данном населенном пункте, понимая, что в нем проживают мирные жители, не имеющие возможности его покинуть, достал ручной противотанковый гранатомет РПГ-7, зарядив в него гранату с осколочной боевой частью, осуществил прицеливание и выстрел в направлении квартиры в жилом доме, принадлежащей гражданке Б., т. е. осуществил акт нападения на гражданские объекты в ходе вооруженного конфликта.

Указанные противоправные действия Н., в результате детонации гранаты и разлета ее осколков, повлекли за собой повреждение остекления принадлежащей Б. квартиры, с причинением последней значительного материального ущерба на сумму 10 700 руб. 82 коп.

Рассматривая уголовное дело, суд руководствовался нормами уголовного законодательства Российской Федерации, что соответствует требованиям ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.07.2023 № 395-ФЗ и не ухудшает положения осужденного.

При провозглашении приговора подсудимому суд, руководствуясь установленными законом критериями назначения справедливого наказания (ч. 1 ст. 6 УК РФ), исследовал обстоятельства совершения преступления, а также личность виновного. Судом приняты во внимание как смягчающие, так и отягчающие наказание обстоятельства.

Назначая Н. наказание, суд обоснованно признал в качестве смягчающего обстоятельства оказание содействия следствию, которое выразилось в полных, последовательных и правдивых показаниях об обстоятельствах совершения преступных действий, в том числе о месте, с которого им произведен выстрел, и о примененном оружии; а также полное признание своей виновности и раскаяние в содеянном (ч. 2 ст. 61 УК РФ).

В качестве отягчающих наказание обстоятельств суд расценил совершение преступлений по мотивам политической и идеологической ненависти (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, в условиях вооруженного конфликта (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

При отправлении правосудия судом учтены тяжесть и общественная опасность совершенных Н. преступлений, которые относятся к категории особо тяжких преступлений и преступлений средней тяжести, и справедливо определено, что наказание, связанное с изоляцией от общества на длительный срок, послужит целям наказания —

восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых преступлений.

Оснований для назначения Н. более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией статьи, а также об условном осуждении, судом не установлено.

С учетом исследованных доказательств, суд признал Н. виновным в жестоком обращении с гражданским населением ЛНР и применении в вооруженном конфликте запрещенных средств и методов, а также причинении ущерба. Приговором суда, провозглашенным 29 августа 2023 г., украинский военнослужащий Н. осужден к реальному наказанию по ч. 1 ст. 356 УК РФ в виде 13 лет лишения свободы; по ч. 2 ст. 167 УК РФ — 3 лет лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Н. назначено окончательное наказание в виде 15 лет лишения свободы, которое осужденному надлежит отбывать в исправительной колонии строгого режима.

Назначенное судом наказание, по нашему мнению, полностью отвечает цели восстановления социальной справедливости, является соразмерным характеру совершенного преступного деяния.

При определении размера наказания суды руководствуются принципом справедливости. Критерием определения объема и пределов ответственности за совершение различных противоправных деяний служит степень их общественной опасности.

В науке дифференциация уголовной ответственности рассматривается как принцип уголовной политики, который осуществляется законодателем. В основе дифференциации лежит степень общественной опасности деяния, которая лежит в основе классификации преступлений, а также особенности личности виновного лица и обстоятельства совершения преступления.

Средствами дифференциации наказания выступают категоризация преступлений, смягчающие и отягчающие обстоятельства, перечень которых определен законом, рецидив, институт соучастия, освобождение от ответственности и наказания, форма вины, квалифицирующие признаки составов преступлений [Андреев, Лобанова, 2006], возможность применения дополнительных видов наказаний и т. д.

Таким образом, принцип дифференциации уголовной ответственности отражен в российском уголовном законе [Огнерубов, 2019] и реализован путем установления предельных размеров санкции за совершение отдельных видов преступлений.

В тесной связи с дифференциацией находится понятие индивидуализации уголовной ответственности, которое касается определения правоприменительным органом (судом) конкретной меры наказания для лица, совершившего преступления, с учетом индивидуальных обстоятельств, личных характеристик и степени общественной опасности содеянного. При этом индивидуализация наказания предполагает обязательную оценку последующего поведения виновного после совершения деяния [Сенцов, Волколупова, 2013]. В случае, если дальнейшее поведение подсудимого свидетельствует о его исправлении, к нему может быть применено условное осуждение.

В современных условиях тенденцией уголовной политики государства является расширение границ индивидуализации ответственности.

С 21 сентября 2022 г. в стране объявлена частичная мобилизация [Об объявлении частичной...], в связи с чем призванные на военную службу в порядке мобилизации граждане получили статус военнослужащих, проходящих службу по контракту.

В связи с увеличением числа добровольцев, а также лиц, проходящих военную службу на контрактной основе, набирает актуальность вопрос возможности освобождения таких граждан от уголовного наказания.

Лица, проходившие службу в составе добровольческих формирований на территориях ДНР и ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, либо в составе вооруженных формирований Донбасса с 11 мая 2014 г., а также лица, оказывающие по контракту с организациями поддержку Вооруженным силам Российской Федерации в ходе проведения специальной военной операции, относятся к ветеранам боевых действий [О ветеранах..., ст. 3].

Освобождаются от наказания граждане, осужденные за совершение деяний небольшой и средней тяжести, в случае их мобилизации либо при заключении с ними контракта о прохождении военной службы [Об особенностях..., ст. 3].

Анализ складывающейся судебной практики показал, что судами ЛНР при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных военнослужащими — участниками специальной военной операции, тщательно исследуются данные о личности подсудимого, характер и степень общественной опасности совершенного деяния.

Определяя меру ответственности участникам специальной военной операции, суды, руководствуясь принципом справедливости и гуманизма, применяют условное осуждение, устанавливая продолжительность испытательного срока.

Участие в специальной военной операции признается как иное смягчающее обстоятельство. Помимо этого, судами в ряде случаев делается вывод об утрате общественной опасности деяний данных лиц в связи с изменением обстановки.

При постановлении приговоров в отношении подсудимых судами дается оценка степени общественной опасности преступления, личности подсудимого, а также его последующего поведения и отношения к инкриминируемому преступлению. По результатам исследования данных обстоятельств судами принимаются справедливые решения, в том числе о возможности исправления без реального лишения свободы.

Например, районным судом города Луганска рассмотрено дело о совершении С. преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Как установлено, 26 февраля 2023 г. примерно в 17 часов в ходе распития спиртных напитков между подсудимым С. и его сыном возникла ссора, в ходе которой С. нанес последнему удар кухонным ножом в область грудной клетки слева, чем причинил ему телесные повреждения в виде проникающей колото-резаной раны передней поверхности грудной клетки слева, которые расцениваются как причинившие тяжкий вред здоровью. Действия С. квалифицированы по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, что не ухудшило правовое положение подсудимого.

В ходе судебного разбирательства тщательно исследованы обстоятельства преступления, данные о личности подсудимого, изменения в его поведении, в том числе после совершения преступления. При постановлении обвинительного приговора в качестве смягчающего наказание обстоятельства судом признано участие подсудимого

в боевых действиях в период вооруженного конфликта на территории ЛНР и наличие награды ЛНР.

С учетом совокупности исследованных материалов дела, личности подсудимого и мнения потерпевшего, принимая во внимание, что за совершение указанного преступления законом предусмотрено только лишение свободы, а также опираясь на мнение государственного обвинителя, суд посчитал целесообразным и справедливым назначить С. наказание в виде трех лет лишения свободы.

Вместе с тем суд счел возможным исправление осужденного без изоляции от общества и, применив положения ст. 73 УК РФ, 22 мая 2023 г. постановил приговор, назначив С. условное осуждение.

В условиях проведения специальной военной операции вследствие изменения обстановки на территории ЛНР преступное деяние осужденного теряет общественную опасность. В связи с изложенным, освобождение судом С. от реального отбывания наказания является обоснованным и целесообразным.

В период интеграции ЛНР в российское правовое поле возник вопрос о применении норм действующего законодательства.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 31.07.2023 № 395-ФЗ [О применении положений УК...], уголовная ответственность за преступления, совершенные на территориях новых субъектов до 30 сентября 2022 г., регулируется нормами российского законодательства. Недопустимо ухудшение положения виновного лица.

Принципиальное значение при рассмотрении судами ЛНР уголовных дел о преступлениях, совершенных в период до 30 сентября 2022 г., имеют обстоятельства применения обратной силы уголовного закона. Согласно ч. 1 ст. 54 Конституции РФ, не имеет обратной силы закон, устанавливающий или отягчающий ответственность.

Положения данной статьи следуют из ч. 2 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной ассамблеей ООН, которая гласит, что лицо не должно быть подвергнуто более тяжкому наказанию, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено.

Указанные положения конкретизируются в отраслевом законодательстве.

По общему правилу преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим на момент совершения преступления (ст. 9 УК РФ).

Под обратной силой (ретроактивностью) закона понимается распространение нового закона на правоотношения, возникшие до его вступления в силу.

Ст. 10 УК РФ регламентируются основания применения положений об обратной силе уголовного закона. К числу таких оснований относятся устранение преступности деяния, смягчение наказания либо иное улучшение положения лица, совершившего преступление. При таких основаниях возможно применение обратной силы закона, распространяющего свое действие на лиц, совершивших преступление до дня вступления такого закона в силу, а также на лиц, отбывающих наказания или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. При решении

вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за совершение преступления до введения в действие такого закона, на правонарушителя будет распространяться утративший силу «старый» закон, который предусматривал более «мягкий» вид ответственности или лучшее правовое положение лица. Таким образом проявляется ультраактивность действия закона, который «пережил» сам себя.

При рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных до 30 сентября 2022 г., суды ЛНР могут применять нормы уголовного закона ЛНР в случае, если они улучшают положение осужденного лица.

При этом сравнивается положение подсудимого по старому и новому российскому закону. Ухудшение положения правонарушителя не допускается.

К примеру, районным судом г. Луганска рассмотрено дело о незаконном обороте подсудимым О. оружия и боеприпасов к нему.

Судом установлено и принято во внимание, что преступление совершено подсудимым с 24 февраля 2022 г., а 27 апреля 2022 г. его преступные действия обнаружены и пресечены сотрудниками полиции. Таким образом, преступление совершено О. до вхождения ЛНР в состав Российской Федерации. На момент совершения противоправного деяния не действовало законодательство Российской Федерации.

Уголовным кодексом ЛНР указанное преступление отнесено к категории преступлений небольшой тяжести, ограничивая предельный срок наказания четырьмя годами лишения свободы, в то время как УК РФ относит указанное деяние к категории средней тяжести. Санкция соответствующей статьи УК РФ предусматривает наказание от трех до пяти лет лишения свободы.

С учетом изложенного, при назначении наказания суд обоснованно применил санкцию ч. 1 ст. 267 УК ЛНР, которая не ухудшает положение осужденного.

Приговором суда от 11 сентября 2023 г. подсудимый О. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ. Назначенное наказание в виде двух лет лишения свободы постановлено считать условным с испытательным сроком в один год.

Также в районный суд г. Луганска поступило дело по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264.1 УК РФ.

Судом установлено, что инкриминируемое Т. преступление совершено 28 сентября 2022 г., то есть до подписания Договора от 30 сентября 2022 г. о принятии ЛНР в состав Российской Федерации.

Обстоятельствами, смягчающими наказание Т., суд, согласно ч. 2 ст. 61 УК РФ, посчитал раскаяние в содеянном, участие в специальной военной операции по защите Донбасса, состояние здоровья Т., который получил тяжкое увечье при прохождении военной службы по мобилизации, а также положительную характеристику подсудимого с места жительства.

С учетом того, что на момент совершения инкриминируемого подсудимому преступления действовало законодательство ЛНР, суд счел необходимым назначить Т. наказание в пределах санкции ст. 325.1 УК ЛНР, которая является менее строгой, чем санкция ч. 2 ст. 264.1 УК РФ.

По итогам судебного рассмотрения 21 августа 2023 г. постановлен обвинительный приговор, в соответствии с которым к Т. применено условное осуждение. Основным мотивом принятия такого решения послужили данные об участии подсудимого в специальной военной операции.

Изложенное демонстрирует современную тенденцию к гуманизации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Заключение

Анализ приведенной практики отражает строгое соблюдение судами ЛНР норм российского законодательства и международного права. Проведенное исследование показало, что судами ЛНР при постановлении приговоров тщательно исследуются сведения о личности подсудимых и обстоятельства совершенных деяний. Квалифицируя действия военнослужащих ВСУ, совершивших жестокое обращение с мирным гражданским населением, суды апеллируют к нормам международных договоров, гарантирующих гуманное обращение и охрану жизни и здоровья гражданского населения, проживающего на территории Донецкой и Луганской Народных Республик.

Назначая наказание подсудимым, суды правильно руководствуются положениями ст. 61 УК РФ, применяя в качестве смягчающих наказание обстоятельств иные, не закрепленные законом обстоятельства, такие как участие в специальной военной операции по защите гражданского населения республик. По итогам рассмотрения дел судами принимаются обоснованные справедливые и законные решения.

Список источников

- Андреев А. В., Лобанова Л. В. 2006. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Проблемы уголовного законодательства. № 1. С. 118–125. <https://pdfslide.net/documents/-5750a9b21a28abcf0cd2403b.html?page=1> (дата обращения: 04.02.2024).
- Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805 (дата обращения: 04.02.2024).
- Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970) // ООН: сайт. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 04.02.2024).
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.02.2024).
- Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 04.02.2024).

- О ветеранах: Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/ (дата обращения: 04.02.2024).
- О признании Донецкой Народной Республики: Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 71 // Министерство внутренних дел Российской Федерации: оф. сайт. <https://mvd.consultant.ru/documents/1057702> (дата обращения: 04.02.2024).
- О признании Луганской Народной Республики: Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 72 // Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012022202220001> (дата обращения: 04.02.2024).
- О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области: Федеральный закон от 31.07.2023 № 395-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453252/ (дата обращения: 04.02.2024).
- О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ (ред. от 28.04.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ (дата обращения: 04.02.2024).
- О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/ (дата обращения: 04.02.2024).
- Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (дата обращения: 04.02.2024).
- Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450391/ (дата обращения: 04.02.2024).
- Огнерубов Н. А. 2019. Цель наказания в контексте критериев дифференциации уголовной ответственности // Вестник ВГУ. Серия: Право. № 1. С. 258–264. <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2019/01/2019-01-27.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).
- Сенцов А. С., Волколупова В. А. 2013. Общие вопросы индивидуализации уголовной ответственности на современном этапе // Теория и практика общественного развития. № 11. С. 544–546. <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-voprosy-individualizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 04.02.2024).
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 04.02.2024).
- Уголовный кодекс Луганской Народной Республики от 14.08.2015 № 58-II (ред. от 20.09.2022) // Народный Совет ЛНР: сайт. <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1870/> (дата обращения: 04.02.2024).

- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.02.2024).
- Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (принят решением Лондонской конференции 08.08.1945) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 04.02.2024).
- Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Организация Объединенных Наций. <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 04.02.2024).
- Фисюн А. В. 2020. Наказание и его цели в уголовном праве // Эпомен. Научный журнал. № 38. С. 150–155. <https://epomen.ru/issues/2020/38/22.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).

References

- Andreev, A. V., Lobanova, L. V. (2006). The concept of the differentiation of criminal liability. *The Problems of Criminal Legislation*, (1), 118–125. <https://pdfslide.net/documents/-5750a9b21a28abcf0cd2403b.html?page=1> [In Russian]
- Universal Declaration of Human Rights, UN General Assembly (1948). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805 [In Russian]
- Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, General Assembly resolution 2625 (XXV) (1970). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml [In Russian]
- The Constitution of the Russian Federation (1993). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [In Russian]
- International Covenant on Civil and Political Rights, United Nations General Assembly Resolution 2200A (XXI) (1966). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ [In Russian]
- On Veterans, RF Federal Law, No. 5-FZ (1995). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/ [In Russian]
- On the recognition of the Donetsk People's Republic, RF Presidential Decree, No. 71 (2022). *KonsultantPlyus*. <https://mvd.consultant.ru/documents/1057702> [In Russian]
- On the recognition of the Lugansk People's Republic, RF Presidential Decree, No. 72 (2022). *KonsultantPlyus*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001> [In Russian]
- On applying provisions of Russia's Criminal and Criminal Procedure codes in Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhskaya Region and Khersonskaya Region, RF Federal Law, No. 395-FZ (2023). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453252/ [In Russian]
- On Admitting into the Russian Federation the Lugansk People's Republic and establishing within the Russian Federation the New Constituent Entity — the Lugansk People's Republic, RF Federal Constitutional Law, No. 6-FKZ (2022). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ [In Russian]

- On judicial verdicts, Decision of the Plenum of the RF Supreme Court of the Russian Federation, No. 55 (2016). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/ [In Russian]
- On declaration of partial mobilization in the Russian Federation, RF Presidential Decree, No. 647 (2022). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ [In Russian]
- The specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation, RF Federal Law, No. 270-Z (2023). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450391/ [In Russian]
- Ognerubov, N. A. (2019). The purpose of the punishment in the context of the criteria of differentiation of criminal liability. *Vestnik VGU. Seriya Pravo*, (1), 258–264. <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2019/01/2019-01-27.pdf> [In Russian]
- Sentsov, A. S., & Volkolupova, A. V. (2013). The general issues of individualization of criminal responsibility at the current stage. *The Theory and Practice of Social Development*, (11), 544–546. <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-voprosy-individualizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-na-sovremennom-etape> [In Russian]
- The Criminal Procedural Code of the Russian Federation, No. 174-FZ (2001). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ [In Russian]
- The Criminal Code of the Lugansk People's Republic, No. 58-II (2015). *KonsultantPlyus*. <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1870/> [In Russian]
- The Criminal Code of the Russian Federation, No. 63-FZ (1996). *KonsultantPlyus*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [In Russian]
- The Charter of the International Military Tribunal for the trial and punishment of the major war criminals of the European Axis countries, London Conference (1945). <https://docs.cntd.ru/document/901737883> [In Russian]
- The Charter of the United Nations, (1945). <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> [In Russian]
- Fisun, A. V. (2020). The punishment and its purposes in criminal law. *Epomen*, (38), 150–155. <https://www.epomen.ru/issues/2020/38/22.pdf> [In Russian]

Информация об авторах

Нелли Станиславовна Жарикова, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганск, ЛНР, Россия
nellilug91@gmail.com

Павел Александрович Жариков, прокурор Каменнобродского района г. Луганска, ЛНР, Россия

Information about the authors

Nelli S. Zharikova, Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines, Lugansk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Lugansk, LPR, Russia
nellilug91@gmail.com

Pavel A. Zharikov, Prosecutor of Kamennobrodskiy district of Lugansk, LPR, Russia

Региональные особенности налогового бремени компаний сферы информационных технологий в контексте повышения их устойчивости

Елена Сергеевна Вылкова¹, Наталья Владимировна Покровская²✉,
Вячеслав Михайлович Жигалов², Оксана Сергеевна Муравьева²,
Ирина Николаевна Вейнер²

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: n.pokrovskaia@spbu.ru✉

Аннотация. Статья посвящена характеристике динамики налогового бремени российских компаний сферы информационных технологий как ключевого фактора их экономической устойчивости. Целью исследования является определение региональных особенностей уровня налогового бремени в сфере информационных технологий для выявления лучшей практики с возможностью дальнейшего тиражирования удачного опыта. Для достижения цели проводится анализ изменения налогового бремени в постковидный период по сравнению с 2019 г. Особое внимание уделяется динамике налогового бремени в зависимости от масштабов предприятий. Результаты исследования показывают, что тенденция снижения налогового бремени в постковидный период не является стабильной для всех регионов. Было подтверждено, что низкий уровень налогового бремени связан не столько с отраслью ведения деятельности (в частности, со сферой информационных технологий), сколько с региональными особенностями (созданием налоговых преференций на отдельных территориях). В настоящее время господдержка бизнеса налоговыми способами и методами направлена в большей степени на поддержку тех или иных субъектов федерации, а не отрасли информации и связи. Наиболее типичный масштаб предприятий сферы информационных технологий, демонстрирующих минимальное налоговое бремя, предполагает выручку от 30 до 120 млн руб. в год. Подобное масштабирование бизнеса в данной сфере позволяет не только использовать налоговые преференции, установленные

действующим российским налоговым законодательством, но и изыскивать ресурсы для организации эффективного налогового планирования.

Ключевые слова: налоговое бремя, устойчивость, устойчивость компаний, налоговые преференции, вид экономической деятельности, масштаб предприятия, управление налогообложением, ИТ-компания, информационные технологии, инновации

Цитирование: Вылкова Е. С., Покровская Н. В., Жигалов В. М., Муравьева О. С., Вейнер И. Н. 2024. Региональные особенности налогового бремени компаний сферы информационных технологий в контексте повышения их устойчивости // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 1 (37). С. 86–102. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-86-102>

Поступила 21.11.2023; одобрена 12.01.2024; принята 12.04.2024

Regional features of the tax burden of IT companies in the context of increasing their sustainability

Elena S. Vylkova¹, Natalia V. Pokrovskaia^{2✉}, Viacheslav M. Zhigalov², Oksana S. Muraveva², Irina N. Veyner²

¹ North-West Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Corresponding author: n.pokrovskaia@spbu.ru[✉]

Abstract. This article characterizes the dynamics of the tax burden of Russian IT-companies as a key factor in their economic sustainability. This study aims to determine regional characteristics of the level of tax burden in the field of information technology in order to identify best practices with the possibility of further replication of successful experience. To achieve this goal, an analysis is carried out of changes in the tax burden in the post-COVID period compared to 2019. Particular attention is paid to the dynamics of the tax burden depending on the scale of enterprises. The results show that the trend of reducing the tax burden in the post-COVID period is not stable for all Russian regions. The low level of tax burden is associated not so much with the industry of activity (in particular, with the field of information technology), but with regional characteristics (the creation of tax preferences in certain territories).

Currently, state support for business through tax methods is aimed more at supporting certain regions and not the sphere of IT. The most typical scale of enterprises in the information technology sector, demonstrating a minimal tax burden, assumes revenue from 30 to 120 mln rubles a year. Such scaling of business in this area allows not only to use tax preferences established by the current Russian tax legislation, but also to find resources for organizing effective tax planning.

Keywords: tax burden, sustainability, company sustainability, tax preferences, type of economic activity, enterprise scale, tax management, IT companies, information technology, innovation

Citation: Vylkova, E. S., Pokrovskaya, N. V., Zhigalov, V. M., Muraveva, O. S., & Veyner, I. N. (2024). Regional features of the tax burden of IT companies in the context of increasing their sustainability. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(1), 86–102. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-86-102>

Received Nov. 21, 2023; Reviewed Jan. 12, 2024; Accepted Apr. 12, 2024

Введение

Развитие теории и практики управления происходит под воздействием внешних факторов, которые меняют приоритеты и формируют новые подходы к принятию решений. Действительно, всё возрастающая скорость изменений влияет на многие аспекты управления: сокращает стратегический горизонт, увеличивает количество возможных сценариев под воздействием разнообразных факторов, трансформирует структуру факторов успешности развития компаний, критериев ее эффективности, предъявляет всё новые требования к компетентности менеджеров, включая такие навыки, как гибкость, мобильность, стрессоустойчивость, способность выстраивать отношения сетевого типа, предугадывать развитие изменений и многие другие. Исходя из внешних характеристик, прослеживается эволюция концепций бизнес-среды: если до 1980-х гг. среда характеризовалась устойчивостью, предсказуемостью, простотой и определенностью (концепция SPOD-мира), то с 1980 по 2020 г. основными характеристиками среды стали непостоянство, неопределенность, сложность и неоднозначность (VUCA-мир), а с 2020 г. стали доминировать факторы хрупкости, беспокойства, нелинейности и непостижимости (BANI-мир) [Кононович и др., 2022]. Причинами перехода от одной концепции к другой становятся масштабные внешние факторы, радикально меняющие ее структуру.

Изменение концепций внешнего мира приводит к трансформации бизнес-моделей, причем ее своевременность может стать жизненно важным фактором. К примеру, развитие цифровых технологий, с одной стороны, открывает новые возможности с точки зрения продуктов, услуг, рынков, повышения ценности для потребителя, с другой стороны, несет угрозу потери рынка и устаревания при несвоевременной реакции на происходящие в этом направлении изменения.

Целью статьи является определение региональных особенностей уровня налогового бремени в сфере информационных технологий для выявления лучшей практики с возможностью дальнейшего тиражирования удачного опыта, характеристика региональных особенностей налогового бремени сферы информационных технологий. При этом внимание уделяется определению наиболее типичных масштабов ИТ-компаний, имеющих наиболее низкое налоговое бремя для формирования ориентиров для масштабирования бизнеса в данной сфере. Для этого проводится исследование динамики налогового бремени как фактора устойчивости российских компаний сферы информационных технологий с доковидного 2019 до послековидного 2021 г. с учетом масштабов их деятельности.

Обзор литературы

Фактор пандемии COVID-19 выявил, что компании с определенными характеристиками оказались более устойчивыми к развитию цифровых технологий: уровень цифровизации позволил легче перейти на дистанционный формат работы, уровень диверсификации дал возможность пережить кризис одной бизнес-единицы (вызванный, например, временными ограничениями или спадом спроса) за счет другой, уровень развития сетевых форм позволил за счет совместных взаимовыгодных проектов снизить риски потерь в неблагоприятных условиях. Также оказали влияние на устойчивость и некоторые другие характеристики компаний. Обзор исследований показал, что вмешательство государства в рамках направленных мер поддержки и стимулирования стало необходимым для целых отраслей [Вылкова, 2020] и отдельных территорий [Пинская и др., 2021; Athira, Ramesh, 2023; Chen, Jin, 2023]. Современный геополитический и санкционный кризис [Бубнов, 2022; Якунина и др., 2022] также позволил выявить новые факторы устойчивости, такие как независимость от зарубежных поставок, уровень развития логистических систем и цепочек поставок и др.

Таким образом, в условиях повышения скорости изменений и появления новых неблагоприятных внешних факторов не только меняется структура факторов устойчивости компаний, но и повышается актуальность управления устойчивостью в целом. При этом оценка и повышение устойчивости сталкивается не только с проблемой отсутствия общепринятой структуры факторов и методики, но и непосредственно с разнообразием трактовок самого понятия устойчивости. С одной стороны, во многих исследованиях рассматривают эволюцию данного понятия с точки зрения трех подходов: устойчивость, устойчивое развитие и резильентность [Wen-Dong и др., 2018]. Под устойчивостью в этом контексте понимают способность к снижению негативного воздействия, устойчивое развитие рассматривают с позиции триединого подхода, то есть измеряют достижение одновременно экологического, социального и экономического эффекта, а резильентность означает способность восстанавливаться после изменений и адаптироваться к ним. С другой стороны, современные исследования отмечают, что устойчивость является сложным понятием, более широким, чем указанные выше три направления, отмечая, что достижение устойчивости должно быть комплексным и основанным на междисциплинарных подходах [Schilling и др., 2018]. Также стоит отметить, что в исследованиях устойчивости выделяют следующие подходы к ее определению [Nuchter и др., 2021]: инженерный,

экосистемный, социальный и управленческий. В этом исследовании авторы особо хотели бы обратить внимание на управленческий подход, который заключается в выделении ключевых подсистем, определяющих жизнеспособность всей системы управления. Эти подсистемы оцениваются соответствующими частными показателями, из которых формируется интегральный показатель.

В целом можно выделить два связанных между собой подхода к понятию устойчивости. Во-первых, как способность стабильно развиваться в условиях неблагоприятных внешних воздействий [Гринчель, Назарова, 2020]. В этом контексте выделяют две ее характерные особенности: стабильность (в условиях небольших воздействий) и адаптивность (в условиях сильных потрясений). Во-вторых, как сбалансированность основных подсистем, определяющих ее жизнеспособность.

Таким образом, среди всех подходов к трактовке и оценке устойчивости обращают на себя внимание управленческий и системный подходы, в рамках которых выделяются ключевые подсистемы устойчивости, выявляются ключевые индикаторы и их пороговые значения, характеризующие границы устойчивости развития подсистем. Соответственно, важным условием управления в современных неблагоприятных условиях внешней среды становится выявление и оценка ключевых параметров устойчивости.

Среди традиционных направлений устойчивости на современном этапе выделяют: экономическую, социальную, экологическую, маркетинговую, инновационную, кадровую, финансовую, инвестиционную, производственно-технологическую и управленческую устойчивость. Вопрос о структуре индикаторов каждого из видов устойчивости, а также границ их устойчивости на современном этапе остается предметом дискуссии, однако, например, в рамках экономической устойчивости, как правило, оценивают уровень прибыли и темпы ее роста. Таким образом, оценка налогового бремени является важной составляющей экономической устойчивости, существенное влияние на которую оказывают внешние условия ведения деятельности. На величину налогового бремени российских компаний оказывают влияние как задача обеспечения эффективности налоговой системы страны в целом [Ашуров и др., 2023; Jansky, 2022], так и поддержка цифровизации и инновационного развития [Викторова, Евстигнеев, 2022; Kosturikova, Chobotova, 2023].

Для системообразующих отраслей, к которым относится и ИТ-сектор, критически важным является сохранение устойчивости предприятий данного сектора. Исследования показывают зависимость между устойчивостью регионов и устойчивостью комплекса предприятий регионов [Кузнецов и др., 2019]. Таким образом, с целью поддержания экономической устойчивости в одной из приоритетных отраслей, в современных условиях принимаются меры поддержки, связанные, в частности, со снижением налогового бремени.

В последние годы применяется широкий перечень мер налогового стимулирования развития отрасли как для смягчения неблагоприятных последствий ограничительных мер пандемии COVID-19, так и для сохранения высококвалифицированных национальных специалистов ИТ-сектора, способных легко адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. В России налоговые льготы для ИТ-компаний целенаправленно предоставляются с 2010-х гг. С 2021 г. объем налоговых льгот значительно возрос и включает в себя: снижение ставки налога на прибыль организаций (с 20 до 3% в 2021 г. и до 0%

до 2022–2024 гг.), снижение тарифа страховых взносов до 7,6% от выплат и вознаграждений (до 2021 г. величина страховых взносов для ИТ-компаний составляла 14% при стандартной ставке 30%). Отметим, что для того чтобы воспользоваться перечисленными налоговыми льготами, организация должна соответствовать ряду требований. С 2023 г. для ИТ-компаний предусмотрен льготный режим начисления амортизации и получения инвестиционного налогового вычета. Необходимо указать, что, во-первых, налоговые преференции могут устанавливаться как на федеральном, так и на региональном уровне (прежде всего в ОЭЗ и других территориях наибольшего налогового благоприятствования); во-вторых, есть специфика налоговых льгот в зависимости от масштаба: что-то доступно только для крупнейших компаний, а что-то исключительно для малого бизнеса. Предшествующие исследования показывают, что крайне важно изучение не только отраслевого [Вылкова, Покровская, 2021a; Wang, You, 2022], но и регионального среза налогового бремени [Невзорова и др., 2020; Fedotov, 2021; Labunets, Mayburov, 2022], в том числе на территориях с особым экономическим статусом [Sinenko, Mayburov, 2017; Матушевская, 2018; Синенко, 2019], а также масштабов деятельности экономических субъектов [Буров, 2015; Захарова и др., 2022; Sanchez-Ballesta, Yague, 2023].

Методы

Источником данных для детализированного анализа налогового бремени были выбраны сведения Налогового калькулятора Федеральной налоговой службы России.

Анализируемый показатель — «совокупная нагрузка (с учетом НДС и акцизов)», оцениваемый в процентах от величины выручки¹. Показатель рассчитывается по организациям, применяющим общую систему налогообложения. Период исследования — 2019 и 2021 гг.

Исследование сфокусировано на выборке данных по компаниям, осуществляющим «деятельность в сфере информационных технологий» (ОКВЭД2 класс 63).

При описании результатов масштабы деятельности компаний характеризовались исходя из величины выручки от реализации. Выделены 6 групп компаний:

- Группа 1: Микробизнес1 (выручка от реализации до 30 млн руб.).
- Группа 2: Микробизнес2 (выручка от реализации от 30 до 120 млн руб.).
- Группа 3: Малый бизнес1 (выручка от реализации от 120 до 500 млн руб.).
- Группа 4: Малый бизнес2 (выручка от реализации от 500 до 800 млн руб.).
- Группа 5: Средний бизнес (выручка от реализации от 800 млн до 2 трлн руб.).
- Группа 6: Крупный бизнес (выручка от реализации свыше 2 трлн руб.).

Не по всем регионам представлены данные по каждой из 6 групп компаний. Отсутствие данных о налоговом бремени по группе компаний может свидетельствовать об отсутствии соответствующих видов деятельности соответствующего масштаба в регионе.

¹ Обоснование эквивалентности показателя «совокупная налоговая нагрузка», рассчитываемого Федеральной налоговой службой России, и авторской трактовки понятия налоговое бремя представлено в [Вылкова, Покровская, 2021b].

Исходя из цели исследования, методология предполагала три последовательных этапа анализа:

1. Сопоставление уровня налогового бремени по России в целом для компаний ИТ-сферы и для других видов деятельности.
2. Оценка налогового бремени ИТ-компаний по регионам, включая среднее значение из показателей по компаниям по масштабу. При этом отсутствующие данные не учитывались при расчете среднего. Таким образом производился учет специфики развития ИТ-сферы на территории. Рассмотрено распределение значений среднего налогового бремени по регионам.
3. Описательная статистика распределения значений налогового бремени в сфере информационных технологий по шести группам компаний исходя из их размера в регионах в 2019 и 2021 г. Выявление регионов с наиболее низкими показателями налогового бремени (менее 5%) и систематизация полученных данных.

Результаты и обсуждение

По данным ФНС России, среднеотраслевое налоговое бремя по деятельности в области информации и связи в 2021 г. снизилось (в 2019 г. оно составило 17,2%, а в 2021 г. — 14,7% выручки), что может свидетельствовать об усилении экономической устойчивости компаний сферы информационных технологий. Однако в целом по России по всем видам деятельности общее налоговое бремя в 2019 г. составило 11,2%, а в 2021 — 10,4%. То есть уровень налогового бремени в сфере информационных технологий выше среднего. Приведенные данные свидетельствуют, что в современных условиях на государственном уровне при заявлении о приоритетности деятельности в сфере информационных технологий их налоговая поддержка пока что недостаточна, что не способствует обеспечению их устойчивости.

Распределение налогового бремени по регионам для деятельности в сфере информационных технологий (среднего значения по различным масштабам компании) представлено в таблице 1. В большинстве регионов среднее налоговое бремя на ИТ-компаниях составляет от 5 до 15% выручки.

Таблица 1. Налоговое бремя в сфере информационных технологий в российских регионах

Table 1. Tax burden in information technology in Russian regions

Величина налогового бремени в сфере информационных технологий, %	Количество субъектов федерации, шт.	
	2019	2021
менее 5	4	12
5–10	32	23
10–15	23	21
15–20	13	19
20–25	3	1
25–30	3	5
свыше 30	2	1

В 2021 г. возросло число субъектов федерации с налоговым бременем от 15 до 20% и от 25 до 30% выручки. Наиболее выраженные изменения коснулись регионов с минимальным налоговым бременем (менее 5%) — их число в 2021 г. выросло в три раза по сравнению с 2019 г. и составило 12 регионов.

В 2021 г. по сравнению с 2019 г. налоговое бремя снизилось в 40 регионах и возросло в таком же числе регионов. Вместе с тем наибольшее снижение бремени наблюдалось в субъектах федерации с высокими и крайне высокими значениями этого показателя, а увеличение — в субъектах федерации с невысоким налоговым бременем (таблица 2).

Таблица 2. Динамика налогового бремени в регионах России в 2021 г. по сравнению с 2019 г.

Table 2. Dynamics of the tax burden in Russian regions in 2021 compared to 2019

Величина налогового бремени в 2019 г., %	Число регионов, шт.	Изменение налогового бремени в 2021 г. по сравнению с 2019 г.	Число регионов, шт.
Менее 10	36	Снижение	12
		Увеличение	24
10–20	36	Снижение	21
		Увеличение	15
Свыше 20	8	Снижение	7
		Увеличение	1

В большинстве регионов с минимальным налоговым бременем в 2019 г. (в трех из четырех) анализируемый показатель возрос, что может быть связано с эффектом низкой базы. Вместе с тем, из 12 регионов с налоговым бременем менее 5% в 2021 г., только у двух было минимальное бремя в 2019 г.

Если в среднем по регионам России налоговое бремя в постковидный период сократилось (с 12,49% в 2019 г. до 11,84% в 2021 г.), то по отдельным регионам данная тенденция не является стабильной.

Сопоставление значений минимального налогового бремени с учетом масштаба деятельности по субъектам федерации, представленное в таблицах 3 и 4, позволяет выявить значимость предоставления налоговых преференций по отдельным территориям — свободным экономическим зонам, территориям опережающего социально-экономического развития и др. [Синенко, 2019].

Если в 2019 г. налоговое бремя ниже 5% чаще всего наблюдалось для компаний с выручкой от 30 до 120 млн руб. (15 субъектов федерации), а также с выручкой от 120 до 500 млн руб. (9 субъектов федерации), то в 2021 г. наиболее значительно выросло число регионов с минимальным налоговым бременем для микробизнеса с выручкой до 30 млн руб.; в целом число субъектов федерации с налоговым бременем менее 5% выросло практически для всех масштабов деятельности.

Таблица 3. Регионы с минимальным налоговым бременем для компаний сферы информационных технологий в 2019 г.**Table 3.** Regions with the minimum tax burden for IT companies in 2019

Масштаб деятельности	Регионы с налоговым бременем менее 5%, %
Микробизнес1 (выручка до 30 млн руб.)	Магаданская область (0,29) Рязанская область (0,37) Еврейская автономная область (0,51) Костромская область (1,9) Сахалинская область (2,05) Приморский край (2,93) город Севастополь (4,04)
Микробизнес2 (выручка от 30 до 120 млн руб.)	Вологодская область (0,36) Ярославская область (0,51) Республика Хакасия (0,53) Воронежская область (0,55) Волгоградская область (1,42) Орловская область (1,53) город Севастополь (1,63) Кемеровская область — Кузбасс (1,75) Республика Дагестан (1,88) Красноярский край (3,14) город Санкт-Петербург (3,73) Саратовская область (3,83) Белгородская область (4,04) Удмуртская Республика (4,81) Владимирская область (4,84)
Малый бизнес1 (выручка от 120 до 500 млн руб.)	Пензенская область (0,15) Республика Марий Эл (0,44) Воронежская область (0,85) Ленинградская область (1,15) Чувашская Республика (1,24) Краснодарский край (2,66) Новосибирская область (3,2) Еврейская автономная область (4,15) Саратовская область (4,58)
Малый бизнес2 (выручка от 500 до 800 млн руб.)	Чувашская Республика (0,01) Омская область (4,88)
Средний бизнес (выручка от 800 млн до 2 трлн руб.)	Свердловская область (0,53) Приморский край (4,53)
Крупный бизнес (свыше 2 трлн руб.)	Новосибирская область (2,21) Московская область (2,66)

Таблица 4. Регионы с минимальным налоговым бременем для ИТ-компаний в 2021 г.

Table 4. Regions with the minimum tax burden for IT companies in 2021

Масштаб деятельности	Регионы с налоговым бременем менее 5%, %
Микробизнес1 (выручка до 30 млн руб.)	Еврейская автономная область (0) Курганская область (0) Республика Хакасия (0) Республика Дагестан (0) Магаданская область (0) Камчатский край (0) Орловская область (0,69) Тульская область (0,88) Костромская область (2,27) Астраханская область (2,57) Республика Северная Осетия-Алания (3,55) Сахалинская область (3,76) Красноярский край (3,8)
Микробизнес2 (выручка от 30 до 120 млн руб.)	Смоленская область (0,09) Чеченская Республика (0,17) Красноярский край (0,20) Алтайский край (0,24) Тюменская область (0,39) Карачаево-Черкесская Республика (0,43) Воронежская область (0,57) Липецкая область (0,62) Вологодская область (0,66) Астраханская область (0,91) Тверская область (1,81) Ленинградская область (1,90) Республика Башкортостан (2,54) Чувашская Республика (2,72) Ростовская область (3,43) Сахалинская область (3,48) Республика Дагестан (4,60) Брянская область (4,77)
Малый бизнес1 (выручка от 120 до 500 млн руб.)	Липецкая область (0,04) Калининградская область (0,08) Республика Хакасия (0,16) Орловская область (0,67) Воронежская область (1,02) Новосибирская область (3,39) Смоленская область (4,45) Оренбургская область (4,71)

Окончание таблицы 4
Table 4 (end)

Масштаб деятельности	Регионы с налоговым бременем менее 5%, %
Малый бизнес2 (выручка от 500 до 800 млн руб.)	Республика Карелия (0,02)
	Ивановская область (1,25)
	Калужская область (4,00)
Средний бизнес (выручка от 800 млн до 2 трлн руб.)	Республика Карелия (0)
	Ставропольский край (0,43)
	Иркутская область (0,55)
Крупный бизнес (свыше 2 трлн руб.)	Иркутская область (0,18)
	Тюменская область (3,99)
	город Москва (4,98)

Налоговые преференции позволяют компаниям достигать минимального бремени, вплоть до нулевого, не столько потому, что они работают в сфере информационных технологий, сколько вследствие расположения бизнеса в особых экономических зонах: Камчатской и Сахалинской областях, Алтайском крае, Калининградской области и др. В настоящее время господдержка бизнеса налоговыми способами и методами направлена в большей степени на поддержку тех или иных регионов, а не ИТ-отрасли.

Данные рис. 1 свидетельствуют, что в наибольшем количестве регионов налоговое бремя менее 5% составляет для микробизнеса1 и микробизнеса2.

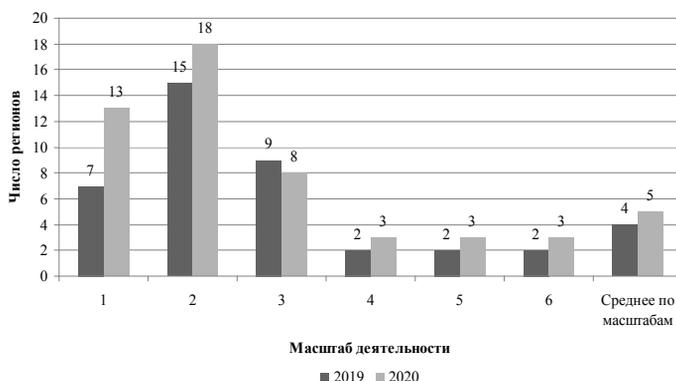

Рис. 1. Количество регионов, в которых налоговое бремя для сферы ИТ менее 5%

Примечание: 1 — микробизнес1 (выручка до 30 млн руб.), 2 — микробизнес2 (выручка от 30 до 120 млн руб.), 3 — малый бизнес1 (выручка от 120 до 500 млн руб.), 4 — малый бизнес2 (выручка от 500 до 800 млн руб.), 5 — средний бизнес (выручка от 800 млн до 2 трлн руб.), 6 — крупный бизнес (свыше 2 трлн руб.)

Fig. 1. No. of regions where the tax burden for the IT sector is less than 5%

Note: 1 — Microbusiness1 (revenue up to 30 mln rub.), 2 — Microbusiness2 (revenue 30–120 mln rub.), 3 — Small business1 (revenue 120–500 mln rub.), 4 — Small business2 (revenue 500–800 mln rub.), 5 — Medium business (revenue 800 mln–2 bln rub.), 6 — Large business (over 2 bln rub.)

Небольшое количество регионов, где фиксируется налоговое бремя менее 5% для компаний с выручкой от 500 до 800 млн руб., свидетельствует об условности отнесения бизнеса такого масштаба в разряд малых.

Исследование выявило, что наиболее типичный масштаб бизнеса, демонстрирующий минимальное налоговое бремя, — от 30 до 120 млн руб. выручки. Подобный масштаб является оптимальным для организации бизнеса в названной сфере, позволяя как использовать налоговые преференции, установленные действующим налоговым законодательством, так и изыскивать ресурсы для организации эффективного налогового планирования.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о важности учета территории ведения деятельности компаний сферы информационных технологий для оценки налоговых условий и их динамики. Таким образом, в структуре факторов устойчивости ИТ-компаний в России может быть рассмотрен территориальный фактор, связанный с функционированием в регионе с благоприятным налоговым режимом. Интерес представляет обобщение опыта поддержки сферы информационных технологий в Воронежской области и Чувашской Республике как в регионах, где нет особых экономических зон и тому подобных территориальных образований со значительными налоговыми преференциями, то есть в которых наблюдается низкое налоговое бремя именно вследствие вида деятельности в сфере информации и связи.

Анализ вариации значений по регионам в рамках различных масштабов деятельности компаний сферы информационных технологий позволит расширить характеристику типового формата компании по налоговым условиям, а расширение временного периода исследования до 2023 г. позволит оценить стабильность выявленных трендов.

Список источников

- Ашуров Т. Ш., Абдурахманова Н. Н., Азизов Э. Р. 2023. Налоговая нагрузка как индикатор эффективности налоговой системы России // Экономика и предпринимательство. № 9 (158). С. 673–676. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.158.09.125>
- Бубнов В. А. 2022. Влияние санкционной политики недружественных стран на российскую финансовую систему // Известия Байкальского государственного университета. Том 32. № 2. С. 283–289. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32\(2\).283-289](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32(2).283-289)
- Буров В. Ю. 2015. Малое предпринимательство в пространственном развитии региона // Вестник Бурятского государственного университета. № 2. С. 78–83.
- Викторова Н. Г., Евстигнеев Е. Н. 2022. Налоговая экосистема как элемент цифровой экономики: системно-интегральный подход к построению // Экономика. Профессия. Бизнес. № 2. С. 28–33. <https://doi.org/10.14258/epb202218>
- Вылкова Е. С., Покровская Н. В. 2021а. Оценка тяжести налогообложения компаний региона Российской Федерации в отраслевом разрезе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. Том 14. № 5. С. 46–58. <https://doi.org/10.18721/JE.14504>

- Вылкова Е. С., Покровская Н. В. 2021б. Теоретические подходы к интерпретации налоговой нагрузки, налогового бремени и тяжести налогообложения // Известия СПбГЭУ. № 4. С. 45–51.
- Вылкова Е. С. (ред.). 2021 Многогранность современной пандемической реальности. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений. 300 с.
- Гринчель Б. М., Назарова Е. А. 2020. Методы анализа и управления устойчивым развитием экономики регионов // Экономика и управление. Том 26 (1). С. 23–34. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-1-23-34>
- Захарова К. А., Актаев Н. Е., Пургина А. Д. 2022. Влияние финансов малого и среднего бизнеса на уровень экономического благосостояния региона // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 8. № 2 (30). С. 164–183. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183>
- Кононович К. Д., Целик М. Е., Липис Е. А. 2022. Сравнение VUCA и BANI концепций видения мира в разрезе бизнес-сферы // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. № 1-1. С. 153–169.
- Кузнецов Ю. В., Анохина Е. М., Мелякова Е. В. 2019. Подходы к оценке стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России // Экономика и управление. № 10 (168). С. 25–38.
- Магушевская Е. А. 2018. Формирование комплексного подхода к оценке эффективности функционирования свободной экономической зоны // Экономика региона. Том 14. Вып. 3. С. 870–883. <https://doi.org/10.17059/2018-3-13>
- Невзорова Е. Н., Киреевко А. П., Майбуров И. А. 2020. Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России // Экономика региона. Том 16. Вып. 2. С. 464–478. <https://doi.org/10.17059/2020-2-10>
- Пинская М. Р., Стешенко Ю. А., Цаган-Манджиева К. Н. 2021. Налоговая поддержка во время коронакризиса: кому помогать? // Вопросы экономики. № 5. С. 129–144. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-5-129-144>
- Синенко О. А. 2019. Привлекательность фискальных инструментов развития предпринимательства на Дальнем Востоке России // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. Том 18. № 1. С. 86–103. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.1.005>
- Синенко О. А. 2019. Практика применения механизмов регулирования в особых экономических зонах и IT-кластерах как элемент развития цифровизации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 46. С. 251–264. <https://doi.org/10.17223/19988648/46/17>
- Якунина А. В., Ермакова Е. А., Якунин С. В., Семернина Ю. В. 2022. Финансовая оценка уязвимости отраслей российской экономики // Научное обозрение: теория и практика. Том 12. № 3 (91). С. 404–415.
- Athira A., Ramesh V. K. 2023. COVID-19 and corporate tax avoidance: International evidence // International Business Review. Vol. 32(4). 102143. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102143>
- Chen W., Jin R. 2023. Does Tax Uncertainty affect Firm Innovation Speed? // Technovation. Vol. 125. 102771. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102771>
- Dang D., Fang H., He M. 2019. Economic policy uncertainty, tax quotas and corporate tax burden: evidence from China // China Economic Review. Vol. 56. 101303. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.101303>

- Fedotov D.Yu. 2021. Tax burden and shadow economy growth in Russian regions // Journal of Tax Reform. Vol. 7 (3). Pp. 284–133. <https://doi.org/10.15826/jtr.2021.7.3.104>
- Jansky P. 2022. Corporate effective tax rates for research and policy // Public Finance Review. No. 51 (2). Pp. 171–205. <https://doi.org/10.1177/10911421221137203>
- Kosturikova I., Chobotova M. 2023. New trends in intellectual property and tax burden of innovative corporations // Procedia — Social and Behavioral Sciences. Vol. 110. Pp. 93–102. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.851>
- Labunets Iu. E., Mayburov I. A. 2022. The impact of the size of enterprises on tax evasion in the forestry industry of Russia // Journal of Tax Reform. Vol. 8 (1). Pp. 88–101. <https://doi.org/10.15826/jtr.2022.8.1.110>
- Nuchter V., Abson D. J., Wehrden H. von, Engle J. 2021. The concept of resilience in recent sustainability research // Sustainability. Vol. 13. Iss. 5. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.3390/su13052735>
- Sanchez-Ballesta J. P., Yague J. 2023. Tax avoidance and the cost of debt for SMEs: evidence from Spain // Journal of Contemporary Accounting & Economics. Vol. 19. Iss. 2. 100362. <https://doi.org/10.1016/j.jcae.2023.100362>
- Schilling T., Wyss R., Binder C. R. 2018. The resilience of sustainability transitions // Sustainability. Vol. 10. Iss. 12. Pp. 1–23. <https://doi.org/10.3390/su10124593>
- Sinenko O., Mayburov I. 2017. Comparative analysis of the effectiveness of special economic zones and their influence on the development of territories // International Journal of Economics and Financial Issues. Vol. 7. No. 1. Pp. 115–122.
- Wang L., You K. 2022. The impact of political connections on corporate tax burden: evidence from the Chinese market // Finance Research Letters. Vol. 47, Part B. 102944. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2022.102944>
- Wen-Dong Lv., Dan T., Yuan W., Rui-Xue X. 2018. Innovation resilience: a new approach for managing uncertainties concerned with sustainable innovation // Sustainability. Vol. 10. Iss. 10. Pp. 1–25. <https://doi.org/10.3390/su10103641>

References

- Ashurov, T. Sh., Abdurakhmanova, N. N., & Azizov, E. R. (2023). Tax burden as an indicator of the efficiency of the Russian tax system. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, (9), 673–676. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.158.09.125> [In Russian]
- Bubnov, V. A. (2022). The impact of the sanctions policy of unfriendly countries on the Russian financial system. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 32(2), 283–289. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32\(2\).283-289](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32(2).283-289) [In Russian]
- Burov, V. Yu. (2015). Small business in the spatial development of the region. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 78–83. [In English]
- Viktorova, N. G., & Evstigneev, E. N. (2022). Tax ecosystem as an element of the digital economy: a system-integrated approach to construction. *Ekonomika. Professiya. Biznes*, (2), 28–33. <https://doi.org/10.14258/epb202218> [In Russian]
- Vylkova, E. S., & Pokrovskaia, N. V. (2021a). Assessing the severity of taxation of companies in the region of the Russian Federation in an industry context. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 14(5), 46–58. <https://doi.org/10.18721/JE.14504> [In Russian]

- Vylkova, E. S., & Pokrovskaya, N. V. (2021b). Theoretical approaches to the interpretation of the tax burden, tax burden and severity of taxation. *Izvestiya SPbGUEU*, (4), 45–51. [In Russian]
- Vylkova, E. S. (Ed.). (2021). *The Diversity of Modern Pandemic Reality*. Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions. [In Russian]
- Grinchel, B. M., & Nazarova, E. A. (2020). Methods of analysis and management of sustainable development of regional economies. *Ekonomika i upravlenie*, 26(1), 23–34. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-1-23-34> [In Russian]
- Zakharova, K. A., Aktaev, N. E., & Purgina, A. D. (2022). The impact of small and medium business finance on the level of economic wealth of the region. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 8(2), 164–183. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183> [In Russian]
- Kononovich, K. D., Celik, M. E., & Lipis, E. A. (2022). Comparison of VUCA and BANI concepts of vision of the world in the context of the business sphere. *Nedelya nauki Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo morskogo tekhnicheskogo universiteta*, (1–1), 153–169. [In Russian]
- Kuznetsov, Yu. V., Anokhina, E. M., & Melyakova, E. V. (2019). Approaches to assessing the strategic sustainability of large, medium and small businesses in depressed regions of Russia. *Ekonomika i upravlenie*, (10), 25–38. [In Russian]
- Matushevskaya, E. A. (2018). Formation of an integrated approach to assessing the effectiveness of the functioning of a free economic zone. *Ekonomika regiona*, 14(3), 870–883. <https://doi.org/10.17059/2018-3-13> [In Russian]
- Nevzorova, E. N., Kireenko, A. P., & Mayburov, I. A. (2020). Spatial relationships and patterns of distribution of the shadow economy in Russia. *Ekonomika regiona*, 16(2), 464–478. <https://doi.org/10.17059/2020-2-10> [In Russian]
- Pinskaya, M. R., Steshenko, Yu. A., & Tsagan-Mandzhieva, K. N. (2021). Tax support during the coronavirus crisis: who to help? *Voprosy ekonomiki*, (5), 129–144. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-5-129-144> [In Russian]
- Sinenko, O. A. (2019). Attractiveness of fiscal instruments for the development of entrepreneurship in the Russian Far East. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie*, 18(1), 86–103. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.1.005> [In Russian]
- Sinenko, O. A. (2019). Practice of applying regulatory mechanisms in special economic zones and IT clusters as an element of digitalization development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, (46), 251–264. <https://doi.org/10.17223/19988648/46/17> [In Russian]
- Yakunina, A. V., Ermakova, E. A., Yakunin, S. V., & Semernina, Yu. V. (2022). Financial assessment of the vulnerability of sectors of the Russian economy. *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika*, 12(3), 404–415. [In Russian]
- Athira, A., & Ramesh, V. K. (2023). COVID-19 and corporate tax avoidance: International evidence. *International Business Review*, 32(4), art. 102143. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102143>
- Chen, W., & Jin, R. (2023). Does Tax Uncertainty affect Firm Innovation Speed? *Technovation*, 125, art. 102771. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102771>
- Dang D., Fang H., & He, M. (2019). Economic policy uncertainty, tax quotas and corporate tax burden: evidence from China. *China Economic Review*, 56, art.101303. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.101303>

- Fedotov, D. Yu. (2021). Tax burden and shadow economy growth in Russian regions. *Journal of Tax Reform*, 7(3), 284–133. <https://doi.org/10.15826/jtr.2021.7.3.104>
- Jansky, P. (2022). Corporate Effective Tax Rates for Research and Policy. *Public Finance Review*, (51), 171–205. <https://doi.org/10.1177/10911421221137203>
- Kosturikova, I., & Chobotova, M. (2023). New Trends in Intellectual Property and Tax Burden of Innovative Corporations. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 110, 93–102. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.851>
- Labunets, Iu. E., & Mayburov, I. A. (2022). The Impact of the Size of Enterprises on Tax Evasion in the Forestry Industry of Russia. *Journal of Tax Reform*, 8(1), 88–101. <https://doi.org/10.15826/jtr.2022.8.1.110>
- Nuchter, V., Abson, D. J., Wehrden, H. von, & Engle, J. (2021). The Concept of Resilience in Recent Sustainability Research. *Sustainability*, 13(5), 1–21. <https://doi.org/10.3390/su13052735>
- Sanchez-Ballesta, J. P., & Yague, J. (2023). Tax avoidance and the cost of debt for SMEs: evidence from Spain. *Journal of Contemporary Accounting & Economics*, 19(2), art. 100362. <https://doi.org/10.1016/j.jcae.2023.100362>
- Schilling, T., Wyss, R., & Binder, C. R. (2018). The Resilience of Sustainability Transitions. *Sustainability*, 10(12), 1–23. <https://doi.org/10.3390/su10124593>
- Sinenko, O., & Mayburov, I. (2017). Comparative Analysis of the Effectiveness of Special Economic Zones and Their Influence on the Development of Territories. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 7(1), 115–122.
- Wang, L., & You, K. (2022). The Impact of political connections on corporate tax burden: evidence from the Chinese market. *Finance Research Letters*, 47, part B, art. 102944. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2022.102944>
- Wen-Dong, Lv, Dan, T., Yuan, W., & Rui-Xue, X. (2018). Innovation Resilience: A New Approach for Managing Uncertainties Concerned with Sustainable Innovation. *Sustainability*, 10(10), 1–25. <https://doi.org/10.3390/su10103641>

Информация об авторах

Елена Сергеевна Вылкова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия vyukova-es@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3736-9683>

Наталья Владимировна Покровская, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия n.pokrovskaja@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8314-9470>

Вячеслав Михайлович Жигалов, кандидат экономических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой управления и планирования социально-экономических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия v.zhigalov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5475-5420>

Оксана Сергеевна Муравьева, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия, предпринимательства и инноваций, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия o.muraveva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3227-5378>

Ирина Николаевна Вейнер, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, учета и аудита, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
i.veyner@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8557-1667>

Information about the authors

Elena S. Vylkova, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia
vylkova-es@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3736-9683>

Natalia V. Pokrovskaja, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Credit Theory and Financial Management, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
n.pokrovskaja@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8314-9470>

Viacheslav M. Zhigalov, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Management and Planning of Socio-Economic Processes, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
v.zhigalov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5475-5420>

Oksana S. Muraveva, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Enterprise Economics, Entrepreneurship and Innovation, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
o.muraveva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3227-5378>

Irina N. Veyner, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Statistics, Accounting and Audit, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
i.veyner@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8557-1667>

Применение семантического анализа в стратегическом маркетинге при использовании инструмента интеллект-карт

Юлия Валентиновна Логинова^{1✉}, Илья Валентинович Логинов²

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

² Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, Орёл, Россия
Контакт для переписки: jul.cool@mail.ru[✉]

Аннотация. В статье рассматривается использование в маркетинге интеллект-карт как инструмента, применяемого для поиска решений и систематизации информации. Для решения маркетинговых задач и разработки эффективных маркетинговых стратегий большое значение имеет обработка и анализ получаемой информации. Для более эффективного использования таких инструментов, как интеллект-карты, и минимизации ручной обработки данных появляются различные запросы, например объединение карт в одну от нескольких экспертов или разные итерации карты от одного эксперта. Из-за увеличения объема и потока информации повышается трудоемкость анализа текстов на естественных языках. Предложен алгоритм, состоящий из пяти этапов, и методика для решения проблемы объединения информации интеллект-карт в одну методами семантического анализа. Для апробации методики проведен эксперимент, в ходе которого проанализировано более 30 интеллект-карт. По результатам анализа представлена объединенная интеллект-карта на основе предлагаемой методики и решена задача объединения ряда разнородных карт в одну с помощью семантического анализа. В статье использованы такие методы, как анализ литературы, эксперимент, семантический анализ текста.

Ключевые слова: маркетинг, рынок, анализ, интеллект-карты, лингвистика, стратегия, семантический анализ, извлечение информации

Цитирование: Логинова Ю. В., Логинов И. В. 2024. Применение семантического анализа в стратегическом маркетинге при использовании инструмента интеллект-карт // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 1 (37). С. 103–123. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-103-123>

Поступила 11.10.2023; одобрена 24.10.2023; принята 12.04.2024

Application of semantic analysis in strategic marketing using the mind map tool

Julia V. Loginova¹✉, Ilia V. Loginov²

¹ Financial University, Moscow, Russia

² The Russian Presidential Academy Of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

Corresponding author: jul.cool@mail.ru ✉

Abstract. The article discusses the marketing use of a tool used to find solutions and systematize information as mind maps. Due to the increase in the volume and flow of information, a high degree of laboriousness of the analysis of texts in natural languages appears. To solve marketing problems and develop effective marketing strategies, the processing and analysis of the information received is of great importance. For more efficient use of tools, like mind maps, and minimization of manual data processing, there are requests such as combining maps into one from several experts or different map iterations from one expert. A technique is proposed for solving the problem of combining information from mind maps into one by semantic analysis methods, consisting of five stages. An algorithm for combining a set of mind maps into one using the methods of semantic text analysis is presented. To test the methodology, an experiment was conducted, during which more than 30 mind maps were analyzed. Based on the results of the analysis, a combined mind map based on the proposed methodology is presented and the problem of combining a number of heterogeneous maps into one is solved using semantic analysis. The article uses such methods, as literature analysis, experiment, semantic analysis of the text.

Keywords: marketing, market, analysis, mind maps, linguistics, strategy, semantic analysis, information extraction

Citation: Loginova, Ju. V., & Loginov, I. V. (2024). Application of semantic analysis in strategic marketing using the mind map tool. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(1), 103–123. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-103-123>

Received Oct. 11, 2023; Reviewed Oct. 24, 2023; Accepted Apr. 12, 2024

Введение

Благодаря цифровизации и развитию информационных технологий количество информации в мире постоянно увеличивается, уровень конкуренции становится беспрецедентным, что также отражается и в маркетинге, где увеличиваются объемы информации о клиентах, партнерах, конкурентах, постоянно изменяются внешние

факторы и т. д. С другой стороны, традиционные подходы к решению маркетинговых задач становятся не всегда актуальными в настоящее время. Увеличивается скорость потребления и распространения информации и уменьшается жизненный цикл рекламных кампаний. В продвижении постоянно требуется разрабатывать привлекательные, отличающиеся предложения для потребителей, для чего необходима выработка свежих креативных идей для рынка. Это также влияет на подходы к разработке стратегического маркетинга.

Маркетинговая стратегия представляет собой набор мероприятий по позиционированию предприятия, продукта или услуги, а также проекта на рынке, определение рыночной ниши. Разработка маркетинговых стратегий и их составляющих, включая коммуникационную стратегию, происходит с учетом факторов рыночной ситуации, возможностей предприятия и особенностей конкурентной обстановки [Tomše, Snoj, 2014]. Основой формирования исходного замысла при разработке коммуникационной стратегии является системный подход. В его рамках обеспечивается целенаправленность, системность и взаимосвязанность отдельных мероприятий [Bagorka, 2017]. При изменении значимых факторов рыночной обстановки реализуется их адаптация в условиях неопределенности, что обосновывает важность креативности [Althuizen и др., 2016]. Высокая креативность маркетинговых стратегий обеспечивается: гибкостью коммуникационных технологий (*flexibility*); широким охватом / кругозором продвижения (*fluency*) и настойчивостью (*persistence*) проведения коммуникационной кампании; проактивным реагированием при реализации мероприятий и широким внедрением методов прогнозирования [Tarka, Łobiński, 2014].

При анализе маркетинговых стратегий широко используют механизмы многоуровневого SWOT-анализа товарных рынков и выбора маркетинговых стратегий. SWOT-анализ позволяет выделять сильные и слабые стороны, возможности и угрозы при ведении операционной деятельности предприятия и развития направлений деятельности [Любецкий, 2018; Лепехина, 2018; Комарова, Мишурова, 2020; Изакова, Елькина, 2021]. Также при разработке и анализе стратегий используется оценка эффективного распределения ресурсов. В качестве основных инструментов стратегического маркетинга выделяют: модель пяти сил М. Портера, матрицу компаний BCG, McKinsey/GE, Shell/DPM, матрицу Артура Д. Литла (ADL-LC) [Любецкий, 2018].

При анализе маркетинговых стратегий на различных рынках сталкиваются со следующими основными проблемами: описание маркетинговых стратегий / информации представляется в виде структурированных текстов на естественных языках; неопределенный характер основных факторов, влияющих на проведение маркетинговых кампаний и реализацию маркетинговых стратегий, приводит к высокой степени трудоемкости анализа маркетинговых стратегий. Одним из инструментов, используемых для решения подобных маркетинговых задач, являются интеллект-карты¹. Необходимость сделать их применение более эффективным и минимизировать при этом ручную обработку

¹ Также существуют и другие термины данного метода, такие как ментальная карта, диаграмма связей, ассоциативная карта, mindmap, которые являются синонимичными по большей части. В данной работе будет использоваться термин «интеллект-карта».

данных формирует такие запросы, как объединение карт в одну. При этом задача объединения карт позволяет составить одну карту от нескольких экспертов или объединить несколько карт от одного эксперта в разных итерациях.

Поэтому важно использовать методы, которые позволят полноценно обрабатывать лингвистическую информацию при оценке маркетинговых стратегий. Развитие математико-лингвистических методов анализа и обработки информации, извлечения информации и структурированных текстов и их преобразования, нечеткого лингвистического подхода позволяет перейти к непосредственно анализу текстов при обработке маркетинговых стратегий. В связи с этим является актуальной обработка лингвистической информации, получаемой в ходе планирования маркетинговой деятельности для повышения ее эффективности, а также значимой информации, представленной в интеллект-карте.

Методы

В исследовании используются такие методы, как анализ литературы, эксперимент, семантический анализ текста. Последний направлен на анализ смысла текста. Данный вид анализа уточняет связи с учетом значения слов, причем некоторые из них можно отфильтровать [Белов и др., 2020].

Эмпирической базой выступили интеллект-карты, разработанные для подготовки креативной концепции нестандартной новогодней акции, а также системные карты для структурирования маркетинговой информации и разработки маркетинговой стратегии. Одним из методов подтверждения результатов стал научный эксперимент, в ходе которого для решения задачи объединения карт была представлена статья (как источник однородной информации), и необходимо было составить по данной статье карту в группах по 2–3 человека. Всего было проанализировано более 30 интеллект-карт.

Среди решаемых задач семантического анализа в маркетинге рассматриваются такие как анализ и создание рекламных материалов [Фещенко, 2020; Ехлаков, Малаховская, 2018; Кузнецов, Вильнин, 2021; Алексеева, Федосеева, 2022; Шлыков, Гордеева, 2020], выбор поставщика, анализ качества товаров или услуг по отзывам на разных информационных площадках (например, на сайтах, в поисковых системах, социальных сетях) [Шимохин, 2021], построение ассоциативной сети бренда.

Использование структурно-семантического анализа в маркетинге рассматривала Л. Г. Фещенко. Для анализа текста на первоначальном этапе определяется коммуникативный тип рекламного текста и то, какие знаки коммуникативных систем используются для кодирования маркетинговой информации. Среди них выделяются следующие:

- вербальный материал;
- слово и знаки визуально-графической природы (изображение, цвет, структурно-композиционная инструментовка текста, шрифт);
- слово и аудиальные знаки (голос, звук и шум, музыка; сочетание знаков разной коммуникативной природы, перечисленных выше, а также кинетические знаки) [Фещенко, 2020].

А. В. Шимохин использовал семантический анализ для решения задачи по выбору поставщика. По мнению исследователя, семантический анализ является сложной математической задачей, которую приходится решать в процессе разработки искусственного интеллекта [Шимохин, 2021].

Ю. П. Ехлаков, Е. К. Малаховская представили концептуальную модель предметной области в виде семантической сети для формирования содержания коммуникационного сообщения с выделением ключевых понятий и последовательности лексических единиц, подобранных с учетом маркетинговых характеристик объектов понятий. Авторы отмечают важность использования семантической сети для проектирования шаблонов рекламного текста [Ехлаков, Малаховская, 2018].

С. А. Кузнецов и А. Д. Вильнин анализировали семантическое сходство контента для решения задачи поиска целевых сообществ [Кузнецов, Вильнин, 2021].

Т. Е. Алексеева, А. Н. Федосеева с помощью семантического анализа выделили ключевые слова с положительной коннотацией, которые служат для привлечения внимания потенциального покупателя [Алексеева, Федосеева, 2022].

В. А. Шлыков, О. А. Гордеева для формирования контекстной рекламы использовали синтаксический и семантический анализ текста веб-страниц, предварительно посещенных пользователями. По результатам анализа составляется набор ключевых слов, которые сопоставляются с категорией рекламных предложений в базе данных для формирования релевантного рекламного предложения [Шлыков, Гордеева, 2020].

Применение интеллект-карт в маркетинге

Интеллект-карта представляет собой метод структуризации и визуализации концепций с использованием графической записи в виде диаграммы, а также, собственно, саму диаграмму, используемую для визуальной организации информации в иерархию и показывающую взаимосвязи между частями целого. При этом диаграмма имеет вид дерева с одним корнем.

Интеллект-карты стали использоваться как формализованный метод в начале 1970-х гг. благодаря Т. Бьюзену в качестве альтернативы линейному мышлению. Они часто применяются для ассоциативного мышления — для поиска креативных решений для продвижения. Выделяются как индивидуальные, так и групповые интеллект-карты. Групповые могут реализовываться после сеанса мозгового штурма, когда объединяют результаты участников. Также существуют системные диаграммы, на которых выделяют ряд компонентов, как, например, описание группы ключевых стейкхолдеров компании. Системные больше используются для упорядочивания информации, позволяя выявить пробелы в существующей системе, где сосредоточено больше ресурсов и результатов, а где меньше [Микалко, 2019].

Первоначальный анализ маркетинговой проблемы требует формализации явлений в некоторой удобной для анализа форме. Вариантом исходной задачи является описание потенциального рынка либо маркетинговой стратегии по продвижению товара на новом рынке. Компактная систематизация информации может быть выполнена в виде интеллект-карты в форме семантически связанного дерева (подвид графа), в котором

корнем является исследуемое явление (например, маркетинговая стратегия продвижения бренда): $G = (V, E)$. Вершинами графа являются «термины», представленные семантическими выражениями $v \in V$. Между терминами заданы связи типа «часть — целое», представленные в виде ребер дерева: $e \in E$.

Вариантом применения интеллект-карты является задача нахождения нестандартного решения по разработке маркетинговой кампании. Согласно данному варианту, использование интеллект-карты должно помочь найти креативное решение с помощью ассоциаций с ключевыми словами и подготовить комбинации решений на основе разных сочетаний ключевых слов. Пример разработанной маркетологом интеллект-карты на тему «нестандартной новогодней кампании „Деливери“ в Москве» представлен на рис. 1, пример части системной интеллект-карты — на рис. 2.

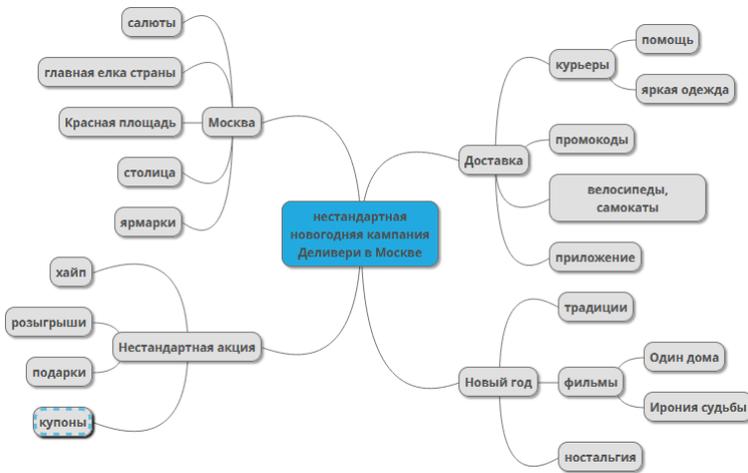

Рис. 1. Пример части интеллект-карты идеи маркетинговой кампании

Fig. 1. The example of a MindMap for a marketing company

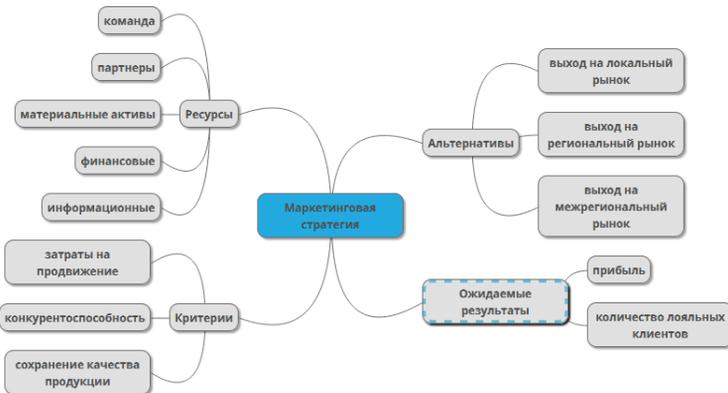

Рис. 2. Пример части системной интеллект-карты

Fig. 2. The example of a part of a systemic mind map

Задачи автоматической обработки интеллект-карт в маркетинге возникают при наличии нескольких экспертов-маркетологов. При наличии нескольких экспертов, формирующих исследование маркетинговой проблемы O , на выходе есть несколько деревьев интеллект-карты G_i , каждое из которых описывает с некоторой неопределенностью один и тот же объект — проблему $\mathcal{E}: O \rightarrow G$, или $G = O + \varepsilon_o$, где ε_o — ошибка описания «маркетинговой проблемы». Возникает типовая задача объединения информации об исследуемом объекте в одну интеллект-карту:

$$G = \cup_i G_i, \quad (1)$$

где $\cup_i G_i$ — операция объединения деревьев интеллект-карты разных экспертов \mathcal{E}_i в один граф.

Проблема семантического анализа интеллект-карт

При маркетинговом анализе имеют дело с множеством текстовой информации на естественном языке. В общем случае такая информация имеет гипертекстовый мультимедийный вид, и при наличии множества источников естественным способом является автоматизация ее обработки. По своей сути исходными данными для анализа выступает множество упорядоченных текстов $\{G_i\}$, представленных в форме интеллект-карт. В соответствии с работой [Beel, Langer, 2011], большая часть интеллект-карт включает до 100 узлов с длиной терминов в диапазоне от 1 до 5 слов. К формированию удобных интеллект-карт есть ряд требований, основные из которых — число листьев, глубина и связность [Kedaj и др., 2014.]. Применение метода групповой работы с использованием интеллект-карт позволяет получить более подробную и достоверную информацию об оцениваемом маркетинговом явлении [Chen и др., 2019; Koznov и др., 2011]. При этом рассматриваются как инструменты групповой работы (Сomapping, Mindomo, MindMeister, mindmap) [Koznov и др., 2011], так и механизмы парного (группового) взаимодействия [Chen и др., 2019]. Групповая работа в инструментах с интеллект-картами предполагает решение задачи их объединения [Koznov и др., 2011; Lindholm, 2001].

С позиций графов интеллект-карта представляет собой ориентированное дерево с узлами, имеющими семантическое значение. Широко распространенным алгоритмом объединения интеллект-карт является алгоритм 3DM for XML-merging [Lindholm, 2001], представляющий собой алгоритм синхронизации (объединения) ориентированных деревьев. Алгоритм представляет собой развитие 2 way merge алгоритма и предполагает создание двух delta-файлов, сравнивающих каждый из объединяемых интеллект-карт с исходным. На основе этих файлов формируют два аннотационных файла с изменениями. После этого аннотационные файлы объединяются с использованием механизма 2-way merge. Рассматривается три типа связей при расчетах: content match (сопоставление узлов с одинаковым / похожим смыслом), structure match (сопоставление узлов с одинаковым / похожим списком дочерних узлов) и full match (сопоставление узлов по содержанию и структуре одновременно).

Перспективным направлением является применение механизмов нейросетей для решения задачи объединения графовых структур [Shabani и др., 2023]. В соответствии с [Shabani и др., 2023], для решения задачи применяются следующие графовые нейросети в рамках метода Graph Reinforcement Learning (GRL):

1. Графовые рекуррентные сети (GRN):
 - 1.1. Построенные на основе обучения (LSTM) [Li и др., 2022; Zhang и др., 2022].
 - 1.2. Построенные на основе правил (GRU) с последующим обучением [Ge и др., 2022].
2. Сверточные графовые сети [Zhang и др., 2019].
3. Спектральные графовые сети [Levie и др., 2018] работают на основе спектральной теории графов и фильтрации сигналов в виде графов с использованием преобразования Фурье.
4. Графовые нейросети на основе пространственных методов [Hamilton и др., 2017] работают на основе методов локального соседства узлов и расчета их похожести.
5. Нейросети на основе кодирования / декодирования графов (Graph AutoEncoder) [Hou и др., 2022].
6. Нейросети кодирования последовательностей графов (Graph Attention Network) [Veličković и др., 2017] предполагают сжатие числа узлов на основе объединения общей информации.

Для оценки похожести узлов (концептов), представленных лексическими выражениями, применяют семантический анализ (явный семантический анализ [Gabrilovich, Markovitch, 2007], существенный семантический анализ [Hassan, Mihalcea, 2011], латентный семантический анализ [Deerwester и др., 1990; Landauer и др., 1997], ориентированный (поисковый) семантический анализ [Shalaby, Zadrozny, 2017]). В общем случае семантический анализ терминов на предмет их похожести предполагает применение таксономических и нейросетевых методов [Yang, Yin, 2021]. Задается мера похожести терминов с учетом их многозначности:

$$S = S(w_{i,m}, w_{j,n}), \quad (2)$$

где $w_{i,m}$ — m -й смысл i -термина; $w_{j,n}$ — n -й смысл j -термина.

Вводится обратный к похожести термин — расстояние между терминами:

$$Dist = Dist(w_{i,m}, w_{j,n}). \quad (3)$$

Перечень подходов к расчету похожести терминов [Yang, Yin, 2021]:

1. Таксономическая модель (кратчайшее расстояние):

$$Dist = dep(w_{i,m}) + dep(w_{j,n}) - 2 \cdot dep(ncn(w_{i,m}, w_{j,n})), \quad (4)$$

где dep — глубина (уровень) термина в таксономии; ncn — ближайший общий предок в таксономии.

2. Простой способ на базе таксономии WordNet (может быть рассчитана и на других базах терминов):

$$S = \max \left[-\log \frac{Dist(w_{i,m}, w_{j,n})}{2 \cdot D} \right], \quad (5)$$

где D — максимальная глубина.

3. Подход на основе глубины термина:

$$S = \frac{2 \cdot dep(ncn(w_{i,m}, w_{j,n}))}{ep(w_{i,m}) + dep(w_{j,n})}. \quad (6)$$

4. Локальное концептуальное разнообразие:

$$Dist = Dist(w_{i,m}, w_{j,n}) = \max_r - \frac{\max_r - \min_r}{nlr(r)}, \quad (7)$$

где \max_r и \min_r — веса отношений (0 — синоним; 2,5 — антоним; [1;2] — гипонимы и меронимы); $nlr(r)$ — расстояние нормализации.

5. Расчет максимального пути:

$$\begin{aligned} S(w_i, w_j) &= \max [S(w_{i,m}, w_{j,n})] = \\ &= \max [C - dist(w_{i,m}, w_{j,n}) - K \cdot dir(w_{i,m}, w_{j,n})], \end{aligned} \quad (8)$$

где C и K — константы ($C = 8, K = 1$); $dir(w_{i,m}, w_{j,n})$ — количество изменений направлений при поиске пути.

6. На основе гибридной полезности:

$$\begin{aligned} S &= S(w_{i,m}, w_{j,n}) = \\ &= \begin{cases} \alpha_t \cdot \beta_t^{Dist(w_{i,m}, w_{j,n})^{-1}}, & Dist(w_{i,m}, w_{j,n}) \leq \gamma, \\ 0, & Dist(w_{i,m}, w_{j,n}) > \gamma, \end{cases} \end{aligned} \quad (9)$$

где γ — максимальное значение глубины термина.

7. Информационная модель:

$$\begin{aligned} S &= S(w_{i,m}, w_{j,n}) = IC(w_{i,m}) + IC(w_{j,n}) - \\ &\quad - 2 \cdot IC(ncn(w_{i,m}, w_{j,n})), \end{aligned} \quad (10)$$

где IC — объем информации термина.

8. Нейросетевая модель на дистрибутивной семантике. В отличие от традиционной семантики распределения, основанной на подсчете, модель Vines может давать гораздо более плотные векторы слов с меньшими размерностями при обучении без учителя.
9. Неспецифичные нейросети — в качестве примера могут быть рассмотрены Skip-gram with Negative Sampling (SGNS1) и GloVe2.
10. Контекстные нейросети (CNNE) — в качестве примера могут быть рассмотрены BERT-base.

Наличие различных методов анализа текста, однако, не позволяет в явном виде проводить семантическую обработку интеллект-карт, выраженных на естественных языках. Это показывает актуальность решения задачи разработки методик обработки результатов групповой маркетинговой экспертизы на основе современных методов обработки текстов.

Результаты

Объединение интеллект-карты в маркетинге на основе методов семантического анализа текстов

Проведение маркетингового анализа с привлечением нескольких экспертов требует формализации механизма объединения результатов их работы. Анализ рынка, рыночных ниш, маркетинговых и коммуникационных стратегий методами структуризации информации (интеллект-карты, семантические сети, облака тегов) — типовые задачи группового анализа с применением методов естественного языка. Для решения проблемы объединения информации от экспертов в работе предлагается методика (рис. 3), предполагающая выполнение следующих этапов:

1. Формулировка задания на исследование маркетинговой проблемы O .
2. Формирование группы экспертов, специализирующихся в конкретных отраслях маркетинга: $\mathcal{E} = \{\mathcal{E}_i\}$. Число экспертов должно составлять 3–5 человек, для всестороннего изучения проблемы.
3. Независимая работа экспертов по анализу маркетинговой проблемы и представление результатов маркетингового анализа в форме интеллект-карты:

$$\mathcal{E}: O \rightarrow G; \{\mathcal{E}_i\}: O \rightarrow \{G_i\}. \quad (11)$$

4. Для формирования интеллект-карт могут применяться специальные инструменты (Visio, MindMapCreator, Mind42, XMind, Miro, Mindjet, FreeMind и др.), функциональность которых позволяет выгружать интеллект-карты в форме текстовых или XML-документов.
5. Объединение множества интеллект-карт в одну, описывающую маркетинговую проблему всесторонне с различных сторон:

$$G^* = \bigcup_i G_i. \quad (12)$$

6. Представление обобщенной интеллект-карты G^* в графическом виде для дальнейшего использования при маркетинговом анализе.

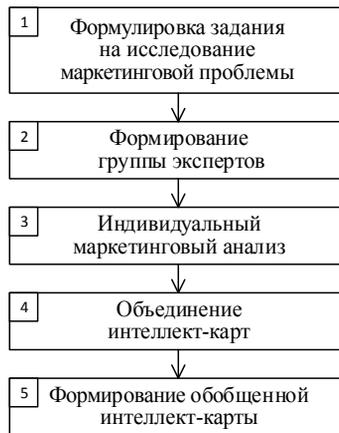

Рис. 3. Методика объединения экспертной информации методами семантического анализа

Fig. 3. Methodology for combining expert information using semantic analysis methods

Объединение множества интеллект-карт в одну с использованием методов семантического анализа текстов описывается следующим алгоритмом, представленным на рис. 4.

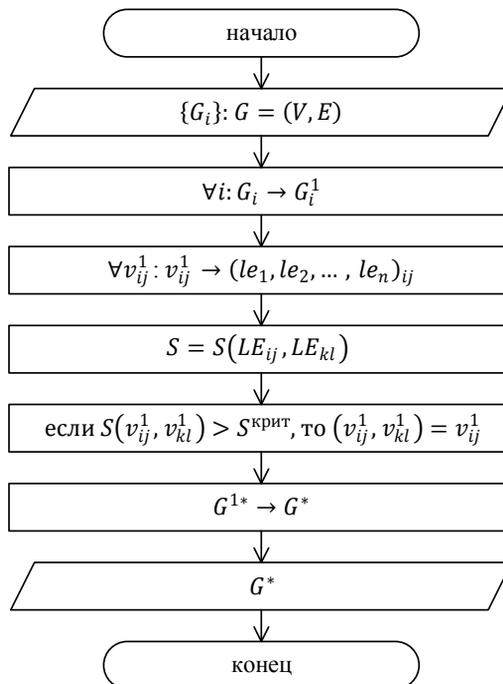

Рис. 4. Алгоритм объединения интеллект-карт на основе семантического анализа

Fig. 4. Algorithm for combining mind maps based on the semantic analysis

Исходные данные: множество интеллект-карт, элементами которых являются концепты и связи между ними вида «часть — целое»: $\{G_i\}$; $G = (V, E)$.

1. Преобразование многоуровневого дерева G_i в одноуровневое путем семантического преобразования концептов — листьев:

$$\forall i: G_i \rightarrow G_i^1. \quad (13)$$

Узлы ментальной карты $v \in V$ представляют собой термины в форме лексических выражений $v = LE$. Выражения компактны (мало слов во фразе). За счет наличия связи типа «часть — целое» («класс — подкласс») цепь от корня дерева до листа можно преобразовать в семантическое выражение без потери смысла:

$$v_0 \rightarrow v_{01} \rightarrow v_{12} = v_0: v_{01}: v_{12} = v_{12}^1, \quad (14)$$

где v_0, v_{01} — узлы нулевого и первого яруса дерева; v_{12} — лист дерева G_i ; v_{12}^1 — преобразованный лист дерева G_i^1 .

$$\forall v_{ij}, \text{ где } v_{ij} \text{ — лист дерева: } v_{ij} \rightarrow v_{ij}^1. \quad (15)$$

Пример: семантическое значение цепи концептов «Маркетинговая стратегия» → «Целевой рынок» → «Пенсионеры» преобразуется в лексическое выражение методом конкатенации «Маркетинговая стратегия. Целевой рынок. Пенсионеры».

2. Синтаксическое преобразование лексических единиц в векторы слов ВоС:

$$\forall v_{ij}^1: v_{ij}^1 \rightarrow (le_1, le_2, \dots, le_n)_{ij} = LE_{ij}, \quad (16)$$

где $(le_1, le_2, \dots, le_n)$ — вектор слов на основе векторной модели текста (на основе механизма латентного семантического анализа).

3. Парный расчет похожести концептов v_{ij}^1 и v_{kl}^1 , представленных в форме векторов слов, на основе взвешенного косинусного сходства:

$$S = S(LE_{ij}, LE_{kl}) = \frac{LE_{ij} \odot LE_{kl}}{\|LE_{ij}\| \cdot \|LE_{kl}\| \cdot \sum_m \alpha_m}, \quad (17)$$

где \odot — операция взвешенного упорядоченного произведения координат векторов LE_{ij} и LE_{kl} :

$$le_{ijm} \odot le_{klm} = \alpha_m \cdot le_{ijm} \cdot le_{klm}, \quad (18)$$

где α_m — весовой коэффициент значимости m -го по похожести концепта из вектора слов; координаты вектора слов упорядочены по похожести.

4. Объединение v_{ij}^1 в один граф методом кластерного анализа. По всем деревьям G_i^1 находятся самые похожие узлы. При похожести узлов больше критической узлы объединяются в один:

$$\text{если } S(v_{ij}^1, v_{kl}^1) > S^{\text{крит}}, \text{ то } (v_{ij}^1, v_{kl}^1) = v_{ij}^1. \quad (19)$$

При объединении нескольких семантических выражений в одно в качестве результирующего выбирается то, которое имеет самый высокий уровень средней схожести на другие выражения.

- Преобразование одноярусного дерева G^{1*} в многоярусное G^* в соответствии с обратным преобразованием конкатенации:

$$G^{1*} \rightarrow G^*: v_{ij}^1 \rightarrow v_{ij}. \quad (20)$$

Выходные данные — объединенная интеллект-карта G^* , описывающая исследуемую маркетинговую проблему.

Обсуждение

Рассмотрим пример объединения интеллект-карт с использованием предложенного механизма. Следует отметить, что предложенный в работе механизм не накладывает значимых ограничений на предметную область, однако имеет ограничения, связанные с формой и структурой интеллект-карт. Типовыми для маркетинга являются интеллект-карты с числом узлов не более 100–150 и длиной концептов 2–5 слов, что и может быть обчислено с использованием алгоритма. Вторым ограничением является отсутствие числовых значений: представленный в работе метод анализа семантических выражений не предполагает сравнение числовых (количественных) величин свойств и показателей, а работает только с самими свойствами и показателями объекта.

Пример: исходные данные — пять одноярусных интеллект-карт с числом листьев от 4 до 7. Графическое изображение интеллект-карт, созданное с помощью программного средства MindMapCreator, приведено на рис. 5.

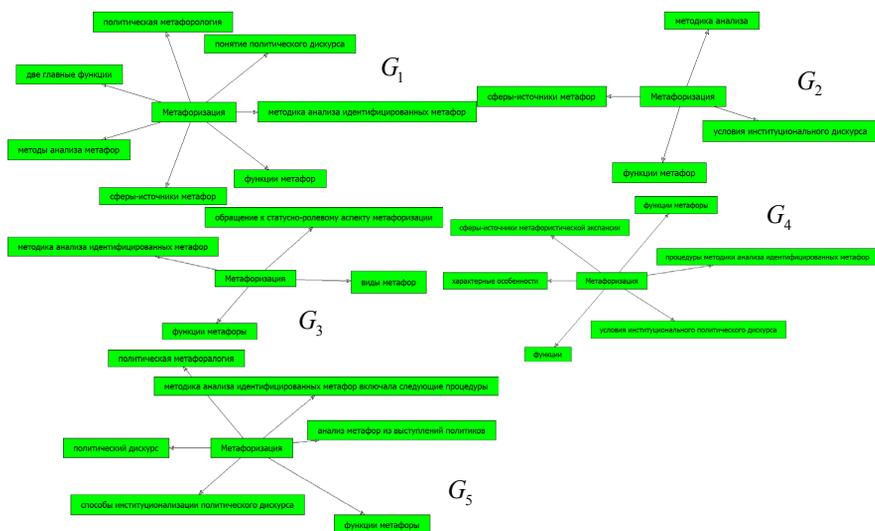

Рис. 5. Исходные интеллект-карты, полученные от экспертов

Fig. 5. Original mind maps obtained from experts

Всего во всех интеллект-картах 27 узлов. Отдельные результаты попарного сравнения приведены в таблице 1.

Результаты кластерного анализа концептов приведены на рис. 6.

Результирующий граф завит от величины $S^{крит}$. При $S^{крит} = 0,5$ полученная ментальная карта представлена на рис. 7.

Таблица 1. Результаты сравнения похожести концептов G_1 и G_2

Table 1. Results of G_1 and G_2 concept similarity comparison

$S(v_{1i}, v_{ij})S$		Ментальная карта G_2			
		v_{21}	v_{22}	v_{23}	v_{24}
Интеллект-карта G_1	v_{11}	0,50	1,00	0,00	0,00
	v_{12}	1,00	0,50	0,00	0,00
	v_{13}	0,41	0,41	0,41	0,00
	v_{14}	0,00	0,41	0,00	0,00
	v_{15}	0,00	0,00	0,00	0,00
	v_{16}	0,00	0,00	0,00	0,33
	v_{17}	0,35	0,35	0,71	0,00

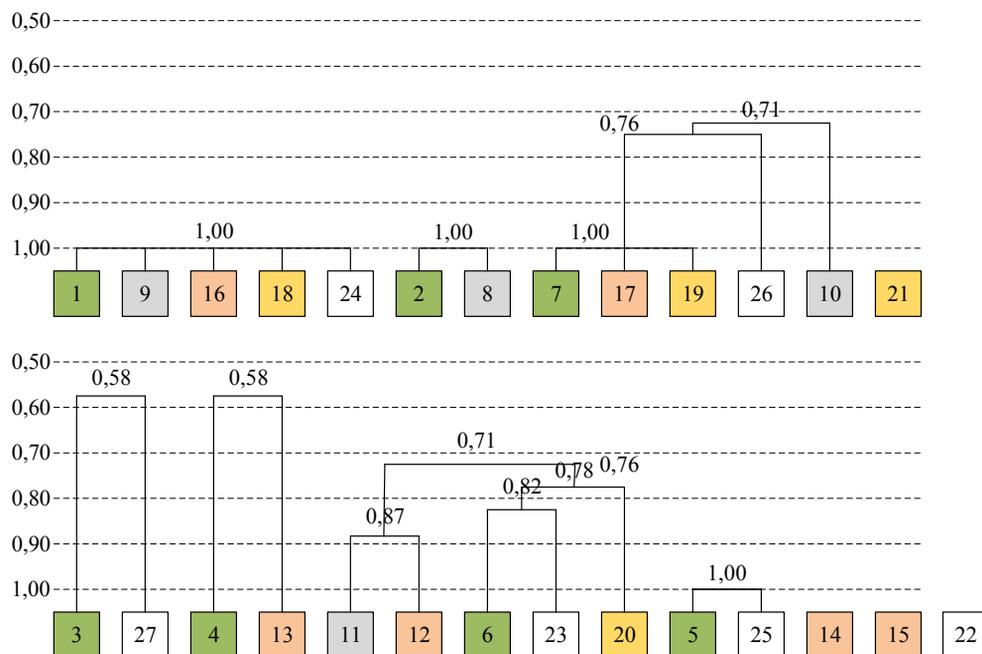

Рис. 6. Кластерный анализ семантической похожести концептов

Fig. 6. Cluster analysis of concepts' semantic similarity

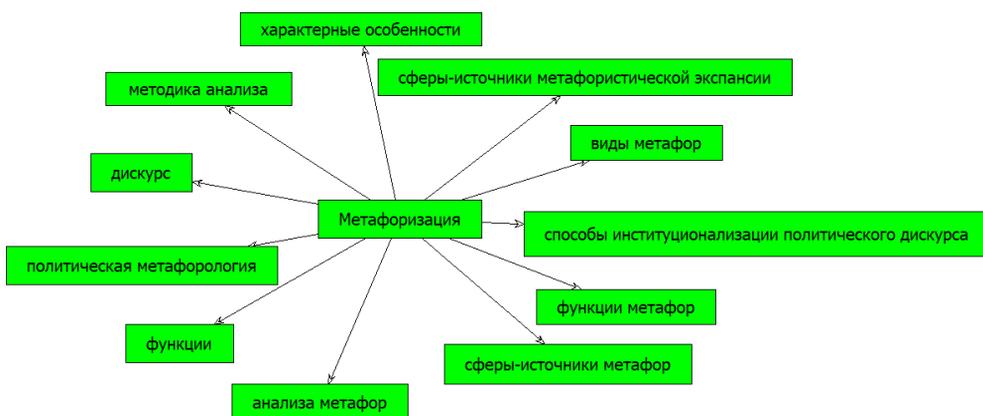

Рис. 7. Итоговой вид объединенной интеллект-карты

Fig. 7. The final view of the integrated mind map

По результатам объединения интеллект-карт можно наблюдать, что часть информации, содержащейся в них, совпадала в разных картах, часть информации была уникальна для отдельной карты, что не встречалось в других решениях. Применение данного метода позволяет ускорить процесс обработки информации, полученной в ходе мозгового штурма и применения других методов поиска решений для маркетинга. Задача объединения карт в одну позволяет упорядочивать информацию и представлять наиболее полное решение для дальнейшего анализа.

Данная методика может найти применение для объединения нескольких интеллект-карт (от двух и более) для решения маркетинговых задач. Также данная методика актуальна для использования участниками поиска решений разными сервисами для создания карт.

Применение методов обработки лингвистической информации в области маркетинга может найти применение: в разработке маркетинговых стратегий, формировании пула стейкхолдеров из разрозненных источников, формировании креативных рекламных кампаний, создании предложений для рынка, поиске новых сегментов рынка и т. д.

Заключение

Интеллект-карты нашли обширное применение во многих сферах деятельности, в том числе и маркетинге. Преимущество использования данного инструмента заключается в объединении аналитического и творческого подходов к поиску решений. Здесь используется и систематизация существующей информации, и творческий подход для решения маркетинговых задач.

В качестве практической части проанализированы интеллект-карты двух типов: для решения задачи поиска креативной идеи для новогодней акции и системная карта для упорядочивания информации из источника. При оценке полученных карт в ходе эксперимента было определено, что, учитывая исходные условия для всех участников,

результаты создания карт отличаются. Во-первых, присутствует разное количество узлов в карте. Во-вторых, информация в узлах является разнородной. В-третьих, были использованы разные сервисы для создания карт. В-четвертых, каждая карта являлась уникальной по представлению и содержанию. Что в целом затрудняет процесс обработки полученной информации в ходе поиска общего решения. При этом введение ряда ограничительных факторов могло отразиться на творческом результате, в связи с этим ограничения вводились на время создания карты.

Подводя итог, можно сделать вывод, что задача объединения разрозненных интеллект-карт для поиска маркетинговых решений решена. В перспективе развития дальнейших исследований рассматривается выделение весов и определение уникальности каждой идеи, что позволило бы делать более тщательный анализ полученных данных. В целом использование методов, которые позволяют обрабатывать лингвистическую информацию для решения задач маркетинга, направлено на повышение эффективности использования информации с учетом человеческого капитала для разработки маркетинговых стратегий, формирования предложений для рынка, анализа отзывов, создания рекламных текстов и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеева Т. Е., Федосеева А. Н. 2022. Англоязычные рекламные слоганы автопроизводителей: структурно-семантический анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 81–87.
- Белов С. Д., Зрелова Д. П., Зрелов П. В., Кореньков В. В. 2020. Обзор методов автоматической обработки текстов на естественном языке // Системный анализ в науке и образовании. № 3. С. 8–22.
- Ехлаков Ю. П., Малаховская Е. К. 2018. Семантическая сеть формирования содержания текстового коммуникационного сообщения для продвижения мобильных приложений на потребительский рынок // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. № 45 (1). С. 129–138.
- Изакова Н. Б., Елькина К. С. 2021. Матричный метод Росситера — Перси при разработке коммуникационной стратегии производителя хлебобулочных изделий // e-FORUM. Том 5. № 2 (15).
- Комарова С. Н., Мишурова А. Ю. 2020. Выбор маркетинговой стратегии сервисного предприятия для обеспечения устойчивого развития // Естественно-гуманитарные исследования. № 28 (2). С. 119–128.
- Кузнецов С. А., Вильнин А. Д. 2021. Сравнение методов оценки семантического сходства на основе doc2vec и tf-idf // Электронные средства и системы управления: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (17–19 ноября 2021 г.). С. 166–168.
- Лепехина Ю. А. 2018. Выбор стратегии стивидорной компании на основе маркетингового анализа // Экономика устойчивого развития. № 2 (34). С. 200–213.
- Любецкий П. Б. 2018. Механизм формирования и реализации маркетинговой стратегии мясоперерабатывающих предприятий. Горки: БГСХА. 288 с.
- Микалко М. 2019. Взлом креатива: как увидеть то, что не видят другие / пер. с англ. А. Коробейникова. М.: Манн, Иванов и Фербер. 4-е изд. 320 с.

- Фещенко Л. Г. 2020. Пентаграмма рекламного текста, или комплексная методика анализа (предтекст, контекст, текст, подтекст, затекст) // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. трудов*. Орёл: Орловский гос. ин-т культуры. Вып. 17. С. 21–35.
- Шимохин А. В. 2021. Семантический анализ отзывов о поставщиках на основе применения нейросетевой технологии // *Фундаментальные исследования*. № 5. С. 117–121.
- Шлыков В. А., Гордеева О. А. 2020. Формирование контекстной рекламы на основе анализа сетевой активности пользователя // *Труды международного симпозиума «Надежность и качество»*. Том 1. С. 276–280.
- Althuizen N., Wierenga B., Chen B. 2016. Managerial decision-making in marketing: matching the demand and supply side of creativity // *Journal of Marketing Behavior*. No. 2. Pp. 129–176.
- Bagorka M. 2017. Methodological instruments for forming the marketing strategy of agricultural production ecologization // *Baltic Journal of Economic Studies*. No. 3. Pp. 7–11.
- Beel J., Langer S. 2011. An exploratory analysis of mind maps // *Proceedings of the 2011 ACM Symposium on Document Engineering*. <https://doi.org/10.1145/2034691.2034709>
- Chen T., Mohanty R. R., Hoffmann Rodriguez M. A., Krishnamurthy V. 2019. Collaborative mind-mapping: a study of patterns, strategies, and evolution of maps created by peer-pairs // *Proceedings of the ASME 2019 International Design Engineering Technical Conferences & Computers and Information in Engineering Conference IDETC/CIE 2019 (August 18–21, 2019, Anaheim, CA, USA)*. <https://doi.org/10.1115/DETC2019-98125>
- Deerwester S. C., Dumais S. T., Landauer T. K., Furnas G. W., Harshman R. A. 1990. Indexing by latent semantic analysis // *JASIS*. No. 41 (6). Pp. 391–407.
- Gabrilovich E., Markovitch S. 2007. Computing semantic relatedness using Wikipedia-based explicit semantic analysis // *IJCAI*. No. 7. Pp. 1606–1611.
- Ge K., Zhao J.-Q., Zhao Y.-Y. 2022. Gr-gnn: gated recursion-based graph neural network algorithm // *Mathematics*. Vol. 10. No. 7. P. 1171.
- Hamilton W., Ying Z., Leskovec J. 2017. Inductive representation learning on large graphs // *Advances in Neural Information Processing Systems*. Pp. 1024–1034.
- Hassan S., Mihalcea R. 2011. Semantic relatedness using salient semantic analysis // *Twenty-Fifth AAAI Conference on Artificial Intelligence*. No. 25. Pp. 884–889.
- Hou Z., Liu X., Dong Y., Wang C., Tang J. 2022. Graphmae: self-supervised masked graph autoencoders // *KDD '22 (August 14–18, 2022, Washington, DC, USA)*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.10803>
- Kedaj P., Pavlicek J., Hanzlik P. 2014. Effective mind maps in e-learning // *Acta Informatica Pragensia*. No. 3. Pp. 239–250.
- Koznov D., Larchik E., Pliskin M., Artamonov N. 2011. Mind maps merging in collaborative work // *Programming and Computer Software*. No. 37. Pp. 315–321.
- Landauer T. K., Laham D., Rehder B., Schreiner M. E. 1997. How well can passage meaning be derived without using word order? A comparison of latent semantic analysis and humans // *Proceedings of the 19th annual meeting of the Cognitive Science Society, Citeseer*. Pp. 412–417.
- Levie R., Monti F., Bresson X., Bronstein M. 2018. Cayleynets: graph convolutional neural networks with complex rational spectral filters // *IEEE Transactions on Signal Processing*. No. 67 (1). Pp. 97–109.

- Li Z., Zhao Y., Zhang Y., Zhang Z. 2022. Multi-relational graph attention networks for knowledge graph completion // *Knowledge-Based Systems*. No. 251. <https://doi.org/10.1016/j.knosys.2022.109262>
- Lindholm A. 2001. September 13. 3-way merging algorithm for synchronizing ordered trees — the 3dm merging and differencing tool for XML: Master's thesis / Helsinki University of Technology, Department of Computer Science and Engineering. Finland, Espoo. <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=01233fb5ca6e286edabea4cceb990d7d7b0f5652>
- Shabani N., Wu J., Beheshti A., Foo J., Hanif A., Shahabikargar M. 2023. A comprehensive survey on graph summarization with graph neural networks // *Journal of IEEE Transactions on Artificial Intelligence*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.06114>
- Shalaby W., Zadrozny W. 2017. Mined semantic analysis: a new concept space model for semantic representation of textual data // *IEEE International Conference on Big Data (BIGDATA)*. Pp. 2122–2131.
- Tarka P., Łobiński M. 2014. Decision making in reference to model of marketing predictive analytics — theory and practice // *Management and Business Administration*. Central Europe. No. 22. Pp. 60–69.
- Tomše D., Snoj B. 2014. Marketing communication on social networks: solution in the times of crisis // *Marketing*. No. 45. Pp. 131–138.
- Veličković P., Cucurull G., Casanova A., Romero A., Lio P., Bengio Y. 2017. Graph attention networks // *ICLR*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1710.10903>
- Yang D., Yin Y. 2021. Evaluation of taxonomic and neural embedding methods for calculating semantic similarity // *Natural Language Engineering*. No. 1 (29). <https://doi.org/10.48550/arXiv.2209.15197>
- Zhang C.-Y., Yao Z.-L., Yao H.-Y., Huang F., Chen C. P. 2022. Dynamic representation learning via recurrent graph neural networks // *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics: Systems*. No. 52 (3). Pp. 468–479.
- Zhang S., Tong H., J. Xu, R. Maciejewski. 2019. Graph convolutional networks: a comprehensive review // *Computational Social Networks*. No. 6 (1). Pp. 1–23.

References

- Alekseeva, T. E., & Fedoseeva, L. N. (2022). English-language advertising slogans of automobile manufacturers: structural and semantic analysis. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, (1), 81–87. [In Russian]
- Belov, S. D., Zrelova, D. P., Zrelov, P. V., & Korenkov, V. V. (2020). Review of methods of automatic text processing in natural language. *Sistemnyy analiz v nauke i obrazovanii*, (3), 8–22. [In Russian]
- Ekhlov, Yu. P., & Malahovskaya, E. K. (2018). Semantic network of text communication message content formation for mobile application promotion in the consumer market. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*, (45), 129–138. [In Russian]
- Izakova, N. B., & Elkina, K. S. (2021). Rossiter–Percy Matrix method in the development of communication strategy of bakery products manufacturer. *e-FORUM*, 5(2). [In Russian]
- Komarova, S. N., & Mishurova, A. Yu. (2020). Choice of marketing strategy of the service enterprise to ensure sustainable development. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, (28), 119–128. [In Russian]

- Kuznetsov, S. A., & Vilnin, A. D. (2021). Comparison of methods of semantic similarity evaluation based on doc2vec and tf-idf. *Proceedings of the 17th International Research Conference Elektronnyye sredstva i sistemy upravleniya* (pp. 166–168). [In Russian]
- Lepekhnina, Yu. A. (2018). Choice of stevedoring company strategy based on marketing analysis. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya*, (2), 200–213. [In Russian]
- Lyubetskiy, P. B. (2018). *Mechanism of Formation and Realization of Marketing Strategy of Meat Processing Enterprises*. BGSHA. [In Russian]
- Mikalko, M. (2019). *Hacking Creativity: How to See What Others Do Not See* (A. Korobeynikov, Tran.). 4th Ed. Mann, Ivanov i Ferber. [In Russian]
- Feshhenko, L. G. (2020). Pentagon of the advertising text, or complex methodology of analysis (pre-text, context, text, subtext, contextualization). In *Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse: A Collection of Scientific Papers* (Vol. 17, pp. 21–35). Orlovskiy gosudarstvenniy institut kultury. [In Russian]
- Shimohin, A. V. (2021). Semantic analysis of supplier feedback based on the application of neural network technology. *Fundamental'nye issledovaniya*, (5), 117–121. [In Russian]
- Shlykov, V. A., & Gordeeva, O. A. (2020). Formation of contextual advertising based on the analysis of user's network activity. *Proceedings of the International Symposium "Nadezhnost' i kachestvo"* (Vol. 1, pp. 276–280). [In Russian]
- Althuizen, N., Wierenga, B., & Chen, B. (2016). Managerial Decision-Making in Marketing: Matching the Demand and Supply Side of Creativity. *Journal of Marketing Behavior*, (2), 129–176.
- Bagorka, M. (2017). Methodological instruments for forming the marketing strategy of agricultural production ecologization. *Baltic Journal of Economic Studies*, (3), 7–11.
- Beel, J., & Langer, S. (2011). An Exploratory Analysis of Mind Maps. *Proceedings of the 2011 ACM Symposium on Document Engineering*. <https://doi.org/10.1145/2034691.2034709>
- Chen, T., Mohanty, R. R., Hoffmann Rodriguez, M. A., & Krishnamurthy, V. (2019). Collaborative Mind-Mapping: A Study of Patterns, Strategies, and Evolution of Maps Created by Peer-Pairs. *Proceedings of the ASME 2019 International Design Engineering Technical Conferences & Computers and Information in Engineering Conference IDETC/CIE 2019 August 18–21, 2019, Anaheim, CA, USA*. <https://doi.org/10.1115/DETC2019-98125>
- Deerwester, S. C., Dumais, S. T., Landauer, T. K., Furnas, G. W., & Harshman, R. A. (1990). Indexing by latent semantic analysis. *JASIS*, (41), 391–407.
- Gabrilovich, E., & Markovitch, S. 2007. Computing semantic relatedness using wikipedia-based explicit semantic analysis. *IJCAI*, (7), 1606–1611.
- Ge, K., Zhao, J.-Q., & Zhao, Y.-Y. (2022). Gr-gnn: Gated recursion-based graph neural network algorithm. *Mathematics*, 10(7), 1171.
- Hamilton, W., Ying, Z., & Leskovec, J. (2017). Inductive representation learning on large graphs. In I. Guyon, U. Von Luxburg, S. Bengio, H. Wallach, R. Fergus, S. Vishwanathan & R. Garnett (Eds.). *Advances in Neural Information Processing Systems* (Vol. 30, pp. 1024–1034).
- Hassan, S., & Mihalcea, R. (2011). Semantic relatedness using salient semantic analysis. *Twenty-Fifth AAAI Conference on Artificial Intelligence*, (25), 884–889.
- Hou, Z., Liu, X., Dong, Y., Wang, C., & Tang, J. (2022). Graphmae: Self-supervised masked graph autoencoders. *KDD'22, August 14–18, 2022, Washington, DC, USA*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.10803>

- Kedaj, P., Pavlicek, J., & Hanzlik, P. (2014). Effective Mind Maps in E-learning. *Acta Informatica Pragensia*, (3), 239–250.
- Koznov, D., Larchik, E., Pliskin, M., & Artamonov, N. (2011). Mind Maps Merging in Collaborative Work. *Programming and Computer Software*, (37), 315–321.
- Landauer, T. K., Laham, D., Rehder, B., & Schreiner, M. E. (1997). How well can passage meaning be derived without using word order? a comparison of latent semantic analysis and humans. In *Proceedings of the 19th Annual Meeting of the Cognitive Science Society* (pp. 412–417). Citeseer.
- Levie, R., Monti, F., Bresson, X., & Bronstein, M. (2018). Cayleynets: Graph convolutional neural networks with complex rational spectral filters. *IEEE Transactions on Signal Processing*, (67), 97–109.
- Li, Z., Zhao, Y., Zhang, Y., & Zhang, Z. (2022). Multi-relational graph attention networks for knowledge graph completion. *Knowledge-Based Systems*, (251). <https://doi.org/10.1016/j.knsys.2022.109262>
- Lindholm, A. (2001). *3-way Merging Algorithm for Synchronizing Ordered Trees — the 3DM merging and differencing tool for XML* [Master's thesis, Helsinki University of Technology]. <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=01233fb5ca6e286ed-abea4cceb990d7d7b0f5652>
- Shabani, N., Wu, J., Beheshti, A., Foo, J., Hanif, A., & Shahabikargar, M. (2023). A Survey on Graph Neural Networks for Graph Summarization. *Journal of IEEE Transactions On Artificial Intelligence*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.06114>
- Shalaby, W., & Zadrozny, W. (2017). Mined semantic analysis: a new concept space model for semantic representation of textual data. *IEEE International Conference on Big Data (BIGDATA)* (pp. 2122–2131).
- Tarka, P., & Łobiński, M. (2014). Decision Making in Reference to Model of Marketing Predictive Analytics – Theory and Practice. *Management and Business Administration. Central Europe*, (22), 60–69.
- Tomše, D., & Snoj, B. (2014). Marketing communication on social networks: Solution in the times of crisis. *Marketing*, (45), 131–138.
- Veličković, P., Cucurull, G., Casanova, A., Romero, A., Lio, P., & Bengio, Y. (2017). Graph attention networks. *ICLR*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1710.10903>
- Yang, D., & Yin, Y. (2021). Evaluation of taxonomic and neural embedding methods for calculating semantic similarity. *Natural Language Engineering*, (1). <https://doi.org/10.48550/arXiv.2209.15197>
- Zhang, C.-Y., Yao, Z.-L., Yao, H.-Y., Huang, F., & Chen, C. P. (2022). Dynamic representation learning via recurrent graph neural networks. *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics: Systems*, (52), 468–479.
- Zhang, S., Tong, H., Xu, J., & Maciejewski, R. (2019). Graph convolutional networks: a comprehensive review. *Computational Social Networks*, (6), 1–23.

Информация об авторах

Илья Валентинович Логинов, доктор технических наук, профессор кафедры математики и информационных технологий, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, Орёл, Россия
loginov_iv@bk.ru

Юлия Валентиновна Логинова, кандидат экономических наук, старший преподаватель департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
jul.cool@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8854-5886>

Information about the authors

Iliia V. Loginov, Dr. Sci. (Tech.), Professor, Department of Mathematics and Information Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia
loginov_iv@bk.ru

Julia V. Loginova, Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
jul.cool@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8854-5886>

Сохранение и укрепление ценностно-мировоззренческих основ современной российской юридической науки

Сергей Владимирович Кабышев

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина,
Москва, Россия

Ценностное и прогнозно-стратегическое значение научной юриспруденции становится тем более важным в современных реалиях, когда нам необходимо с учетом состоявшейся в 2020 г. конституционной трансформации и коренного изменения геополитического и социально-исторического контекста глубоко переосмыслить свою государственно-политическую и правовую систему с позиции российской цивилизационной идентичности на основе безусловного приоритета национальных интересов. Именно юридическая наука призвана играть ключевую роль в формировании профессионального и общественного правосознания, вносить решающий вклад в укрепление ценностей законности и легитимности действующего правопорядка с учетом существующих моральных, религиозных и культурно-исторических факторов, способствовать адаптации законодательства к меняющимся социальным условиям. Важно помнить, что Конституция России проявляет свое регулятивное воздействие в определенной системе законодательного регулирования и динамическом общественном контексте. Поэтому ее эффективность, реальное верховенство и прямое действие в немалой степени зависят от качества правового прогнозирования и способности юридической науки предлагать основанные на базовых ценностях правовой культуры опережающие решения, которые будут восприняты обществом и поспособствуют его развитию.

Обозначу ряд основных ценностно-мировоззренческих проблем нашей научной юриспруденции, которые требуют, на мой взгляд, особенно пристального внимания и обсуждения.

1. Прежде всего нуждается в объективном осмыслении сохраняющий значительную инерцию подход, предполагающий *жесткое разделение, противопоставление политики и идеологии с одной стороны и юриспруденции — с другой*. Обоснованием здесь служит во многом спекулятивный тезис о том, что идеологизация и политизация права являются

прямой дорогой к оправданию властного произвола и подавлению человека, обесценивают академические свободы и критический потенциал науки. Не отрицая того вполне очевидного факта, что любые крайности рискованны и вредны, отмечу, что, как известно, «свято место пусто не бывает», и, как бы мы ни пытались уверить себя в обратном, не бывает и не может быть внеидеологической и надполитической юриспруденции, как и в целом обществоведческих наук. Право как социальный регулятор неразрывно связано с ценностно-мировоззренческими установками общества, которые конкретизируются в общеобязательных государственных велениях, выражающих всеобщую политическую волю, а потому научная юриспруденция, имеющая своим обобщенным предметом вопросы всеобщего социального должного, не может быть отделена от политико-идеологической стороны социальной регуляции.

Активно декларировавшееся в 1990-е гг. стремление к деидеологизации и деполитизации юриспруденции привело отнюдь не к созданию «чистой юридической науки», а к отчуждению отечественной юриспруденции от морально-политических установок и социально-мировоззренческих идеалов российского народа, к господству в ней западоцентризма.

Мы слишком увлеклись безотчетной верой в превосходство западной правовой традиции, превратив ее в некий фетиш, в не только рациональный, но и даже моральный эталон социального развития. Теперь маски сброшены, и уже невозможно не видеть, как за пропагандируемыми правовыми идеалами Запада проступают императивы реальной политики: верховенство права сильного, равенство своих против чужих, гуманизация безнравственности и насильственная толерантность, обязывающая пренебрегать собственной моральной позицией ради потакания чуждым представлениям о вседозволенности.

Нам нужно преодолеть порочную интеллектуальную инерцию этой зависимости, опираясь на собственные национальные традиции, ценности, накопленный уникальный исторический опыт. Необходима широкая научная дискуссия, касающаяся политико-идеологической стороны нашей юриспруденции, которая должна служить суверенным интересам нашего народа, выражать его идеалы и устремления, а не морально-политические приоритеты других стран.

Упущения в этой сфере создают риск подрыва конституционной легитимности. Не секрет, что сама Конституция порой воспринимается как формализованный итог поражения в «холодной войне», как ценностно чуждый и даже враждебный акт. И к этой позиции невозможно относиться безразлично, необходимо правильно и последовательно раскрывать национальный дух и смысл Конституции. Например, ее статью 13, которая в действительности никоим образом не отделяет государство от идеологической функции, но обязывает его выражать исторически сложившуюся идеологию многонационального народа в целом, а не какой-либо его части.

2. В непосредственной связи с уже обозначенной проблемой находится вопрос *произвольных иностранных заимствований* в российской научной юриспруденции, которые касаются не только категориального аппарата и отдельных институтов, но и, более того, правовых принципов, критериев законности, даже методологических приемов юридического познания. Заимствованными могут быть и идеологические смысловые трактовки терминов, иначе понимаемых в нашей правовой среде.

Взять, например, категорию прав человека, которая, имея рациональное зерно, вместе с тем привносится в нашу юриспруденцию некритически, с опорой на чуждые, инородные интерпретации.

В западной правовой традиции идея прав человека отражает онтологический конфликт человека и государства, который разрешается как будто в пользу человека, через формальное признание его безусловного приоритета во всем. Но это провоцирует тотальный насаждаемый культ индивидуальности, которая рассматривается уже не в смысле естественной человечности, а в значении обязательного постоянного выбора себя, своего тела, образа, ориентации. Личность в ее социально-психологическом плане становится чем-то неустойчивым, эфемерным, приобретает неопределенно-переменное значение и распадается.

Российская правовая традиция не несет в себе отрицания прав человека. Но они никогда ранее не рассматривались у нас как абсолютная самодовлеющая величина. Для российской цивилизации отнюдь не характерно сущностное противопоставление и противостояние человека и государства, поскольку само государство выступает как государственно организованное общество, как жизненно необходимая политико-правовая форма совместного существования людей. Иначе и быть не могло в условиях суровой природы, сложной организации хозяйства, обширной территории с высокой степенью этнического разнообразия. Тем более при агрессивном геополитическом окружении, вынуждающем к принятию централизованных мер по защите общенационального периметра.

Соответственно, правовое понимание человека в нашей системе ценностных координат определяется не его разделением, а связью с государством, т. е. статусом гражданина, в котором заключено единство взаимных прав и обязанностей человека со своим Отечеством. Поэтому, кстати, вполне оправданно то, что права человека названы в известном президентском указе в числе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Здесь нет парадокса. Но нужно четко понимать, что качество прав человека как традиционной ценности определяется не импортированным содержанием, а аутентичной российской политико-правовой трактовкой и нуждается в раскрытии именно с этих социокультурных позиций. Смысл прав человека в нашей правовой культуре неразрывно сопряжен с идеей социального служения и пользы, с раскрытием своего интеллектуального, духовного, творческого потенциала для умножения общего блага.

То же касается и целого спектра идей, относящихся к организации публичной власти. Достаточно сказать о том, что сами по себе понятия «разделение властей», «федерализм» не имеют прямого закрепления в Конституции, которая говорит об осуществлении государственной власти «на основе разделения» на законодательную, исполнительную и судебную, а также оперирует терминами «федерация», «федеративное государство», «федеративное устройство» и некоторыми производными от них понятиями. Обращение же к категориям разделения властей и федерализма связано с включением в их содержание вполне определенного ценностно-идеологического измерения, которое сформировано не в нашей правовой среде.

Соответственно, при анализе нашей системы публичной власти сквозь призму «разделения властей», «федерализма» господствуют в основном догматические подходы западной правовой традиции, зачастую игнорируется собственный опыт государственного строительства, вытекающий из суверенного права народа на политическое самоопределение.

Так, представления об исчерпывающем перечне состава ветвей власти, которые непременно должны находить в «системе сдержек и противовесов», о полицентрической сущности федерализма, служащего выражением регионального самоуправления, о лежащей в основе местного самоуправления идее муниципальной автономии должны быть подвергнуты критическому анализу на основе понимания исторически сложившихся подходов к «симфонии» российской публичной власти, пространственной организации ее принципиального единства, вхождения общины в систему российской государственности.

Говоря о произвольных иностранных заимствованиях в нашей юриспруденции, нельзя не сказать хотя бы в нескольких словах о такой порочной тенденции, как *распространение методологии правовой глобализации*, настаивающей, среди прочего, на стирании границ между романо-германской и англосаксонской системами права и ведущей в целом к размыванию, умалению национальной идентичности российской правовой системы. В русле идеологии правового глобализма находятся, например, попытки внедрения в России судебного прецедента как источника права, что создает напряжение в реализации принципа законности, попытки навязывания экономического анализа права, ставящего утилитаризм, экономическую целесообразность выше нравственных требований и справедливости.

3. Еще одной серьезной проблемой нашей научной юриспруденции является не просто ее *отставание от потребностей практики* и комментаторское реагирование на уже состоявшиеся нормативные решения, но и, более того, *доминирующий шаблонно-схематический подход в понимании и объяснении принятых решений, которые пытаются свести к известным внешне похожим явлениям*, опять же с ориентацией на зарубежные образцы, и в ущерб раскрытию их оригинальной, самобытной правовой природы.

Весьма примечателен в этом плане складывающийся опыт научного осмысления такой новой конституционно-правовой категории, как федеральная территория.

Надо сказать, что не наука, а именно законодательная практика сформировала данный институт, тогда как научная юриспруденция, пренебрегая целостным, системным видением его сути в общей логике конституционных поправок, то вообще отрицает ценностное значение данного института в системе территориальной организации публичной власти, то настаивает на его несоответствии (а, значит, и якобы дефектности) существующим в мировой практике моделям, то обозначает его в качестве эклектического формирования, лишённого внутреннего единства и цельности, то, напротив, пытается в борьбе за формальную чистоту предельно жестко разграничить отдельные составляющие данного института по принадлежности к разным уровням и системам публичной власти. Существуют и весьма экстравагантные примеры увязывания федеральной территории с формами естественной территориальной самоорганизации населения, как если бы речь шла в данном случае о механизме территориального самоуправления. Возникает идейно-смысловой «винегрет», который не способен удовлетворить насущные потребности развития.

Не углубляясь в обсуждение этого вполне самостоятельного вопроса, отмечу лишь, что институт федеральной территории характеризует особый правовой режим публичной власти, не предполагающий обязательного организационного обособления органов, обеспечивающих решение вопросов местного значения, а основанный на организационном единстве публичной власти, что обусловлено безусловным приоритетом общефедеральных интересов в реализации возложенных на федеральную территорию задач.

4. В завершение хотел бы отметить, что одной из существенных предпосылок для этих и других ценностно-мировоззренческих проблем современной российской научной юриспруденции является характерный для нашей юридической среды *дефицит фундаментальных конституционно-правовых знаний* при доминировании отраслевой методологии, в том числе с претензией на собственный конституционный уровень. В этом плане являются весьма характерными суждения о том, что сама Конституция выступает не чем иным, как сводом общих принципов, сложившихся в разных отраслях права, или о том, что подлинными ценностями жизни общества определяются не конституционным, а гражданским правом, поскольку якобы именно оно непосредственно определяет основы материального существования человека, а следовательно, — как предполагает логика этого подхода — и все производные аспекты социального бытия.

Само же *национальное конституционное право страдает отсутствием понимания собственной идентичности*, прежде всего цивилизационно-культурной, изобилует представлениями об истоках конституционализма, целиком принадлежащих Западу, к которым Россия лишь некоторым образом припала, но в образовании которых не участвовала.

К сожалению, распространению таких представлений в известной степени способствует организация программ по юридическому образованию, в которых в большинстве случаев конституционное право как обязательный компонент присутствует именно в таком государственно-анонимном виде, а зарубежное (или сравнительное) конституционное право не выделяется отдельно. Между тем именно российское конституционное право служит основой национальной правовой идентичности, а его изучение в составе особенной части общего курса конституционного права дезориентирует в отношении идейных и ценностных истоков нашей государственно-правовой жизни, создает предпосылки к тому, чтобы считать эталонными западные конституционные идеи. Невнимание к курсу зарубежного конституционного права не только снижает информированность о богатстве, разнообразии международного конституционного опыта, но и не способствует развитию его критической оценки, умения видеть проблемы, недостатки зарубежных конституционных систем.

В этой связи очень важно активизировать работу по *укреплению роли конституционного права России в образовательном процессе*, в том числе по неюридическим специальностям.

Также считаю важным поставить на обсуждение вопрос *об усилении государственного контроля над изданием учебной литературы по праву* для высшей школы, с тем чтобы преодолеть информационное и идеологическое «зашлаковывание» образовательного процесса.

Информация об авторе

Сергей Владимирович Кабышев, Заслуженный юрист Российской Федерации, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, Москва, Россия

Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации (обзор выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции)

Геннадий Николаевич Чеботарёв✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: g.n.chebotarev@utmn.ru✉

20 октября 2023 г. в Тюмени состоялась Всероссийская научно-практическая конференция на тему «Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей многонационального народа России», организаторами которой выступили Институт государства и права Тюменского госуниверситета, Общественная палата Тюменской области, региональное отделение Ассоциации юристов России, региональное отделение Ассамблеи народов России при поддержке Правительства Тюменской области, Тюменской областной Думы. Конференция посвящалась 30-летию Конституции Российской Федерации и 75-летию доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации Г. Н. Чеботарёва.

В конференции приняло участие свыше 150 ученых-конституционалистов из 19 вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Саратова, Севастополя, Сургута, Твери, Калининграда, Кемерово, Кургана, Тюмени, а также представители органов публичной власти, общественных палат Тюменской области, Тюмени, региональных отделений Российского профессорского собрания, Всемирного Русского Народного Собора, Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России». В пленарном заседании участвовало свыше 200 человек.

На открытии конференции с приветственным словом выступили Министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков, Губернатор Тюменской области А. В. Моор, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию С. В. Кабышев, председатель Тюменской областной Думы Ф. Г. Сайфитдинов, Митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий, ректор Тюменского госуниверситета И. С. Романчук.

В своих выступлениях они отметили важную роль Конституции в развитии общества и государства, укреплении правопорядка, защите прав и свобод граждан, укреплении духовно-нравственных ценностей многонационального народа России.

В. Н. Фальков и С. В. Кабышев подчеркнули необходимость совершенствования системы высшего образования, повышения престижа научной деятельности, роли гуманитарной науки в реализации конституционных ценностей. В завершение своего выступления Министр науки и высшего образования РФ — выпускник Института государства и права Тюменского государственного университета В. Н. Фальков вручил Г. Н. Чеботарёву регалии звания «Почетный работник сферы образования Российской Федерации».

Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий Центром судебного права Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» Н. С. Бондарь остановился на необходимости соблюдения единства формально-юридических и нравственно-этических ориентиров при отправлении правосудия. По его мнению, необходимо формировать конституционную идеологию духовно-нравственных ценностей.

О духовно-нравственном потенциале Конституции Российской Федерации говорил доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель Института государства и права Тюменского государственного университета, председатель Общественной палаты Тюменской области Г. Н. Чеботарёв. Поправками, внесенными в 2020 г. в Конституцию РФ, расширен перечень духовно-нравственных ценностей, источниками которых являются традиции и обычаи народов России. Конституционно закреплено понятие брака и супружества как союза женщины и мужчины, приоритетом государственной политики названо создание государством условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей.

Признание в Конституции исторически сложившегося государственного единства, необходимости сохранения памяти предков, защитников Отечества, поддержания и охраны государством многонациональной культуры укрепляет и расширяет духовно-нравственный потенциал Основного закона.

Г. Н. Чеботарёв разделяет мнение ряда ученых о необходимости серьезной ревизии либерально-демократической концепции прав и свобод на конституционно-правовом уровне.

Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования Российской Федерации В. И. Крусс свое выступление посвятил проблемам и перспективам конституционного преобразования России на основе деконструкции культурного кода. В рамках обозначенной стратегии конституционной деконструкции смыслов и неотчуждаемых духовно-солидарных по своей природе прав, свобод и обязанностей человека и гражданина предложил рассмотреть возможность на основе междисциплинарного подхода «трансплантации» в основы конституционного строя будущей России таких вопросов, как самобытность пути России в качестве самостоятельной цивилизации, уникальность менталитета («загадочной русской

души»), кризис светского и «омертвление» ультралиберального гуманизма, необходимость и приоритет духовно-патриотического воспитания элит, легитимация целеполагания «абсолютного добра» и всенародной духовной солидарности и др.

Доктор юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова К. А. Ишеков раскрыл значение идеологической функции Конституции РФ в реализации конституционных ценностей.

Выступления ряда ученых были посвящены характеристике и оценке отдельных конституционных ценностей.

Так, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского госуниверситета Е. С. Шугрина рассматривает местное самоуправление как важную самостоятельную конституционную ценность.

Доктор юридических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ М. А. Липчанская относит к демократической и духовной ценности взаимное доверие власти и населения, роль которого возрастает в условиях цифровой трансформации.

О значении традиций и права в обеспечении культурной самобытности современных кочевников Севера и Арктики в России рассказала доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального права Сургутского госуниверситета Н. А. Филиппова.

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Е. В. Бердникова отметила значимое место в системе традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества такой конституционной категории, как гражданственность.

Государственной защите семьи, материнства, отцовства, детства как конституционной ценности, посвятила свое выступление кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин ИГиП ТюмГУ О. А. Теплякова.

О ценности свободы мирных собраний правового государства говорил кандидат юридических наук, доцент Высшей школы права Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта А. В. Саленко.

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, профессор Уральского государственного экономического университета О. А. Кожевников поделился своими размышлениями о праве граждан на объединение, статусе государственно-общественных и общественно-государственных объединений.

Проблемам правового обеспечения традиционных духовно-нравственных ценностей, их закрепления в Конституции РФ, совершенствования конституционного законодательства посвятили свои выступления преподаватели кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин ИГиП ТюмГУ кандидат юридических наук, доцент

Д. А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор В. Е. Севрюгин, кандидат юридических наук, доцент С. А. Васильев, а также доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и административного права Юридического института Кемеровского государственного университета Ю. В. Ким и доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук А. С. Сухоруков.

По итогам конференции выступившие ученые договорились об издании коллективной монографии «Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации».

Информация об авторе

Геннадий Николаевич Чеботарёв, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, председатель Общественной палаты Тюменской области; научный руководитель Института государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
g.n.chebotarev@utmn.ru

Peace and security in Africa

Book review of

Gopal N. D., Chetty D., Hlalele D. J., & Kruger G. (Eds.). (2022).

***Peace, Safety, and Security: African Perspectives.* Peter Lang.**

Volkmar Kreißig

Taita Taveta University, Taita Taveta, Kenya

Corresponding author: vkreissig@gmx.net

Abstract. In this book, speaking from Afrocentric viewpoints and theoretical approaches, the authors ask the universal and most important questions of our time about peace, social security, protection of people and the environment from physical damage, and the institutional guarantees necessary for this. These questions are necessarily linked to guarantees of justice. The African perspective is important in order to transform our position, which is guided by Eurocentric thinking and the »rich north« perspective, into a universal perspective. According to the authors, Africa is characterized by uniform continental challenges. So far, none of the Western powers have been able to offer a lasting solution to these challenges. The West lacks the original experience of the anti-colonial struggle and the pursuit of independent African development.

Introduction

In this book, the authors raise universal and essential questions of our time regarding peace, social security, the protection of people and the environment from physical harm, and the necessary institutional guarantees for these aspects. They inquire: “How can global human goals be achieved worldwide, especially in Africa, and implemented using authentically African methods? What corresponding policies and social changes are necessary?”

These questions are inherently linked to guarantees of justice. Without appropriate guarantees and mechanisms, other global issues cannot be resolved, and the very existence of civilization and the preservation of life on our planet become permanently unattainable. The African perspective is crucial in transforming our stance, which has been guided by Eurocentric thinking and the view of the “rich North,” into a universal perspective.

The authors start from their Afrocentric viewpoints and theoretical approaches. In their view, Africa is characterized by unified continental challenges. Western powers have not been able to offer lasting solutions to these challenges. They lack the authentic experience of anti-colonial struggle and the pursuit of independent African development. This volume builds upon a previous publication by György Széll and Dasarath Chetty (2018),¹ which also includes my own contribution on this topic.

According to the authors, the West is still guided by postcolonial thinking. Encouraged by similar African problems transcending borders, appropriate “African” solutions must be found. These solutions cannot solely rely on “Best Experience” insights from Westerners. Often, solutions based on Western suggestions have led to “wrong and unsuitable approaches.” Africans are increasingly learning to recognize and address the problems and challenges of their continent on their own.

Most misjudgments in Africa, despite good intentions, have been made based on the traditional cognitive and functional roles of Northern industrialized countries. Novel solutions centered on African issues must deviate from Western mindsets and policies.

Universal questions of Africa and the globalized world

In the 2015 UN General Assembly, the agenda of sustainable development and “global issues of all humanity” were discussed. Seventeen goals for the sustainable development of humanity were defined. Goal 16 includes ensuring peace, security, and social justice, which are also crucial in Africa. This guarantee requires robust, peacekeeping, functional institutions. However, the creation of necessary social, economic, and political justice is disrupted by numerous intra-African and intercontinental conflicts. In the current era of neoliberal globalization policy, conflict resolution in Africa, as elsewhere in the world, primarily seeks to use violence across various areas of conflict.

Conflicts in Africa mostly stem from postcolonial conditions in the region. Policies primarily focus on preserving the post-colonial status quo and ensuring the unimpeded exploitation of African resources by industrialized countries. The resurgence of tribal thinking also hampers national and international pan-African developments.

The new report by the Club of Rome, “A World for All,” published in 2022, argues about five necessary transformations to eliminate growing social inequality. The political, climatic, and ecological emergency threatening the future of all life on our planet thus requires a reversal of human behavior. These transformations include:

- 1) ending poverty,
- 2) eliminating glaring inequality,
- 3) empowering women,
- 4) establishing a healthy food system for humans and ecosystems,
- 5) and using clean energy.

¹ Széll, G., & Chetty, D. (Eds.). (2018). *Making Popular Participation Real. African and International Experiences*. Peter Lang.

The preservation of world peace as a fundamental condition for these necessary transformations is not mentioned by the authors in this context. Perhaps, it is a compromise to facilitate the creation of such a joint publication with a programmatic and symbolic character at all?

Fundamental positions and statements of the African authors of the book

The book presented by the African authors is based on empirical research, providing deep insights into the real African situation and addressing all the recommended transformations proposed by the Club of Rome. It primarily focuses on the theme of “peace” and its connection with social inequality as the root cause of violence. Successful approaches to African peacebuilding and violence prevention are presented.

The authors’ insights into internal, national, often cross-border African conflicts are linked to local situations, wars, and violent confrontations. These conflicts are associated with increasing crime, the waste of social and ecological resources, vital raw materials, poverty, and inequality, as well as significant tribal issues. Previous attempts to solve these conflicts in Africa have increasingly led to civil wars and tribal disputes, followed by hesitant peace initiatives. These attempts have not resulted in lasting peace but rather spawned new derivative problems.

The contributions deal with general African peace and security solutions. They describe the role of the Southern African Development Community and the Economic Community of West African States in maintaining peace and security, the private military and security firms in civil war scenarios, the successes and failures of UN peacekeeping missions, as well as the influence of globalization on labor protection and safety in Africa. Furthermore, the significance of the actions of the Peace and Security Council of the African Union in solving the problems of the “Libyan Spring” is discussed.

African conflicts are mostly linked to xenophobia, struggles for food and housing security, cyber-security, student, and labor struggles, as well as various old and new tribal conflicts. The corresponding African insights provided in the individual chapters may initially appear somewhat disjointed. However, upon closer examination, their internal consistency becomes apparent.

The representatives of the younger generation also make logically stimulating contributions. Their chapters specialized in South African issues complement the predominantly globally oriented analyses of their internationally experienced colleagues. This enriches the content significantly. The analysis of all problems’ completeness and holistic solutions was not achieved or aimed for.

The publication was painstakingly produced over the past years. Its development and publication were hampered by the conditions of the global Covid-19 pandemic (Kreissig, 2020).¹

¹ Kreissig, V. (2020). Limits of growth and the Corona virus pandemic. In D. Chetty (Ed.). *Reflections during Pandemic* (pp. 27–30). ISA RC 10.

Current situation of peacekeeping in Africa

Since World War II, the absolute number of people killed in conflicts has decreased globally, as noted by the authors, both worldwide and in Africa. Present African conflicts have predominantly become intrastate, with fewer interstate conflicts. Many conflicts are waged by non-state players such as international terrorist groups, criminal organizations, resistance groups, and political supporters.

In North Africa, the Sahel states, East, West, and South Africa, as well as the former front-line states of the anti-apartheid struggle, the massive consequences of colonialism such as resource scarcity, corruption, dysfunctionality of state institutions, lawlessness, unresolved territorial issues, and exacerbations of climate change are apparent. These are new factors driving intra-African conflicts.

Muslim-oriented terrorist groups like Boko Haram, Al-Shabaab, Al-Qaida, Nusrat-al-Islam, and the Islamic State, as well as groups operating with Christian-ideological motives like the Lord's Resistance Army, have emerged. Growing technical knowledge and data technology skills are used by African youth groups for criminal and terrorist purposes. Globalization creates global crime, for which globally applicable countermeasures are often lacking.

Security trends in Africa show increasing terrorism and military coups. Resurging tribal conflicts are becoming more frequent, and actions such as data hacking and cyber-attacks create new avenues for crime and violence. At the same time, killings and murders in most African states, as well as gender-based violence against children, are on the rise.

Multinational corporations, not only Chinese ones, are engaged in the constant search for new sources of energy and raw materials and their exploitation. Non-equivalent transfer of fossil fuels to industrialized countries contrasts with the lack of investments from industrialized countries in utilizing extensive solar and other energy resources. Profits from resource exploitation end up in the pockets of multinational corporations and African comparators. These so-called major 'players' in the commodity, energy, food, and pharmaceutical industries are omnipresent in almost all African states.

Habermasian 'uncertainties' become particularly tangled when examining the 'modern Africa.' New conflicts have emerged and intensified after formal state independence. Tribal conflicts have resurfaced under new conditions and have become politicized. Political conflicts have been fueled, focusing on the appropriation of vital resources. This significantly hampers a socially balanced African sustainable development.

Various state divisions have also emerged (Sudan and Libya). Tribal elites form parties that often make unsustainable election promises. Therefore, democratic elections, due to the lack of real alternatives, often result in violent unrest and conflicts of new kinds. Military coups are also on the rise.

Democratic development in Africa is often seen as obsolete in the mass consciousness. Many African states are led by dictators or by governments that are democratically legitimized only to a limited extent. If it is not possible to create adequate solutions for Africa's internal problems through a fair, sustainable development and investment policy that meets Africa's needs, the refugee flow caused by economic and social factors across the Mediterranean to Europe is more likely to swell than to stop someday.

Africa dominated by violence, corruption, tribal feuds, unstable institutions, and regimes — ungovernable?

Africa is not a politically, economically, culturally, and linguistically homogenous continent. Its states have been formally independent for about half a century. Its population is significantly young. The formation of civic nations is still in its 'infancy.' However, like Europe, America, and Asia, the continent is shaped by different historical developments, traditions, ethnic groups, religious influences, etc. States that have centuries of colonial past, influenced by missionary work and slave trade, dominate. Since the abolition of colonial and semi-colonial regimes, only three–five new African generations have grown up in formally independent states in the 20th and 21st c. They are slowly beginning to define themselves as nations and unite, partly through sporting achievements (Kenya, Ethiopia, South Africa, Morocco), individual leaderships of larger and smaller tribes.

However, tribal and religious ties are still or again predominant. New elites have emerged. Formerly scarce, now rapidly growing young intellectual offspring has been raised in independent African education systems. National and regional ruling classes, however, are still characterized by centuries-old tribal affiliations, conflicts, and differences as well as postcolonial influences.

Bourgeois-democratic government systems, economic and scientific structures, are often copies of parliamentary and other institutions of the former 'mother countries.' These institutions still show extensive cultural dependencies on these countries and continuing ties.

Profits reinvested in Africa from the export of resources to industrialized countries — including China — are not sufficient to solve economically the diverse development-related problems of the politically young continent. Corruption of ruling elites adds to the significantly inhibiting factor of development. Ending poverty, eliminating blatant inequality, empowering women, building a healthy food system for humans and ecosystems, and transitioning to clean energy, as advocated by the Club of Rome, have made slow progress in Africa for various reasons mentioned here only in part. Even African political research institutions that propagate the 'best governance,' conduct workshops, or so-called 'gender projects.' 'Good will' initiatives such as the return of stolen cultural artifacts, development programs in various sectors and regions only help to solve the existing problems and conflicts to a limited extent. Escalating violence, corruption of tribal elites, crime, lack of productive investments, oversized prestige construction projects (e. g., for the World Cup in South Africa and for transportation infrastructure in Kenya), starving people, inadequate healthcare, and ongoing loss of agricultural land, as well as lack of drinkable water and energy are results of mismanagement, the visible, centuries-old legacy of colonialism, and ecological destructions.

The 'South African rainbow nation' is supposed to unite people from various tribal communities, with black, brown, and white skin colors, as well as predominantly African, Indian, British, and Dutch roots. It is supposed to allow the next generation to grow peacefully together beyond apartheid-induced, racial divisions, and long South African struggles for independence.

The internal and external migration pressure caused by the rapidly growing young African population, ecological problems (lack of drinking water, due to extensive oil extraction and profit transfer, insufficient environmental protection), tribal conflicts, and the highest crime rates could not be effectively combated.

The Western-recommended model of bourgeois democracy, which was schematically implemented after the dissolution of direct colonial status, is increasingly proving obsolete. New government forms anchored in grassroots democracy, stable institutions, and political elites that effectively combat the legacies of colonialism are not in sight.

On the individual contributions, analyses, and conclusions

The first four chapters of the book deal with pan-African problems and perspectives. The empirical results are presented in connection with the selected research methods. For example, in the first fundamental chapter “Peace and Security Issues in Africa: Unearthing the Trajectories in the 21st Century” G. C. Mbara and D. Chetty present a critical analysis of existing discourses.

The authors state: “The risk of violent conflict and political instability in Africa has been amplified by many structural pressures.” (p. 7). According to Bello-Schünemann and Moyer — renowned governance and development experts from the Institute for Security Studies (South Africa, Kenya, Ethiopia, and Senegal) — the keys to conflict prevention, peace preservation, and, above all, social development in Africa lie in understanding their nature, drivers, and trajectories.

The authors of this introductory chapter draw on the knowledge that was predominantly acquired through research projects at the Zulu Natal University in Durban. Several authors from other South and West African universities supplement the explanations with the results of their research from Nigeria and Libya. However, especially the more experienced and internationally recognized authors have developed a perspective that goes beyond the sole South African perspective. Their contributions can be rightfully called African — or even international, Afro-centric perspectives. Several of these authors have worked at German, British, Vatican, and other international universities as postdocs or as visiting and honorary professors, or have also been engaged in political advisory services for South African and international political institutions.

Nevertheless, the predominantly South and partially West African perspective and handwriting are recognizable. North and East African problems are less represented, except for Libya. Mbara and Chetty assume in their analysis of the state of affairs that security can no longer be achieved primarily through ‘peacekeeping’ missions — i. e., solely through the deployment of internationally dispatched troops with UN mandate, as was the case during the Cold War. The authors describe the drivers of security trends. Since the founding of the UN 78 years ago, the number of African conflicts has changed. They are less deadly and interstate, and are more frequently fought between intrastate and regional groups. Human security must therefore be modernly defined as the “protection and empowerment of people

affected by extreme violence and underdevelopment” (Owens, 2012),¹ their adequate life and survival must be ensured and institutionally guaranteed.

The UN-D Program defines human security as both security and protection for the rapidly growing population, particularly in Africa, from chronic threats such as hunger, diseases, and oppression. Additionally, this definition includes additional protection from sudden and painful disruptions to normal daily life, such as those caused by climate change, increasing natural disasters, lack of clean drinking and usable water, insufficient land, energy shortages, and inadequate infrastructure. This definition represents more meaningful, comprehensive, and contemporary measures.

The authors do not provide their own definition of peace and do not engage in the philosophical and ethical debates of the past and present (Hobbes, Rousseau, Kant, Galtung). They limit themselves to the quoted UN position.

The treatment of human security at the societal level currently encompasses the main long-term causes of international conflicts. In this introductory chapter, trends and scopes of peace and security solutions in Africa are discussed, based on Samuel Stouffer’s relative deprivation theory (subjective experience of disadvantage).

According to the authors, the Boko Haram catastrophe is also associated with relative deprivation, as their sect members perceive the contrasts and similarities between civilian government elites and “ruling Christians” (Vybiralová, 2016).² These elites have already been privileged by past colonial practices. Chetty and Mbara note that the African Union (AU) has been working since its establishment in 2002 to promote sustainable development of peace and security, democracy, rule of law, and human rights in the long term.

The authors conclude:

“While armed struggle is more common in rural regions, riots and protests are primarily urban events, especially since the proportion of Africa’s urban population living in slums continues to rise. Clearly, integrated urban development policies must handle issues over property rights, land, and services for urban people. Africa will continue to be tumultuous because it is growing and dynamic, subject to powerful external influences, badly governed, young, and poor. Many African countries are undergoing a political renaissance that is unusual for a region that has long suffered dictatorial exploitation by its own elites and silently at the hands of foreign intervention. Compared to other parts of the world, Africa is not facing a democratic retrogression, and protest has become more acceptable public behaviour in many nations as the number of elected democracies has grown. This is evident in the changing character of violence, with the ballot box increasingly replacing the bullet as the main source of political struggle, as well as a shift in emphasis to urban centres rather than the countryside” (p. 29).

S. Tembo (Chapter 2) provides an overview of the role of Southern and West African Development and Economic Communities in preserving peace and security in the regions. These communities have been significantly dominated by the leading regional economies

¹ Owens, P. (2012). Human security and the rise of the social. *Review of International Studies*, 38(3), 547–567.

² Vybiralová, L. (2016). *Nigeria and Boko Haram Insurgence — The Roots of Political Violence* [Dissertation]. University of Masaryk. <https://is.muni.cz/el/1423/jaro2016/MVZ489/61907258/Essay.pdf>

of the Republic of South Africa and Nigeria. They have initiated a series of activities to preserve peace and security. Although there were mistakes in regional activities, a lot has still been achieved. However, new regional security architectures should be reconsidered and introduced, which solidify these regions as units and centers for peace and security.

N. Mbhele and M. Mphatheni (Chapter 3) discuss the participation of private military and security companies in African civil wars and weigh the advantages and disadvantages of the actions of such private actors for the preservation and creation of peace and security in Africa. They distinguish between mercenaries and private military and security personnel and describe the rules of this private personnel. The participation of private South African military companies in African conflict resolutions is discussed using the examples of Sierra Leone and the Democratic Republic of Congo. In this context, the authors discuss the requirements of appropriate rules for participation in international civil wars. The crossing of the legal framework and the influence of private security forces on civil wars are analyzed based on the African Union Convention on the “Elimination of Mercenarism.”

S. Singh and G. Sharma (Chapter 4) deal with comparing and analyzing the successes and failures of UN Peacekeeping Missions in some African states.

L. Nkosi, M. Mphatheni, and S. Mkhize (Chapter 5) call for a new “African victimology” that could play a special role in preserving security and peace in Africa.

C. Madlabana, S. Reuben, and R. Petrus (Chapter 6) deal with the negative impact of globalization on occupational safety and health in Africa.

S. M., T. Ojolo, and K. Majola (Chapter 7) address the changing understanding of cyber-crime’s morph from computer-based fraud to fetish-based spiritual victimization. The tale of Yahoo-Plus in Nigeria, its backgrounds, and possible ways out are presented.

H. Mgudlwa and K. Shai (Chapter 8) describe the work of the African Peace and Security Council in the Libyan uprising, its activities, mistakes, and weaknesses. They describe the disempowerment of this council, its contradictory attitudes, and the hindrance of its actions by the intervention of NATO from an African critical perspective.

S. Reuben, R. Petrus, and C. Madlabana (Chapter 9) describe the struggle to contain gender-based violence in South Africa.

E. Sibanyoni (Chapter 10) analyzes the cultural practices of violent genital mutilation/mutilation of girls in Africa.

N. Ngobo (Chapter 11) describes the official justification: gender-based violence against young women and its avoidability. She discusses discourses and avoidance strategies in so-called ‘Sugar Daddy’ relationships in the university environment.

L. Nguban (Chapter 12) presents xenophobia and violence against foreigners in contemporary South Africa, its causes, and possibilities for combating it.

S. Bhoola (Chapter 13) provides a critical overview of food and nutrition policies and the mistakes made in combating hunger and malnutrition in children in Zululand.

S. Bobat and F. Essak (Chapter 14) describe the insecurities and weaknesses as well as initial successes of the student movement ‘Fees Must Fall.’

N. Mlamala, P. Hadebe, and K. Shumba (Chapter 15) discuss the ongoing violence in South African community accommodations and their potential for prevention.

N. Gopal, G. Mbara, and S. Olonfinbiyi (Chapter 16) analyze cyberspace as a security threat, based on a sample of South Africans.

György Széll (Chapter 17) writes an “Epilogue: Peace, Security, and Safety — A View from Outside.” He describes his first visit to South Africa over 20 years ago. On that occasion, he observed the two main challenges to South Africa’s security: HIV and crime. Building on these initial analyses and publications, he now describes further problems of South African security. The Covid-19 pandemic, the accumulation of traffic accidents, crime and violence in various forms, the still existing reactionary apartheid legislation, increasing emigration and the associated ‘brain drain,’ corruption, existing deficits in democracy, and the need to fight for democratic participation of African citizens, as well as the problems of growing inequality. In his view, the still existing ‘social apartheid,’ migration, and their conflict and insecurity potentials arise from social divisions that could be overcome through solidarity of the ‘Rainbow Nation.’ At the same time, he describes the ambivalence of prevailing religions and religiosity as well as the problems of existing capitalism in South Africa. He concludes his reflections with his own poem, dedicated to the ‘African Renaissance’ advocate Pitika Ntuli, which is characterized by hope and the dream at the Cape of Good Hope, the dream of security.

Содержание за 2023 год

Том 9. № 1 (33)

Социология

- 6 Анализ кризисов в связанных экономиках на примере стран Латинской Америки
Ромашкина Г. Ф., Андрианов К. В., Богданенко А. А.
- 24 Жизнь соло в зеркале зарубежных социально-экономических исследований
Любимова Е. А.
- 44 Волонтерская деятельность молодежи: репрезентация в социальных сетях
Кичерова М. Н., Юрина Е. А., Каравайцева Т. В.

Право

- 66 Защита от социальных рисков как фактор обеспечения права на достойное существование
Иванчина Ю. В., Истомина Е. А.
- 78 Конституционный судебный контроль как средство непосредственного обеспечения прав и свобод граждан
Тарасов А. В., Гоглева К. Ю.
- 92 Полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ как органов правовой охраны Основного закона
Курятников В. В.
- 109 Гендерный подход и принцип справедливости уголовного закона
Абдувалиев А. Ф.
- 122 Адаптация правового регулирования института отцовства к достижениям в области медицины: история и современность
Мун В. А.

Экономика

- 131 Влияния имущественных налогов на инвестиционную деятельность организаций
Королева Л. П.
- 148 Прогноз котировок акций ПАО «Сбербанк» с применением корреляционно-регрессионного анализа
Теньковская Л. И.
- 167 Финансовый механизм государственно-частного партнерства: особенности и направления совершенствования
Тюрина Ю. Г., Духовская А. А.

Том 9. № 2 (34)

Социология

- 6 Духовное состояние как компонент социального самочувствия молодежи
Дьякова В. В., Каргаполова Е. В., Петрова П. И.
- 20 Сравнительный анализ: актуальность социальных сетей среди нигерийской и российской молодежи
Олову Г. О., Акулич М. М.
- 33 Семья или карьера? Счастье и успешность молодежи через ориентацию на профессиональные и семейные ценности
Ефимова Г. З., Кувалдина С. Ю.
- 58 «Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности»
Давыденко В. А., Андрианова Е. В.

Право

- 83 Территориальное общественное самоуправление в России как национальная модель общественного участия в осуществлении публично-властных полномочий
Гордеева И. В.
- 109 Организационно-правовые основы развития концепции публичного управления городом
Муталипов Р. Б.
- 128 Проверка конституционности нормативных правовых актов в целом (по материалам практики конституционного суда Российской Федерации)
Петров А. А.
- 143 Законодательная «почва» для трансплантационного туризма в России
Попова Ю. П.

Экономика

- 157 Человеческие ресурсы с высоким потенциалом в новых экономических условиях: проблемы управления в системе территориального маркетинга
Симонова Л. М., Зырянова А. С.
- 178 Оценка структуры и динамики налоговых расходов федерального бюджета в контексте достижения социально-экономических целей
Демидова С. Е.
- 194 Оптимизация механизма целевого планирования предприятия топливно-энергетического комплекса
Салько М. Г., Басуева С. Н., Скворцова Н. К.

Обзоры, рецензии, научные события

- 213 Рецензия на книгу: Скачкова Г. С. 2022. Регулирование труда лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и федеральных государственных органов, выполняющих задачи в области обороны, правоохранительной деятельности и безопасности государства
Зайцева А. В.
- 221 Научный обзор материалов IV Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности
Скипин Д. А., Кольцова Т. А.

Том 9. № 3 (35)

Социология

- 6 Постсоветская идентичность: ресурсы интеграции
Каргаполова Е. В., Мусаева И. А., Крестова М. А.
- 26 Предпринимательство в оценках студентов СПО региона:
социальные установки и гендерная специфика
Хайруллина Н. Г., Омаров Э. З., Амбрушкевич К. В.
- 43 Концепции финансовой грамотности в современном мире
Лазутина Д. В., Портняга Е. М.
- 68 Роль сериалов в жизни молодежи
Кичерова М. Н., Бородкина А. А.

Право

- 89 Некоторые проблемы нормативного регулирования ответственности
должностных лиц местного самоуправления в единой системе
публичной власти Российской Федерации
Кожевников О. А.
- 110 Особенности конституционно-правового регулирования конкуренции
в современных условиях цифровой экономики, параллельного импорта
и импортозамещения в Российской Федерации
Сухоруков А. С.
- 130 Гражданское и арбитражное судопроизводство в новых экономических условиях
Коваль В. Н., Морозова А. Н.
- 148 О правовой природе юридически значимого сообщения
Бочаров Н. С.
- 161 Вопрос об основании привлечения к уголовной ответственности
за фальсификацию истребуемых доказательств
Скороходов А. К.
- 176 Бесплатная юридическая помощь в Соединенных Штатах Америки
Россиев В. В.

Экономика

- 192 Оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации
Орешиников В. В., Низамутдинов М. М.
- 214 Роль и место Тюменской области в экономике
Уральского федерального округа и России
Зотиков Н. З.
- 233 Состояние и развитие малого и среднего предпринимательства
в Российской Федерации
Захарова К. А., Муравьев Д. А., Жеурова Е. Г.
- 247 Развитие инструментов внутрифирменного планирования
на нефтегазодобывающем предприятии
Хажин Д. И., Салько М. Г., Пленкина В. В.

Том 9. № 4 (36)

Социология

- 6 Горожане и селяне: роль семьи в социализации студентов СПО
Широкалова Г. С., Дулина Н. В., Пронина Е. И.
- 22 «Жизненный мир» в координатах современной экзистенциальной социологии
Андреанова Е. В., Давыденко В. А., Черненко А. С.
- 52 Особенности спроса на образовательные услуги высшего образования и оценка его доступности
Столь А. В.
- 69 Непрерывное развитие компетенций руководителей в финансовой компании в разрезе системных возможностей карьерного роста
Шавровская М. Н., Пеша А. В.

Право

- 87 Цифровая трансформация систем социальной защиты в государствах — членах Евразийского экономического союза
Анбрехт Т. А.
- 104 Спорные аспекты возмещения убытков и ответственность генерального директора юридического лица в условиях продолжающейся реформы гражданского законодательства Российской Федерации
Романчук С. В., Безуглый Р. В.
- 122 Освобождение от ответственности участников государственных закупок: баланс интересов сторон
Зимнева С. В., Лукьяненко М. Ф.
- 138 Основные тенденции развития договорного регулирования труда в странах ШОС
Раманкулов К. С., Зайцева Л. В.
- 152 Правовая концепция формирования гуманитарного «наукограда» неиндустриального города (на примере г. Ханты-Мансийска)
Ряшин М. П.

Экономика

- 170 Прогнозирование технологических трендов креативной реиндустриализации городов в научном и патентном поле
Антонова И. С.

Обзоры, рецензии, научные события

- 183 Будущее национального права: традиционные идеи и перспективные модели: обзор Международного форума, посвященного 30-летию Конституции Российской Федерации
Иванова Л. В., Зенин С. С., Зайцева Л. В., Винниченко О. Ю., Абдулвалиев А. Ф.

Contents for 2023

Vol. 9. No. 1 (33)

Sociology

- 6 Analysis of crises in related economies on the example of Latin American countries
Romashkina, G. F., Andrianov, K. V., & Bogdanenko, A. A.
- 24 Solo living in the mirror of foreign socio-economic studies
Lyubimova, E. A.
- 44 Youth volunteering: representation in social media
Kicherova, M. N., Yurina, E. A., & Karavaytseva, T. V.

Law

- 66 Protection from social risks as a factor in ensuring the right to live in dignity
Ivanchina, Yu. V., & Istomina, Ye. A.
- 78 Constitutional judicial control as a means of directly ensuring the rights and freedoms of citizens
Tarasov, A. V., & Gogleva, K. Yu.
- 92 The powers of constitutional (statutory) councils of subjects of the Russian Federation as bodies of legal protection of the Basic Law
Kuriatnikov, V. V.
- 109 Is the punishment imposed on women for committing intentional crimes consistent with the principle of justice?
Abdulvaliev, A. F.
- 122 Adaptation of the legal regulation of the institution of fatherhood to advances in medicine: history and modernity
Mun, V. A.

Economics

- 131 The impact of property taxes on the investment activities of organizations
Koroleva, L. P.
- 148 Forecast of stock quotations of Sberbank PJSC using correlation and regression analysis
Tenkovskaya, L. I.
- 167 Financial mechanism of public-private partnership: features and directions of improvement
Tyurina, Yu. G., & Dukhovskaya, A. A.

Vol. 9. No. 2 (34)

Sociology

- 6 State of mind as a component of youth's social well-being
Diakova, V. V., Kargapolova, E. V., & Petrova, P. I.
- 20 Comparative analysis: the relevance of social media networks among Nigerian and Russian youth
Olowu, G. O., & Akulich, M. M.
- 33 Family or career? Happiness and success of youth through orientation towards professional and family values
Efimova, G. Z., & Kuvaldina, S. Yu.
- 58 "Simulacra of translation": reflections on the publication of Jurgen Habermas' *Theory of Communicative Activity*
Davydenko, V. A., & Andrianova, E. V.

Law

- 83 Territorial self-government in Russia as a national model of public participation in the exercise of public authority
Gordeeva, I. V.
- 109 Organizational and legal basis for the development of the concept city public administration
Mutalipov, R. B.
- 128 Verification of the constitutionality of normative legal acts (based on the practice of the Russian Constitutional Court)
Petrov, A. A.
- 143 Legislative "ground" for transplant tourism in Russia
Popova, Yu. P.

Economics

- 157 High-potential human resources under the new economic conditions: issues of management in the place marketing system
Simonova, L. M., & Zyrianova, A. S.
- 178 Assessment of the formation and volume of tax expenditures in the federal budget
Demidova, S. E.
- 194 Optimization of the target planning mechanism of the fuel and energy complex enterprise
Salko, M. G., Basueva, S. N., & Skvortsova, N. K.

Reviews, Critiques, Events

- 213 Review of the book: Skachkova, G. S. (2022). Regulation of the Work of Civilian Personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, Federal Executive Authorities of the Russian Federation and Federal State Bodies Performing Tasks in the Field of Defense, Law Enforcement and State Security
Zaytseva, L. V.
- 221 Scientific review of the materials of the 4th All-Russian Forum on Economic Security in Tyumen
Skipin, D. L., & Koltsova, T. A.

Vol. 9. No. 3 (35)**Sociology**

- 6 Post-Soviet identity: integration resources
Kargapolova, E. V., Musayeva, I. A., & Krestova, M. A.
- 26 Entrepreneurship as assessed by students of vocational education and training in the region: social attitudes and gender specifics
Khairullina, N. G., Omarov, E. Z., & Ambrushkevich, K. V.
- 43 Financial literacy analysis: a comprehensive study
Lazutina, D. V., & Portnyaga, E. M.
- 68 The role of TV series in the life of young people
Kicherova, M. N., & Borodkina, A. A.

Law

- 89 Normative regulation of local government officials' responsibility in the Russian unified system of public authority
Kozhevnikov, O. A.
- 110 The features of constitutional regulation of competition in the modern conditions of the digital economy, parallel import, and import substitution in the Russian Federation
Suhorukov, A. S.
- 130 Civil and arbitration proceedings in the new economic conditions
Koval, V. N., & Morozova, A. N.
- 148 On the legal nature of the legally significant message
Bocharov, N. S.
- 161 The question of the basis of criminal prosecution for falsification of the required evidence
Skorokhodov, A. K.
- 176 Free legal aid in the United States of America
Rossiev, V. V.

Economics

- 192 Assessment of the quality of life in the regions of the Russian Federation
Oreshnikov, V. V., & Nizamutdirov, M. M.
- 214 The role and place of the Tyumen Region in the economy of the Ural Federal District and Russia
Zotikov, N. Z.
- 233 The state and development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation
Zakharova, K. A., Muravev, D. A., & Zheurova, E. G.
- 247 Development of intra-company planning tools at an oil and gas producing enterprise
Khazhin, D. I., Salko, M. G., & Plenkina, V. V.

Vol. 9. No. 4 (36)

Sociology

- 6 Townspeople and villagers: the role of the family in the socialization of SSE students
Shirokalova, G. S., Dulina, N. V., & Pronina, E. I.
- 22 “Lifeworld” in the coordinates of modern existential sociology
Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Chernenko, A. S.
- 52 Features of demand for educational services of higher education and assessment of its availability
Stol, A. V.
- 69 Continuous development of competencies of financial company managers in the context of systemic career opportunities
Shavrovskaya, M. N., & Peshva, A. V.

Law

- 87 Digital transformation of social protection systems in the member states of the Eurasian Economic Union
Anbrekht, T. A.
- 104 Disputable aspects of compensating losses and general director’s liability at a legal entity during the ongoing reform of the RF civil legislation
Romanchuk, S. V., & Bezugly, R. V.
- 122 Exemption from liability of participants in public procurement: balance of interests of the parties
Zimneva, S. V., & Lukyanenko, M. F.
- 138 Main trends in the development of contractual labor regulation in the SCO countries
Ramankulov, K. S., & Zaitseva, L. V.
- 152 The legal concept of the formation of a humanitarian science city of a non-industrial city (on the example of the city of Khanty-Mansiysk)
Ryashin, M. P.

Economics

- 170 Forecasting technological trends of creative reindustrialization of cities in the scientific and patent field
Antonova, I. S.

Reviews, Critique, Events

- 183 The Future of National Law: Traditional Ideas and Prospective Models: Review of the International Forum dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation
Ivanova, L. I., Zenin, S. S., Zaytseva, L. V., Vinnichenko, O. Yu., & Abdulvaliev, A. F.

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Социально-экономические и правовые исследования
2024. Том 10. № 1 (37)

Редактор	<i>Д. В. Лангавая</i>
Перевод	<i>Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>Т. П. Сербин</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Дата выхода в свет 26.04.2024
Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro
Печать цифровая. 13,13 усл. печ. л., 10,5 уч.-изд. л.
Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 17